

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2019 Т. 3 № 3

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2019

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000)

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: igo@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовались фотографии, сделанные в разные годы студентами и преподавателями университета.

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 23.10.2019. Заказ 337. Тираж 500 экз. Цена свободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2019 VOL. 3 No. 3

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2019

Founder - Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010

Editorial office: 26, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

The photos on the journal cover were made by the university students and academic staff in different years

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 23.10.2019. Order 337. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р пед. наук *Савва Любовь Ивановна* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Рашикулина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор - *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Гневэк Ольга Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кружилина Тамара Васильевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич - д-р психол. наук (Череповец)
Орехова Татьяна Федоровна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустини Мария Тереза - проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич - д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович - проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Коробков Юрий Дмитриевич - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Мусийчук Мария Владимировна - д-р. филос. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна - канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович - канд. филос. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович - канд. психол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Исакова Сабир Сагынбековна - д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Савельев Константин Николаевич - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулежкова Светлана Григорьевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Емец Татьяна Владимировна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редакторы части журнала на английском языке

преподаватели каф. английского языка МГТУ им. Г.И. Носова (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Liubov' I. Savva*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief - *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Ol'ga V. Gnevек - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tamara V. Krujilina - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshер - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov - Doctor of Science in Psychology (Cherепovets, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Oxsana A. Lukina - Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti - Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin - Doctor of Science in Psychology (**Kostanay, Kazakhstan**)
Petru Jelescu - Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Yuriy D. Korobkov - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Maria V. Musiychuk - Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova - Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova - Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin - Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezchnikov - Candidate of Psychology

Section III. Philology

Sabira S. Issakova - Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana .A. Pesina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana V. Emets - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoytova - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Yekaterina A. Lomakina - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editors of the issue of the journal in English

Teachers of the department of English of Nosov Magnitogorsk State Technical University

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
<i>М. Л. Кривуть</i>	
РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО МАРАФОНА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	6
<i>Р. Ю. Новоселов</i>	
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВИДЕОКОНТЕНТА	12
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	18
<i>Е. В. Декина, В. С. Егоров</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ	18
<i>А. А. Пасс</i>	
РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	26
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	46
<i>М. Л. Бедрикова</i>	
О МОЛОДЕЖНЫХ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯХ МАГНИТОГОРСКА 1930–2010-х гг.: «ГОРОД И СЕМЬЯ В МИНИАТЮРЕ»	46
<i>Л. Н. Мишина</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В «ЖИТИИ СВЯТОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ»	58
VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	65
<i>С. Г. Шулежкова</i>	
МАПРЯЛ ЖИВ И БУДЕТ ЖИТЬ! (XIV КОНГРЕСС ПРОШЕЛ В НУРСУЛТАНЕ)	65
ПАМЯТКА АВТОРАМ	73

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES.....	6
<i>Krivut M. L.</i>	
The Role of the Volunteer Marathon in the Formation of Communicative Competence of Teachers of Inclusive Education.....	6
<i>Novoselov R. Y.</i>	
History of Educational Video Content.....	12
SECTION II. SOCIAL SCIENCES.....	18
<i>Dekina E. V., Egorov V. S.</i>	
Study of Child and Parental Relations in the Deputy Family.....	18
<i>Pass A. A.</i>	
Russian-Historiography on Economic Crime in the USSR in the Years of the Great Patriotic War.....	26
SECTION III. PHILOLOGY	46
<i>Bedrikova M. L.</i>	
About Youth Literary Groups of Magnitogorsk 1930-2010: "A Little about City and Family.....	46
<i>Mishina L. N.</i>	
Specifics of the Human Emotional Condition Designation in "Saint Xenia of Saint Petersburg's Life".....	58
SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE.....	65
<i>Shulezhkova S. G.</i>	
MAPRYAL is Alive and Will Live! (the XIV Congress was Held in Nur-Sultan).....	65
INFORMATION FOR THE AUTHOR	73

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО МАРАФОНА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация Увеличение количества детей с особыми образовательными потребностями, пересмотр отношения в обществе к детям с особенностями психофизического развития, развитие экономики и демократических взглядов и т.д. способствуют развитию инклюзивного образования в Республике Беларусь. Для работы в условиях инклюзивного образования необходим педагог с высоким уровнем развития профессиональной компетентности. Одним из главных компонентов профессиональной компетентности является коммуникативная компетентность. В условиях инклюзивного образования коммуникативной компетентности педагога придается особое значение, так как вся педагогическая деятельность построена на коммуникативной основе. При этом инклюзивное образовательное пространство включает всех обучающихся: общающихся при помощи речи, поддерживающей и/или альтернативной коммуникации, не владеющих национальным языком и т.д. Вносят коммуникативную деятельность свои специфические особенности национальные, религиозные, социально-экономические условия. Следовательно, для работы в условиях инклюзивного образовательного пространства необходимо пересмотреть образовательные программы высшего образования, чтобы учесть данные аспекты в подготовке будущих педагогов. В связи с тем, что данный процесс длителен, а подготовленные педагогические кадры необходимы уже сегодня, в УО «Барановичский государственный университет» большое значение уделяется волонтерской деятельности. В процессе волонтерства студенты приобретают необходимый для профессиональной деятельности опыт взаимодействия с обучающимися, имеющими особые образовательные потребности. Будущие педагоги учатся не только общаться, а на практике отрабатывают методики проведения разных видов уроков и внеклассных мероприятий, что способствует формированию профессиональной компетентности. Волонтерская деятельность – это добровольная деятельность, однако пропаганда положительного опыта способствует тому, что значимая часть студентов включается в разные волонтерские проекты. Таким проектом является «Волонтерский марафон». Он направлен на взаимодействие студентов с обучающимися, имеющими особые образовательные потребности. В данной статье приводятся результаты исследования мнения студентов, их высказываний о влиянии волонтерской деятельности на формирование у них компонентов коммуникативной компетентности.

Ключевые слова коммуникативная компетентность, инклюзивное образование, волонтерская деятельность, Республика Беларусь.

Социально-экономические, демократические, политические и другие условия развития современного белорусского общества способствуют интенсивному внедрению идей инклюзивного образования в образовательный процесс. На данный момент в Республике Беларусь проходит экспериментальный этап, в течение которого анализируется целесообразность и приемлемость в наших образовательных условиях разных моделей включения обучающихся с особыми образовательными потребностями (далее – ООП). Независимо от того, какая модель будет признана оптимальной, уже сегодня наше общество имеет потребность в профессиональных педагогических кадрах, способных работать как с детским коллективом, так и с каждым обучающимся, независимо от его ООП. Однако подготовка будущих педагогов проходит в период, когда нормативно-правовая база инклюзивного образования только формируется, что приводит к дефициту учреждений образования, способных показать разные модели педагогического взаимодействия субъектов инклюзивного образовательного пространства.

Говоря о профессионализме педагога, мы вслед за Н. Ф. Ильиной [3], Н. В. Кузьминой, А. А. Реаном [7], Н. Н. Никитиной [8] и другими учеными имеем в виду *профессиональную компетентность*. Заинтересованность проблемой профессиональной компетентности приводит к тому, что взгляды исследователей относительно данного понятия различны. Мы привели некоторые из них в таблице 1.

Таблица 1 – Определения профессиональной компетентности

№ п/п	Определение понятия «профессиональная компетентность»	Автор (№ в списке литературы к статье)
1)	совокупность личностно-социально-деятельностных компетенций, обеспечивающих успешность освоения какой-либо профессиональной деятельности, эффективность ее исполнения и высокий уровень установки на саморазвитие.	[6]
2)	главный когнитивный компонент подсистемы профессионализма деятельности, сфера профессионального ведения, постоянно расширяющаяся система знаний, позволяющая осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью.	[1]
3)	способность к эффективному выполнению профессиональной деятельности, определяемой требованиями должности, базирующейся на фундаментальном научном образовании и эмоционально-ценностном отношении к педагогической деятельности.	[10]
4)	потенциальное интегративное качество личности при условии сформированности профессиональной готовности личности к различным аспектам деятельности: процессу, объекту и результату деятельности, а также к себе, как к субъекту деятельности.	[4]
5)	многофакторное явление, включающее в себя систему теоретических знаний и способов их применения в конкретных ситуациях, ценностные ориентации, а также интегративные показатели культуры (речь, стиль общения, отношение к себе и своей деятельности, к смежным областям знания и др.).	[2]
6)	способность к оптимальному выполнению культуросообразных видов деятельности; интегральное единство интеллектуальных и навыковых составляющих, личностных характеристик, ценностных ориентаций специалиста, позволяющих человеку успешно адаптироваться в постоянно изменяющихся условиях профессиональной деятельности.	[9]

Профессиональная компетентность – это многокомпонентное образование, одним из компонентов которого является коммуникативная компетентность. Анализ исследований В. Д. Шадрикова и изучение требований образовательного стандарта ОСВО 1-01 02 01-2013 позволили нам дать следующее толкование термина «коммуникативная компетентность педагога инклюзивного образования»: *новообразование субъекта деятельности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки, представляющее собой системное проявление знаний, умений, способностей и личностных свойств и качеств, позволяющих успешно решать функциональные задачи, составляющие сущность профессиональной деятельности педагога инклюзивного образования* [5, с. 6].

Таким образом, компонентами коммуникативной компетентности педагога инклюзивного образования (далее – КК) являются коммуникативные знания, коммуникативные умения, коммуникативные способности, а также личностные свойства и качества. КК – это новообразование, которое формируется в процессе профессиональной деятельности (начиная с профессионального обучения) и направлено на формирование готовности и способности педагога инклюзивного образования (коммуниканта) к вступлению в коммуникативную деятельность с каждым субъектом (реципиентом), подгруппой либо группой субъектов инклюзивного образовательного пространства. Однако если формирование коммуникативных знаний, как правило, происходит посредством реализации образовательных программ в процессе учебной деятельности, то для развития остальных компонентов КК необходим практический коммуникативный опыт с максимально возможным количеством субъектов образовательного пространства. Накопление данного опыта происходит в процессе педагогических практик, лабораторных занятий, участия студентов в научно-практических семинарах и конференциях. Тем не менее, организовать коммуникативную деятельность с педагогами и администрацией учреждений образования, обучающимися с ООП, их родителями, узкими специалистами и т.д. только в рамках образовательного процесса крайне сложно. Таким образом, возникает противоречие. С одной стороны, для формирования КК необходим коммуникативный опыт с субъектами инклюзивного образовательного пространства, с другой – количество аудиторных часов не позволяет реализовать данную задачу. Более того, модели инклюзивного образовательного учреждения, включающей в образова-

тельный процесс всех обучающихся с ООП, пока нет. При этом, согласно этапам реализации «Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь», ежегодно с 2015 г. количество учреждений образования, осуществляющих инклюзивное образование, будет увеличиваться. Именно поэтому возникла потребность в поиске новых форм подготовки будущих педагогов. Одной из таких форм стала волонтерская деятельность.

Волонтерская деятельность в Республике Беларусь находится у своих истоков. Сегодня формируется нормативно-правовая база волонтерской деятельности. Одним из последних изданных документов, регламентирующих молодежное волонтерское (добровольческое) движение, является постановление Министерства образования Республики Беларусь «Об утверждении Концепции организации молодежного волонтерского (добровольческого) движения в Республике Беларусь» от 16 ноября 2015 г. № 128¹. Согласно данному документу, молодежная волонтерская (добровольческая) деятельность – это «широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение»².

В связи с тем, что волонтерская деятельность – это добровольная деятельность, обязывать к ее выполнению нельзя. Информирование о положительном опыте волонтерской деятельности способствует тому, что количество инициативных, отзывчивых студентов ежегодно увеличивается. Сегодня только в Ресурсном центре инклюзивного образования насчитывается 140 волонтеров. Для активизации волонтерской деятельности был организован Волонтерский марафон, который проходил в течение 3-х месяцев и включал следующие виды деятельности:

- проведение творческих мастер-классов для обучающихся дошкольного и младшего школьного возраста с тяжелыми и/или множественными нарушениями физического и/или психического развития;
- проведение спортивно-творческих мероприятий для обучающихся дошкольного и младшего школьного возраста с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР);
- проведение олимпиад для одаренных обучающихся младшего школьного возраста;
- сопровождение обучающихся с расстройствами аутистического спектра и нарушениями функций опорно-двигательного аппарата в образовательном процессе;
- участие в концертных программах, посвященных 75-летию освобождения Беларуси, для обучающихся с ОПФР;
- разработка дизайн проекта по оформлению интерьера УЗ «Барановичская детская городская больница» и его реализация;
- проведение развлекательных мероприятий для пациентов УЗ «Барановичская детская городская больница»;
- создание методических пособий для обучающихся с ООП дошкольного возраста.

В мероприятиях марафона приняло участие 215 студентов 1–4 курсов всех факультетов университета, не имеющих волонтерского опыта. По окончании марафона был проведен опрос студентов, участвующих в разных видах волонтерской деятельности. Цель опроса – выявить мнение волонтеров о влиянии волонтерской деятельности на формирование у них коммуникативной компетентности. Каждому студенту было необходимо выбрать приемлемый для него вариант ответа возле каждого высказывания (см. табл. 2).

Таблица 2 – Результаты опроса студентов, участвующих в волонтерском марафоне

Волонтерская деятельность помогла мне...				
№ п/п	окончание высказывания	Да (согласен)	Затрудняюсь ответить	Нет (не согласен)
1)	применять в общении с обучающимися с ОПФР различные коммуникативные тактики, стратегии	172 (80%)	41 (19%)	2 (1%)
2)	познакомиться с новыми вербальными и невербальными приемами коммуникации	110 (51,16%)	53 (24,65%)	52 (24,19%)
3)	закрепить знания коммуникативного этикета	200 (93%)	15 (7%)	-

¹Постановление Министерства образования Республики Беларусь «Об утверждении Концепции организации молодежного волонтерского (добровольческого) движения в Республике Беларусь» от 16 ноября 2015 г. № 128 // Министерство образования Республики Беларусь. URL: <http://edu.gov.by>. (дата обращения –14.06.2016).

² Там же.

Волонтерская деятельность помогла мне...				
№ п/п	окончание высказывания	Да (согласен)	Затрудняюсь ответить	Нет (не согласен)
4)	строить продуктивное общение с учетом образовательных, интеллектуальных, речевых и других особенностей собеседника	137 (63,72%)	64 (29,77%)	14 (6,5%)
5)	использовать информационно-коммуникативные технологии в коммуникационном процессе	112 (52,1%)	80 (37,21%)	23 (10,69%)
6)	формировать у обучающихся навыки коммуникации	136 (63,26%)	52 (24,19%)	27 (12,55%)
7)	порождать новые идеи в организации коммуникативной деятельности (развивать креативность)	68 (31,63%)	113 (52,56%)	34 (15,81%)
8)	разрабатывать новые альтернативные средства коммуникации	14 (6,5%)	35 (16,28%)	166 (77,21%)
9)	учитывать половозрастной и социальный статус собеседника в процессе коммуникации	190 (88,37%)	25 (11,63%)	-
10)	принимать и оказывать помощь каждому собеседнику	202 (93,95%)	13 (6,05%)	-
11)	научиться работать в команде	198 (92,1%)	12 (5,6%)	5 (2,3%)
12)	научиться работать самостоятельно	70 (32,56%)	49 (22,79%)	96 (44,65%)
13)	научиться рефлексии коммуникативного процесса	167 (77,67%)	37 (17,21%)	11 (5,12%)
14)	предупреждать и разрешать конфликтные ситуации в общении с обучающимися с ОПФР	115 (53,49%)	74 (34,42%)	26 (12,09%)
15)	развивать свою коммуникативную культуру	210 (97,7%)	5 (2,3%)	-
16)	проявлять лидерские качества	159 (74%)	40 (18,6%)	16 (7,4%)
17)	научиться сопереживать и проявлять эмпатию	199 (92,6%)	16 (7,4%)	-
18)	психологически подготовиться ко вступлению в коммуникативный контакт с ребенком с ОПФР, с инвалидностью	201 (93,5%)	14(6,5%)	-
19)	психологически подготовиться ко вступлению в коммуникативный контакт с семьей ребенка с ОПФР, с инвалидностью	145 (67,44%)	17 (7,91%)	53 (24,65%)
20)	психологически подготовиться ко вступлению в коммуникативный контакт с коллегами	176 (81,86%)	32 (14,79%)	7 (3,25%)

Результаты анкетирования показывают, что в результате участия в волонтерском марафоне многие студенты начинают чувствовать себя более уверенно в коммуникативной деятельности. Они учатся преодолевать коммуникативные трудности, учитывать личностные и психофизические особенности собеседника. Используя разные коммуникативные стратегии, студенты-волонтеры закрепляют навыки общения как с одним собеседником, так и группой обучающихся.

Специфика волонтерских мероприятий заключается в том, что большинство предложенных видов деятельности отличаются повышенной динамичностью. В результате таких условий у студентов практически нет времени для осознания своих коммуникативных страхов. Им приходится быстро устанавливать коммуникативный контакт и решать поставленные задачи. Продолжительность каждого социально направленного мероприятия варьируется в зависимости от тяжести нарушений обучающихся и их возраста. Самыми длительными по времени являются спортивно-творческие праздники для обучающихся младшего школьного возраста, однако и они по регламенту не превышают 1 академического часа (45 минут). Если на большинство мероприятий студенты идут с настороженностью, т. к. не имеют опыта взаимодействия с обучающимися с ОПФР и/или инвалидностью, то по окончании марафона как волонтеры, так и обучающиеся приобретают много положительных эмоций. Такие эмоции и высокая результативность каждого мероприятия способствуют изменениям в восприятии и отношении к обучающимся с ОПФР и/или инвалидностью. Динамичность и непродолжительность каждого волонтерского мероприятия позволяет студентам приобретать новый, как правило, положительный коммуникативный опыт. Все это способствует как повышению профессиональной компетентности будущих педагогов вообще, так и коммуникативной компетентности в частности.

Таким образом, современные социально-экономические, демократические, политические и другие условия приводят к необходимости в повышении профессиональной компетентности педагога в инклюзивном образовательном пространстве. Что в свою очередь приводит к пересмотру содержания понятия коммуникативной компетентности как одного из компонентов профессиональной компетентности. Одним из наиболее эффективных средств повышения как коммуникативной, так и профессиональной компетентности в условиях инклюзивного образования является волонтерская деятельность, направленная на разные формы взаимодействия будущих педагогов с обучающимися с ООП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А. М. Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании: риски подготовки некомпетентного специалиста // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 214–230
2. Дружилов С. А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход // Сибирь. Философия. Образование. 2005. № 8. С. 26–44.
3. Ильина Н. Ф. Профессиональное образование как условие профессионального развития педагога // Теория и практика профессионализации: опыт и перспективы : сборник статей / под общ. ред. Г.А. Гуртовенко. Красноярск : ККИПКРО, 2005. С. 16–27.
4. Ильина Н. Ф., Адольф В. А. Подготовка педагога к инновационной деятельности в процессе профессионального становления // Альма Матер. 2006. № 10. С. 18–20.
5. Карпов А. В., Кузнецова И. В., Кузнецова М. Д., Шадриков В. Д. Профессионализм современного педагога: методика оценки уровня квалификации педагогических работников : монография / под ред. В. Д. Шадрикова. М. : Логос, 2011. 168 с.
6. Колбасова Л. О. Профессиональная компетентность в современном социальном пространстве // Вестник ОГУ. 2009. № 7. С. 26–31.
7. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности : метод. пособие. СПб.: Рыбинск : Б.и., 1993. 54 с.
8. Никитина Н. Н., Кислинская Н. В. Введение в педагогическую деятельность: Теория и практика. М. : Академия, 2006. 224 с.
9. Онищенко Н. Э. Совершенствование профессиональной компетентности педагогов профильных гуманитарных классов : монография. Ижевск. Б.и. 2010. 221 с.
10. Суходольский Г. В. Структурно-алгоритмический анализ и синтез деятельности. Л. : ЛГУ, 1976. 120 с.

M. L. Krivut (Baranovichy, Republic of Belarus)

THE ROLE OF THE VOLUNTEER MARATHON IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF TEACHERS OF INCLUSIVE EDUCATION

Abstract. Increasing the number of children with special educational needs, revising attitudes in society towards children with special needs, development of the economy and democratic views, etc. contribute to the development of inclusive education in the Republic of Belarus. To work in conditions of inclusive education, a teacher with a high level of development of professional competence is required. One of the main components of professional competence is communicative competence. In conditions of inclusive education of the communicative competence of the teacher, special importance is attached, since all pedagogical activity is built on a communicative basis. At the same time, inclusive educational space includes all students: communicating using speech, supporting and / or alternative communication, not speaking the national language, etc. They bring into the communicative activity their specific features national, religious, socio-economic conditions. Therefore, to work in an inclusive educational environment, it is necessary to revise the educational programs of higher education in order to take these aspects into account in the training of future teachers. Due to the fact that this process is long, and trained teaching staff is needed today, volunteer activity is given great importance at the Baranavichy State University. In the process of volunteering, students acquire the experience necessary for professional activities to interact with students who have different special educational needs. Future teachers learn not only to communicate, but in practice they practice methods of conducting different types of lessons and extracurricular activities, which contributes to the formation of professional competence. Volunteering is a voluntary activity, however, the promotion of positive experience contributes to the fact that a significant portion of students are included in various volunteer projects. Such a project is the “Volunteer Marathon”, aimed at the interaction of students with students with special educational needs. This article presents the results of a study showing students' opinions on the impact of volunteerism on the formation of their components of communicative competence.

Keywords: communicative competence, inclusive education, volunteering, education in the Republic of Belarus

REFERENCES

1. Derkach A. M. Kompetentnostnyi podkhod v srednem professional'nom obrazovanii: riski podgotovki nekompetentnogo spetsialista, *Voprosy Obrazovaniya*, 2011, no. 4, pp. 214–230.
2. Druzhilov S. A. Professional'naya kompetentnost' i professionalizm pedagoga: psikhologicheskii podkhod, *Sibir'. Filosofiya. Obrazovanie*, 2005, no. 8, pp. 26–44.
3. Il'ina N. F. Professional'noe obrazovanie kak uslovie professional'nogo razvitiya pedagoga, *Teoriya i praktika professionalizatsii: opyt i perspektivy* : sbornik statei / pod obshch. red. G. A. Gurtovenko. Krasnoyarsk, KKIPKRO, 2005, pp. 16–27.
4. Il'ina N. F., Adol'f V. A. Podgotovka pedagoga k innovatsionnoi deyatel'nosti v protsesse professional'nogo stanovleniya, *Al'ma Mater* [Alma Mater], 2006, no. 10, pp. 18–20.
5. Karpov A. V., Kuznetsova I. V., Kuznetsova M. D., Shadrikov V. D. Professionalizm sovremennogo pedagoga: metodika otsenki urovnya kvalifikatsii pedagogicheskikh rabotnikov : monografiya / pod red. V. D. Shadrikova. Moscow, Logos, 2011, 168 p.
6. Kolbasova L. O. Professional'naya kompetentnost' v sovremennom sotsial'nom prostranstve, *Vestnik OGU* [Vestnik of the Orenburg State University]. 2009, no. 7, pp. 26–31.
7. Kuz'mina N. V., Rean A. A. Professionalizm pedagogicheskoi deyatel'nosti : metod. posobie, Saint-Petersburg, Rybinsk, : B. i., 1993, 54 p.
8. Nikitina N. N., Kislinkaya N. V. Vvedenie v pedagogicheskuyu deyatel'nost': Teoriya i praktika. Moscow, Akademiya, 2006, 224 p.
9. Onishchenko N. E. Sovershenstvovanie professional'noi kompetentnosti pedagogov profil'nykh gumanitarnykh klassov : monografiya., Izhevsk, B.i. 2010, 221 p.
10. Sukhodol'skii G. V. Strukturno-algoritmicheskii analiz i sintez deyatel'nosti. Leningrad, LGU, 1976, 120 p.

Кривуть М. Л. Роль волонтерского марафона в формировании коммуникативной компетентности педагогов инклюзивного образования // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 6-11.

Krivut M. L. The role of the volunteer marathon in the formation of communicative competence of teachers of inclusive education, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 6-11.

Сведения об авторе

Кривуть Марина Леонидовна – методист ресурсного центра инклюзивного образования Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Республика Беларусь; krivut@mail.ru

Author:

Marina L. Krivut – the Methodist of Resource Center for Inclusive Education, Baranovichi State University, Baranovichi, the Republic of Belarus; krivut@mail.ru

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВИДЕОКОНТЕНТА

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе и обобщении исторического опыта по использованию образовательного видеоконтента в учебно-воспитательном процессе отечественных и зарубежных образовательных учреждений и организаций. Автор представляет систематизацию исторических этапов становления образовательного видеоконтента и дает им краткую характеристику. Условно данные этапы разделены на четыре основных периода: период изобретения учебного фильма, период активного внедрения кинематографа в образовательные учреждения, период оттеснения образовательного видеоконтента в разряд факультативных средств обучения, современный период развития образовательного видеоконтента как средства развития цифровой образовательной среды. Кроме того, прослеживается история изучения понятий «учебный фильм», «учебный кинематограф», «образовательный видеоконтент»; исследуются функции указанных средства развития обучающихся. В статье доказывается актуальность заявленной проблемы по развитию и активному применению образовательного видеоконтента, которая связана с отсутствием научных публикаций, раскрывающих историю учебного кинематографа и ход его трансформаций до приобретения нынешнего облика; обосновывается потребность в изучении образовательного видеоконтента как современного учебно-воспитательного средства, применяемого для полноценного развития обучающихся в условиях цифровой образовательной среды. В исследовании использовались следующие методы: исторический анализ, интерпретация и обобщение и систематизация. Автор показывает, что изучение и использование учебного фильма, образовательного видеоконтента в зарубежной и отечественной системе образования в разные исторические эпохи включает взлеты и падения. Обосновывается тезис о том, что, с точки зрения накопленного отечественного и зарубежного педагогического опыта, в современной педагогической практике проблема требует дальнейшего научного изучения, особенно в условиях реализации проекта «Российская электронная школа».

Ключевые слова: учебный кинематограф, видеофильм, образовательный видеоконтент, исторические этапы развития образовательного видеоконтента, цифровая образовательная среда.

Явление образовательного видеоконтента возникло путем трансформации учебного кинематографа и развивалось циклично. Сегодня интерес к нему возрождается: появился общественный запрос на образовательные инструменты доступного и открытого массового образования. Выскажем предположение, что данный запрос связан с резким прорывом научно-технического прогресса и нехваткой компетентных кадров, способных обучить большие массы людей. Похожая ситуация была характерна для 1920–1930 гг. и наблюдается в наше время [12; 13].

Целью данной статьи является анализ, систематизация и обобщение отечественного и зарубежного исторического опыта использования образовательного видеоконтента в практике образовательных учреждений и организаций.

Прародитель образовательного видеоконтента – учебный кинематограф появился практически сразу же после изобретения классического кино братьями Люмер. Первый случай использования видео в образовательных целях датируется 1898 г., когда во Франции вышел первый учебный кинофильм. Историю развития учебного видеофильма можно проследить по таблице 1.

Таблица 1 — История развития учебного видеофильма и образовательного видеоконтента

Дата	Событие
1895	Во Франции Луи и Огюстом Люмерами создан кинематограф
1896–1898	Просветительские показы кинофильмов братьев Люмер в Санкт-Петербурге
1897	Первое упоминание о просветительских функциях кинематографа в книге Ф. А. Данилова «Зеленый фонарь»
1898	Во Франции снят первый учебный фильм
1907	Сняты первые отечественные учебно-просветительские фильмы («Севастополь – военный порт», «Производство керосина в Баку», «Устье Волги») – фирмой А. О. Дранкова
1906–1909	А. Ширяевым снят первый анимационный познавательный фильм в мире
1909	В Одессе открыт кинотеатр «Научный кинематограф»
1914	75 российских школ имели собственные кинопроекторы и систематически применяли их в образовательных целях

Дата	Событие
1923	Кинообъединения страны начинают регулярно выпускать фильмы самой разнообразной научной тематики: «Электрификация», «По Средней Азии», «Волга», «Рыбоводство», «Как строится паровоз», «Земля и небо», «От хлопка до ткани», «По горам и ледникам Кавказа» и т.д.
1927	В СССР выходит Постановление коллегии Народного комитета просвещения «О разработке мероприятий по детскому кино»
1930	Организовано массовое производство учебных картин.
1933–1936	Выход сборников «Учебное кино» (1933–1936), где публиковались статьи А. М. Гельмонта, М. М. Полонского, Б. Х. Толля и др.
Конец 1930-х	В Москве созданы кинолаборатории «Школфильм» и «Вузфильм», освоившие выпуск монтажных кинолент.
1959	Состоялось Всесоюзное творческое совещание. Принято решение сделать кинематограф повседневным методом работы, а также использовать фильмы зарубежного производства (ощущалась острая нехватка фильмов).
В 1960–70-е	Открыта специальная программа «Учебное кино», в 1962г. – мастерская режиссуры учебного кино во ВГИКе. Учебные фильмы перестали ограничиваться научной информацией: в них актуализировалось и эстетическое, и этическое начало.
1967	Первый фестиваль учебных фильмов в Москве.
1970–80-е	Использование фильмов на уроке становится мотивированным, включенным в сложную систему проблемного обучения. Утверждается не просто полезность применения кино на учебных занятиях, а его необходимость и незаменимость.
1980-е гг.	Спад производства учебных фильмов из-за отсутствия государственного финансирования
1990-е 2000-е	Несистемное производство учебных кинофильмов в России.
2010-е	Появление площадок массовых открытых онлайн курсов – «Coursera», «Udacity» и «Udemy». Создание российских аналогов MOOK «Открытое образование», «Лекториум», «Универсарииум», основным инструментом обучения, которых являются видеолекции, обучающие видео, а также другой образовательный видеоконтент.
2010–2020-е	Создание проектов «Российская электронная школа» и «Современная цифровая образовательная среда». Создание видеоуроков по всем учебным общеобразовательным предметам с 1 по 11 класс. Создание десятков образовательных курсов для высшего образования на базе ведущих университетов РФ.

Изначально, выпуск учебных кинофильмов носил бессистемный характер, темы выбирались случайно, но несмотря на это, уже первые исследования в данной области доказали что технологии и методики учебного кинематографа эффективны в образовательной деятельности [3; 14]. Многие страны, осознав перспективность образовательного кинофильма, стали запускать собственные кинопроизводства просветительского характера. Так, в 1908 г. производство учебных фильмов началось в США.

Началом отсчета отечественной истории образовательного видеоконтента можно считать 1896–1898 гг., когда в Санкт-Петербурге в просветительских целях были организованы первые просмотры кинофильмов братьев Люмьер, а также видовые картины об устройстве «живой фотографии» [5, с.121–124], сопровождавшиеся лекциями ученых, специалистов в области научно-технической фотографии, В. И. Срезневского, Я. И. Ковальского.

Изначально данная просветительская возможность была доступна лишь взрослому населению, детям и подросткам, кадетам, воспитанникам церковных учебных заведений и гимназистам посещение кинотеатров запрещалось. В скором времени, прогрессивные российские ученые и педагоги осознали перспективность данного направления в процессе обучения и воспитания детей. Одним из первых упоминаний о возможностях учебного кино мы находим у Ф. А. Данилова в книге «Волшебный фонарь» изданной в 1897 г. [2, с. 74–76].

В русской педагогической литературе вопрос об использовании «синематографа» в школе был поднят также в 1897 г. Как и сегодня, в научных трудах того времени, учебный кинематограф рассматривается как средство с неограниченными возможностями в области образования, воспитания и приобщения к культурным ценностям. Однако в это же время появляется и противоположное мнение, сформулированное в педагогическую проблему: оппоненты призывали организовать борьбу с «наркотическим» воздействием фильмов, способных отравить сознание зрителя, направить на порочные мысли, навредить эмоциональным и умственным способностям [16; 17].

По мнению Л. А. Ивановой, первые отечественные учебно-просветительские фильмы были выпущены в 1907 г. В начале XX в. инициаторами продвижения учебных фильмов выступали педагоги В. Леликов, Г. Рождественский, М. Чехов [3].

В 1909 г. в Одессе открывается кинотеатр «Научный кинематограф», где преимущественно для учащихся читались образовательные лекции и демонстрировались просветительские фильмы. В этом же году в Москве был открыт кинотеатр с той же спецификой. Учебный кинематограф постепенно наращивает силу в России, и «уже в 1914 году 75 российских школ имели собственные кинопроекторы и систематически применяли их в образовательных целях» [11, с. 14–15].

Создателем первых в мире анимационных просветительских фильмов можно считать балетмейстера Мариинского театра Александра Ширяева. В 1906–1909 гг. он поставил ряд лент с танцующими фигурками на фоне неподвижных декораций, в которых с точностью воспроизвел балетные партии. Данные фильмы были продемонстрированы лишь узкому кругу знакомых и студентов и на широкий экран не выходили.

В 1910 г. Владислав Старевич снял обучающий фильм «Lucanus Cervus» о битве жуков-рогачей за самку. Этот фильм, как и работы А. Ширяева, не вышел в широкий прокат.

В начале 20-х годов XX в. Советский союз приступил к реформе школьного образования. При этом первый нарком просвещения А. В. Луначарский активно продвигал идею внедрения учебного кино в школах. Советские методисты и передовые педагоги начинают активную работу по изучению и внедрению программ, методик и практик о научно-образовательном и просветительском кино. В 1927 г. выходит Постановление коллегии Народного комитета просвещения «О разработке мероприятий по детскому кино», где впервые было решено издать ряд книг и пособий по вопросам кино, а также ввести в программу педагогических техникумов курс по «киноработе среди детей» [3; 14].

В последующем вышли в свет первые результаты исследований, затрагивающие вопросы влияния учебного кино на успеваемость учащихся. В. И. Крапчатов в 1936 г. представил следующие данные: «киноуроки в процессе проработки тем по различным предметам дают повышение успеваемости от 14,5–17 % до 33,2–50 % и повышают прочность запоминания изучаемого материала на 72,7–84,5 %» [6, с. 3–10].

В 1930-е годы в СССР был проведен крупномасштабный эксперимент, который можно считать одним из их первых примером применения образовательного видеоконтента в обучении широких масс. Процесс индустриализации привел к необходимости наладить массовую подготовку шоферов, однако специалистов для организации такой подготовки было недостаточно. «Для решения проблемы было решено использовать возможности звукового кино: при участии ведущих педагогов технических вузов были написаны киносценарии, к организации съемок привлечены профессиональные киногруппы, организована система кинопроката» [8, с. 68].

Проблемы психологии восприятия фильмов учащимися, методики использования фильмов на учебных занятиях в то время были изложены Н. К. Крупской в журнале «На путях к новой школе»³, в сборнике статей под редакцией А. М. Гельмонта «Кино – дети – школа» [4], в книге Н. Ф. Познанского «Школьное кино» [10] и др.

В российских школах начинают появляться учебные, научно-просветительские кинофильмы, которые демонстрируются уже учащимся отдельных классов, а не школьников всей школе, как раньше. При этом среди некоторых методистов и педагогов продвигалась идея замены печатных учебников киноальманахами. Но педагоги, почувствовав вытеснение классических форм обучения новаторскими технологиями и опасаясь собственной замены, стали активно сопротивляться тенденции кинофикации. Это отразилось на том, что уже в начале тридцатых годов учебный кинематограф отошел на второй план, уступив место учебнику [15].

Позже в советский период научные и просветительские фильмы для детей снимались в достаточном количестве, но уже применялись в большей степени как дополнительный инструмент, выполняющий факультативные функции художественно-эстетической или же идеологической направленности.

В 1970–80-х гг. учебное кино переключалось на центральное телевидение. С конца 1980 г и до середины 2000 г. наблюдается серьезный спад производства учебных фильмов в связи с отсутствием государственного финансирования и закрытием учебных киностудий [7].

³ Стенограмма доклада Н. К. Крупской на Всероссийской конференции по переподготовке учителей. Москва 20–25 марта 1924 г. Печатается по журн. «Народный учитель», 1924, № 5. URL: <https://litra.pro/obuchenie-i-vospitanie-v-shkole/krupskaya-nadezhda-konstatinovna/read/5>

Новый виток популярности образовательного видеоконтента пришелся на 2010 г. когда на Западе появились первые успешные проекты в сфере массового открытого онлайн-образования, такие как Coursera, Udacity и Udemy, основным инструментом обучения в которых являются видеолекции, обучающие видео и другой образовательный видеоконтент.

Несколькими годами позже в России появились аналоги вышеуказанных площадок, такие как «Открытое образование»⁴, «Лекториум»⁵, «Универсарium»⁶ и др. Сейчас развитию образовательного видеоконтента в России способствует национальный проект сфере образования «Современная цифровая образовательная среда в РФ»⁷, в рамках которого существуют такие подпроекты как «Российская электронная школа»⁸, платформы массовый открытых онлайн-курсов, функционируют региональные центры компетенций в области онлайн-обучения.

Учитывая вышесказанное, необходимо заключить, что в 1920–1930 гг. отечественная педагогика практически вплотную приблизилась к использованию образовательного видеоконтента как средства учебно-воспитательного процесса, направленного на эффективное развитие обучающихся, но, не получив распространения, эта научная идея не была реализована в практике советской системе образования тех лет. Ровно через 100 лет забытые методологические и теоретические наработки отечественных педагогов прошлого века вновь актуальны и теперь используются современными разработчиками, методистами и учителями при создании образовательного видеоконтента [1; 9]. Его применение позволяет сегодня, внедряя современные технологии, реализовать принцип наглядности по-новому [12; 13].

Проведенный нами исторический анализ открывает новые возможности в современной педагогической практике в развитии и широком использовании образовательного видеоконтента. Однако данная проблема требует дополнительного научного изучения в педагогической науке с учетом приобретенного опыта в разные исторические отрезки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденева О. А., Савва Л. И., Сайгушев Н. Я. Педагогические технологии в современном образовательном процессе: учебное пособие. М. : изд-во «Мир науки», 2016. 284 с.
2. Данилов Ф. А. Волшебный фонарь: Устройство его и способ употребления. Картины для волшеб. фонаря: рисов., фотогр. и делькомании, раскрашивание картин водян. и маслян. красками. Кинематограф и его устройство. Науч. демонстрации по физике и химии с помощью волшеб. Фонаря. М. : тип. т-ва И.Д. Сытина и К, 1897. 158 с.
3. Иванова Л. А. Линия кинообразования в педагогике России (конец XIX–XX вв) [Электронный ресурс]. // Magister Dixit. 2012. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/liniya-kinoobrazovaniya-v-pedagogike-grossii-konets-xix-xx-vv> (дата обращения: 29.04.2019).
4. Кино – дети – школа: методический сборник по киноработе с детьми / под ред. А. М. Гельмонта. М.: Работник просвещения, 1929 (21-я тип. "Мосполиграф"). 240 с.
5. Ковалов О. А. Новейшая история отечественного кино // Кино и контекст 1986–2000. Т. IV. СПб.: изд-во «Сеанс», 2002. С. 117–132.
6. Крапчатов И. А. Киноурок как наиболее эффективный метод работы // Учебное кино: М., 1936. № 3. С. 3-10.
7. Кузьмина М. В. Формирование медиакультуры учащихся в процессе создания ими образовательных видеоматериалов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 28 с.
8. Носкова Т. Н., Павлова Т. Б., Куликова С. С. и [др.] Сетевая образовательная среда: электронные ресурсы : учебно-методическое пособие / под общ. ред. Т. Н. Носковой. СПб : РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 110 с.
9. Павлова Л. В., Савва Л. И. Гуманитарная культура и социальное развитие личности [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 2. С. 136–140. Режим доступа: <http://www.top>

⁴ «Открытое образование» - современная образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. URL: <http://npoed.ru/>

⁵ «Лекториум» - образовательный проект, включающий платформу для публикации MOOK. Первое в России профильное издательство MOOK. URL: <https://www.lektorium.tv/>

⁶ «Универсарium» - российская система электронного онлайн-образования, построенная по технологии массовых открытых онлайн-курсов. URL: <https://universarium.org/>

⁷ Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Минобрнауки. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfIvOAG.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).

⁸ Приказ Минобрнауки России от 09.06.2016 № 698 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Российская электронная школа» на 2016–2018 годы». М. : Москва, 2016. 48 с.

technologies.ru/ru/article/view?id=36600 (дата обращения: 31.03.2017).

10. Познанский Н. Ф., Школьное кино: методические указания нанский. Саратов : [б. и.], 1929. 62 с
11. Прессман Л. П. Использование кино и телевидения в целях развития речи учащихся на уроках русского языка и литературы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1963. 17 с.
12. Савва Л. И., Акманова С. В., Недосекина М. А. Условия гуманитаризации высшего профессионального образования : коллективная монография / под общей ред. Л. И. Саввы. Магнитогорск: МаГУ, 2008. 463 с.
13. Савва Л. И., Солдатченко А. Л., Семькина Е. Ю. [и др.]. Коммуникативный потенциал субъектов образовательного процесса : коллективная монография / под общей ред. Л. И. Саввы. Магнитогорск : МаГУ, 2005. 345 с.
14. Семенова А. К. Учебное кино: исторический аспект [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. С. 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20038> (дата обращения: 28.04.2019).
15. Чельшева И. В. Методика и технология медиаобразования в школе и вузе : монография. Таганрог : изд. центр ТГПИ, 2009. 320 с.
16. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического исследования). СПб. : Шиповник, 1913, 312 с.
17. Яроцкий А. И. Ценность религии с биологической точки зрения. Юрьев : К. Матиссен, 1915, 79 с.

R. Y. Novoselov (Magnitogorsk, Russia)

HISTORY OF EDUCATIONAL VIDEO CONTENT

Abstract.. The purpose of this article is to analyze and generalize historical experience in the use of educational video content in the educational process in the system of domestic and foreign educational institutions and organizations. The author analyzes and presents a systematization of the historical stages of the formation of educational video content and gives them a brief description. Conventionally, these stages can be divided into four main periods: the period of the invention of the educational film, the period of the active introduction of cinema in educational institutions, the period of relegation of educational video content to the category of optional teaching aids, and the modern period of the development of educational video content as a means of developing a digital educational environment. In addition, the history of the study of the concepts of “educational film”, “educational cinema”, “educational video content”, their functions as a means of development of students is traced. The article proves the relevance of the stated problem on the development and active use of educational video content, which is connected with the lack of scientific publications revealing the history of educational cinema and the transformation of this phenomenon into a modern guise, insufficient study of educational video content as a modern educational tool for the full development of a modern student in digital educational environment. The following methods are used in the article: theoretical methods as historical analysis, interpretation and generalization and systematization. The author shows that the study and use of educational film, educational video content in foreign and domestic education systems in different historical eras includes ups and downs. It is proved that in terms of view of the accumulated domestic and foreign pedagogical experience for modern pedagogical practice, the problem requires further scientific study from the point of view of the implementation of the Russian Electronic School project.

Keywords: educational cinema, video, educational video content, historical stages of development of educational video content, digital educational environment.

REFERENCES

1. Vedeneeva O. A., Savva L. I., Saigushev N. Ya. Pedagogicheskie tekhnologii v sovremennom obrazovatel'nom protsesse: uchebnoe posobie, Moscow, izd-vo «Mir nauki», 2016, 284 p.
2. Danilov F. A. Volshebnyi fonar': Ustroistvo ego i sposob upotrebleniya. Kartiny dlya volsheb. fo-narya: risov., fotogr. i del'komanii, raskrashivanie kartin vodyan. i maslyan. kraskami. Kinematograf i ego ustroistvo. Nauch. demonstratsii po fizike i khimii s pomoshch'yu volsheb. Fonarya, Moscow, tip. t-va I. D. Sytina i K, 1897, 158 p.
3. Ivanova L. A. Liniya kinoobrazovaniya v pedagogike Rossii (konets XIX–XX vv) [Elektronnyi resurs], Magister Dixit. 2012, no. 2. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/liniya-kinoobrazovaniya-v-pedagogike-rossii-konets-xix-xx-vv>.
4. Kino – deti – shkola: metodicheskii sbornik po kinorabote s det'mi / pod red. A. M. Gel'monta, Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1929 (21-ya tip. "Mospoligraf"), 240 p.
5. Kovalov O. A. Noveishaya istoriya otechestvennogo kino, Kino i kontekst 1986–2000, vol. IV, Saint Petersburg, izd-vo «Seans», 2002, pp. 117–132.
6. Krapchatov I. A. Kinourok kak naibolee effektivnyi metod raboty, Uchebnoe kino, Moscow, 1936, no. 3, pp. 3–10.
7. Kuz'mina M. V. Formirovanie mediakul'tury uchashchikhsya v protsesse sozdaniya imi obrazovatel'nykh vi-

deomaterialov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2014, 28 p.

8. Noskova T. N., Pavlova T. B., Kulikova S. S. i [dr.] Setevaya obrazovatel'naya sreda: elektronnye resursy : uchebno-metodicheskoe posobie / pod obshch. red. T. N. Noskovoi, Saint Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 2015. 110 p.

9. Pavlova L. V., Savva L. I. Gumanitarnaya kul'tura i sotsial'noe razvitie lichnosti [Elektronnyi resurs], *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2017, no. 2, pp. 136–140. Rezhim dostupa: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=36600>.

10. Poznanskii N. F., Shkol'noe kino: metodicheskie ukazaniya nanskii, Saratov, [b. i.], 1929, 62 p.

11. Pressman L. P. Ispol'zovanie kino i televideniya v tselyakh razvitiya rechi uchashchikhsya na urokakh russkogo yazyka i literatury : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk, Moscow, 1963. 17 p.

12. Savva L. I., Akmanova S. V., Nedosekina M. A. Usloviya gumanitarizatsii vysshego professional'no-go obrazovaniya : kollektivnaya monografiya / pod obshchei red. L. I. Savvy, Magnitogorsk, MaGU, 2008, 463 p.

13. Savva L. I., Soldatchenko A. L., Semykina E. Yu. [i dr.]. Kommunikativnyi potentsial sub'ektov obrazovatel'nogo protsessa : kollektivnaya monografiya / pod obshchei red. L. I. Savvy, Magnitogorsk, MaGU, 2005, 345 p.

14. Semenova A. K. Uchebnoe kino: istoricheskii aspekt [Elektronnyi resurs], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1–2, pp. 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20038>.

15. Chelysheva I. V. Metodika i tekhnologiya mediaobrazovaniya v shkole i vuze : monografiya. Taganrog, izd. tsentr TGPI, 2009, 320 p.

16. Shestov L. I. Apofeoz bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo issledovaniya), Saint Petersburg, Shipovnik, 1913, 312 p.

17. Yarotskii A. I. Tsennost' religii s biologicheskoi tochki zreniya, Yur'ev, K. Matissen, 1915, 79 p.

Новоселов Р. Ю. История образовательного видеоконтента // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 12-17.

Novoselov R. Y. History of Educational Video Content, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 12–17.

Сведения об авторе

Роман Юрьевич Новоселов - аспирант кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И.Носова», Магнитогорск, Россия; novoselovroman@bk.ru

Author:

Roman Y. Novoselov - postgraduate student of the Department of teacher education and documentation, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; novoselovroman@bk.ru

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ

Аннотация. Статья отражает результаты исследования детско-родительских отношений в замещающей семье. С помощью специально разработанного диагностического инструментария авторами изучены особенности детско-родительской коммуникации в различных типах замещающих семей, выявлены мишени психологической помощи замещающим семьям. Заслуживает внимания составленная и апробированная программа детско-родительского клуба для работы с замещающими семьями, которая может быть использована в деятельности социального педагога, психолога социально-психологических и реабилитационных центров; рекомендации замещающим семьям по формированию благоприятных детско-родительских отношений. Программа включает следующие формы и методы: лекционные и практические занятия; круглые столы; мастер-классы; тематические мероприятия; занятия с использованием элементов тренинга, анализа продуктов деятельности, проблемных ситуаций; рефлексивные сессии; творческие, психолого-педагогические мастерские с участием родителей и детей, занятия на базе палаточного лагеря для замещающих семей и т.д. Новизной программы является вовлечение в работу не только приемных, но и биологических детей из замещающих семей, привлечение и обучение добровольцев для работы с замещающей семьей. К результатам использования программы можно отнести: повышение воспитательного потенциала замещающей семьи; повышение уровня психолого-педагогической компетентности замещающих родителей; минимизация случаев отказа от ребенка; снижение кризисных ситуаций в замещающей семье; распространение позитивного опыта в воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях. Результаты исследования детско-родительских отношений могут стать основой для разработки технологий психолого-педагогического сопровождения замещающих семей, выявления основных направлений психологической помощи замещающей семье, в том числе воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: замещающая семья, воспитательный потенциал замещающей семьи, детско-родительские отношения, клуб для замещающих семей, приемный ребенок.

Для полноценного развития личности ребенку важно быть в окружении любящих родителей, которые его поддерживают, заботятся и дают чувство безопасности и защищенности. Ребенок, практически в любом возрасте хочет, чтобы рядом с ним была любящая мать и заботливый отец. Нахождение ребенка в семье является оптимальным условием формирования личности и индивидуальности, семья помогает ему на пути социализации при постоянно расширяющемся круге взаимоотношений.

Семья для ребенка, в первую очередь, это воспитательная среда, так как оказывает влияние на весь комплекс физической и духовной жизни формирующейся в ней личности благодаря таким характерным чертам, как непрерывность, продолжительность, устойчивость и эмоциональность; на формирование основополагающих черт характера и приоритетных моделей поведения, активной жизненной позиции; является опосредующим звеном передачи молодому поколению социально-исторического опыта. Биологическая семья для ребенка является самой комфортной и наиболее эмоционально значимой. Семья основана на таких компонентах, как детско-родительские отношения, общесемейная деятельность, характеризуется супружескими и (или) родительскими узами, преемственностью поколений и традициями.

В настоящее время право жить и воспитываться в семье в РФ остается нереализованным более чем для 100 тысяч детей. Эти дети проводят свое детство в детских домах, домах ребенка, интернатах. Также каждый год несколько десятков тысяч детей теряют свою семью и попадают в данные учреждения. В этих случаях система замещающих семей становится необходимым условием воспитания ребенка таким образом, чтобы в дальнейшем он мог построить свою собственную семью на примере замещающей.

Под замещающей семьей Т. И. Шульга и Г. В. Семья понимают любую семью, кроме родной биологической, с особым типом семейной системы, которая принимает на воспитание одного или нескольких детей, при этом она может иметь или не имеет родственного отношения к детям [6, с. 26]. Цель замещающей семьи – обеспечить успешную социализацию ребенка, сформировать у него вторичную привязанность к приемным родителям [2, с. 11] и способствовать формированию эффектив-

ных детско-родительских отношений.

М. Р. Арпентьева отмечает, что в процессе интеграции ребенок становится либо частью семейной системы (адаптируется), либо остается внешним элементом, и, как результат, дезадаптируется [1, с. 120]. Знание особенностей и проблем функционирования замещающей семьи; факторов, лимитирующих успешность коммуникации собственных и приемных детей в семье; а также понимание того, что испытывают родители, поможет психологам, педагогам, социальным работникам, добровольцам более эффективно организовывать психолого-педагогическую работу с данной категории семей.

При анализе социально-психологических особенностей таких семей выделяются различные проблемы, при этом особое внимание обращается на неумение членов семьи ориентироваться в сложившейся ситуации, взаимодействовать, реагировать на проблемы, развивать и подчеркивать индивидуальность ребенка, находить контакт между собственными и приемными детьми и др. Перед замещающими родителями встают вопросы, чему и как учить детей, как с ними общаться, справляться с непослушанием и проблемами в обучении и воспитании, не усугубляя психологической травмы, полученной ребенком до помещения в семью.

В отечественной психологии проблемами различных категорий семей занимались Ю. П. Азарова, А. Я. Варга, Н. М. Иовчук, И. Э. Леонгард, Г. М. Миньковский, В. С. Мухина, А. А. Северный, А. Ю. Шеманов, А. М. Щербакова и другие. В работах подчеркивается роль замещающей семьи в социализации ребенка, раскрываются формы, методы и направления помощи приемным родителям в вопросах воспитания и социализации детей. В последние годы возросло число авторов, которые рассматривают актуальные вопросы, связанные с развитием системы замещающих семей: профилактика социального сиротства (Э. К. Бекова, И. Ю. Осипова и др.); воспитание детей-сирот (И. В. Дубровина, М. И. Лисина, В. С. Мухина, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых и др.); практика социальной защиты детства (М. А. Галагузова, Т. Н. Поддубная, Е. Н. Рыбинский и др.); воспитание детей в замещающих семьях (Ж. А. Захарова, А. С. Спиваковская, А. Б. Холмогорова и др.); сопровождение замещающих семей (Е. А. Брециких, В. Н. Ослон, Г. В. Семья, Т. И. Шульга, А. Б. Холмогорова и др.).

Замещающие семьи нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении различных специалистов, и, как правило, данная помощь не должна ограничиваться только первым годом пребывания ребенка в замещающей семье. Необходимо обратить особое внимание на то, что приемные дети уже имели опыт пребывания в неблагополучных семьях или учреждениях государственного типа, поэтому чаще имеют специфические проблемы развития (последствия депривации, нарушения процесса формирования привязанностей, задержки развития и т.д.), поэтому актуальна разработка технологий социально-психолого-педагогической помощи замещающим семьям [3], проектирование направлений семейного воспитания детей-сирот [5].

Основными задачами психолого-педагогической поддержки являются: помощь в принятии своих детей такими, какие они есть, вооружение родителей различными способами коммуникации, помощь в формировании адекватной оценки психологического состояния детей, формирование ответственного родительства, взаимоотношений собственных и приемных детей, всех членов семьи и т.д. [4, с. 10].

Таким образом, при благоприятных условиях замещающая семья способствует процессу социализации ребенка, обеспечивая ему непрерывность, продолжительность, устойчивость воспитания; приобщение к культурным и семейным традициям; формирует представление о здоровой и гармоничной семье, которое будет служить приемному ребенку образцом для построения собственной.

Система замещающих семей положительно зарекомендовала себя на всей территории России, в том числе и в Тульском регионе. В Тульской области в замещающих семьях воспитывается 85,5 % детей, оставшихся без попечения родителей, в 2018 г. в государственном банке данных насчитывалось 47 тыс. 313 записей о детях-сиротах.

Несмотря на то, что помещение ребенка в замещающую семью положительно влияет на его развитие, решающую роль играют отношения с его новоприобретенными родителями. Насколько удачно будут выстраиваться детско-родительские отношения в замещающей семье, настолько быстро ребенок сможет адаптироваться к новой обстановке, усвоить социально значимые знания, навыки и сможет успешно социализироваться. Изучение детско-родительских отношений является чрезвычайно важным как для понимания факторов, влияющих на становление личности и индивидуальности ребенка, так и для понимания причин возникновения проблем замещающей семьи, а также для проектирования путей их решения, профилактики отказов от приемного ребенка.

Цель статьи заключается в анализе особенностей детско-родительских отношений в замещаю-

щей семье и результатов апробации программы детско-родительского клуба для замещающих семей «В кругу семьи». Исследование было проведено на базе ГУ Тульской области «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних № 4» г. Щекино.

В исследование приняло участие 7 замещающих семей:

Семья К. Полная семья. Мать – возраст 34 года, занимает должность бухгалтера; отец – возраст 37 лет, слесарь. Своих детей не было по причине состояния здоровья матери. Долгое время собирались взять в семью грудного ребенка, но за продолжительный промежуток времени так и не смогли найти подходящего варианта. Взяли в семью девочку в возрасте 7 лет. У нее были серьезные проблемы в адаптации в семье: ребенок долгое время проявлял неуважение к новым родителям, были частые случаи агрессивного поведения. В целом, адаптационный период продолжался примерно год. В настоящее время, по словам родителей, ситуация улучшилась.

Семья Б. Полная семья: мать 39 лет, отец 44 года. Мать работает более 15 лет учителем русского языка в гимназии, отец часто меняет место работы, в данный момент занимает должность охранника склада. Своих детей не было по причине социальной нестабильности семьи в прошлом. В настоящее время отец и мать имеют стабильный заработок, собственную квартиру. В семью взяли мальчика 7 лет около года назад. Первые полгода, со слов родителей, были серьезные проблемы в адаптации ребенка.

Семья Г. Возраст матери – 37 лет, отца – 45 лет. Мать – домохозяйка, отец – военнослужащий в отставке. Своих детей ранее не было, по причине частых переездов. Изначально хотели взять в семью мальчика, но при общении с возможными кандидатами, по словам матери, не произошло эмоционального контакта. Взяли девочку 8 лет полтора года назад. В последствие столкнулись с проблемами непослушания ребенка. Девочка часто проявляет агрессивное поведение, у ребенка снизилась успеваемость в школе. Родители очень обеспокоены сложившейся ситуацией, нуждаются в психолого-педагогической помощи.

Семья Л. Полная семья. Возраст матери – 36 лет, отца – 38 лет. Оба являются частными предпринимателями. Своих детей не имеют по причине большой занятости, а также небольшого времени проведенного в браке (примерно 5 лет). Также часто приходилось сидеть с племянниками и присматривать за пристрелами родителями отца. После нормализации семейного ритма жизни совместно приняли решения взять в семью ребенка младшего школьного возраста. Так, примерно год назад в семье появился мальчик 9 лет. Глобальных проблем в воспитании нет, ребенок учится только на 4.

Семья Д. Полная семья, обоим супругам по 32 года. Мать работает в частной компании, отец – в риэлтерской фирме. Своих детей нет по причине того, что супруги поставили цель сначала построить карьеру. После получения стабильного и достаточного дохода, решили всерьез заняться детьми, но были выявлены серьезные проблемы со здоровьем у матери. Врачи не рекомендовали рожать своих детей. Взяли мальчика 8 лет.

Семья П. Полная семья. Возраст супругов: мать – 42 года, отец – 43 года. Мать – заместитель директора по административно-хозяйственной работе в школе, отец – водитель общественного транспорта. Имеют совершеннолетнюю дочь, которая учится и живет в другом городе. По причине одиночества родители решили обратиться к системе замещающих семей. Девочку возраста 9 лет взяли в семью более года назад. Хотя родители и имели опыт воспитания собственного ребенка, первые несколько месяцев в общении с приемным ребенком имели место значительные трудности.

Семья Х. Полная семья. Возраст: мать – 38 лет, отец – 40 лет. Мать занимает должность педагога дополнительного образования, отец работает механиком в автосервисе. Отец категорически не хотел детей. Были случаи серьезных травм отца с последующими хроническими последствиями. После реабилитации и серьезного улучшения состояния здоровья мужа, супруге удалось уговорить мужа воспользоваться системой замещающих семей. Мальчика 8 лет взяли в семью примерно 9 месяцев назад. Серьезные проблемы родителями заявлены не были.

Все семьи прошли курсы приемных родителей. На базе социально-реабилитационного центра было организовано знакомство семей с детьми. На всех встречах с потенциальными родителями присутствовали специалисты (педагог-психолог, социальный педагог, воспитатели группы), которые работали с выбранным ребенком и хорошо знали его. Для налаживания контакта было организовано пребывание детей в данных семьях в выходные дни и каникулярное время с учетом желания самого ребенка. После помещения детей в семью специалистами центра был организован патронаж семьи, круглый стол по итогам пребывания первого месяца ребенка в семье, приглашение всей семьи на постоянные занятия детско-родительского клуба.

Диагностическая программа включала следующие методики: тест детско-родительских отно-

шений Варга-Столина; анкета для родителей Г. О. Самсоновой, Е. В. Декиной; незаконченные предложения для детей и родителей; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллер; опросник «Лики родительской любви» С. С. Степанова; методика идентификации детей с родителями А. И. Зарова.

После проведения констатирующего этапа исследования по выявлению мишеней психолого-педагогической помощи (помощь родителям в принятии своих детей такими, какие они есть, в общении и взаимодействии с приемным ребенком всех членов семьи) была разработана программа детско-родительского клуба «В кругу семьи» [4, с. 131–136].

Цель программы клуба «В кругу семьи» заключалась в создании пространства взаимоподдержки замещающих родителей, в оказании помощи специалистов по сохранению благоприятного психоэмоционального климата в семье, в оказании своевременной психолого-педагогической помощи и профилактике вторичного отказа от ребенка. Перед клубом встали следующие *задачи*:

1) повысить уровень психолого-педагогической компетенции замещающих родителей (обретение чувства защищенности и осознание важности выполняемых замещающими родителями функций);

2) способствовать формированию доверительных отношений между родителями и детьми;

3) расширить сферы общения детей и взрослых через организацию совместного досуга;

4) организовать обмен опытом между замещающими родителями для предупреждения возможных ошибок в процессе воспитания приемных детей;

5) распространять позитивный опыт в воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в замещающих семьях;

6) осуществлять поддержку и помощь замещающей семье в решении возникающих проблем и в их профилактике.

Были определены основные направления деятельности клуба.

1. Психолого-педагогическая поддержка замещающим семьям.

2. Досуговые мероприятия для замещающих семей. Позитивная профилактика девиантного поведения детей.

3. Индивидуальное консультирование родителей по возникающим проблемам.

4. Психодиагностика детско-родительских отношений, семейного микроклимата, личностных особенностей, эмоционального состояния ребенка и родителей.

6. Организация и проведение тренинговых занятий, лекториев, семинаров-практикумов, палаточных лагерей и т.д.

7. Психолого-педагогическое сопровождение замещающих семей по вопросам адаптации и воспитания ребенка в семье.

Новизной программы клуба является организация занятий не только для родителей и детей по отдельности, но и проведение совместных детско-взрослых игровых, психолого-педагогических сессий с участием всей семьи.

После реализации программы сравнительный анализ результатов диагностики на констатирующем и контрольном этапах исследования позволил сделать следующие выводы.

На контрольном этапе детей с идентификацией с родителями того же пола осталось такое же количество, что и на констатирующем этапе. Детей с идентификацией с родителями противоположенного пола уменьшилось на 100 %, а детей с идентификацией с самим собой увеличилось на 50 %.

В замещающих семьях имела место гармонизация детско-родительских отношений, что положительно отразилось на благополучии семьи в целом. Значительно снизился авторитарный контроль. Положительно, что у большинства семей контроль приобрел адекватное выражение. Увеличилось количество родителей, чье восприятие позитивных сторон семьи, проблем и страхов совпадает с восприятием их приемных детей. Присутствует значительное уменьшение случаев ярко выраженных типов дисгармоничного воспитания, в частности гиперпротекции, эмоционального отвержения. Увеличилось количество случаев промежуточной позиции в воспитании, что привело к отсутствию крайностей как при мужском, так и женском типах воспитания. Среди детей увеличились случаи идентификации с самим собой или с родителем того же пола, что является возрастной нормой среди диагностируемых приемных детей.

Представим сравнительный анализ результатов исследования на диаграммах (рис. 1–6).

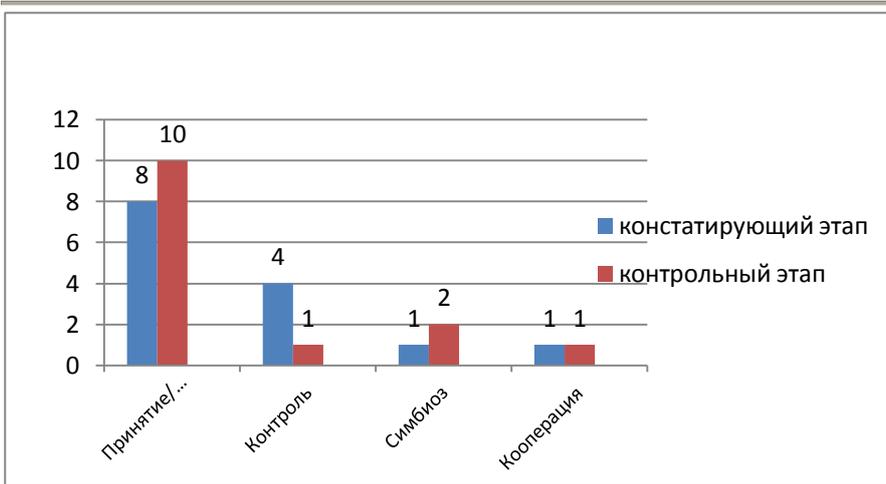

Рис.1. Сравнительный анализ результатов диагностики по методике детско-родительских отношений Варга-Столина

Результаты по шкале «контроль» снизились на 75 %, контроль приобрел адекватное среднее значение. По шкале «кооперация» увеличились результаты на 50 %, по шкале «принятие ребенка» – на 20 % (рис.1). У семей наблюдается более позитивное отношение к удачам и неудачам ребенка.

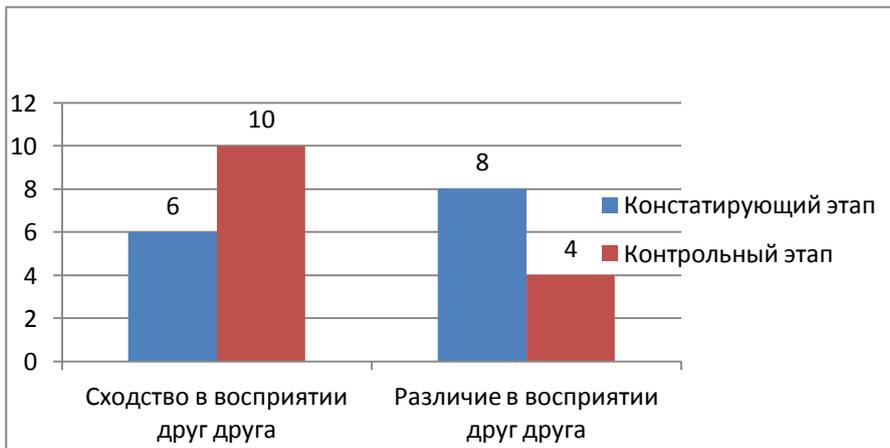

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов диагностики по методике «Незаконченные предложения»

На контрольном этапе количество результатов по сходству в восприятии друг друга родителей и детей увеличилось на 60 %, а количество результатов с различием в восприятии друг друга уменьшилось на 50 % (см. рис. 2).

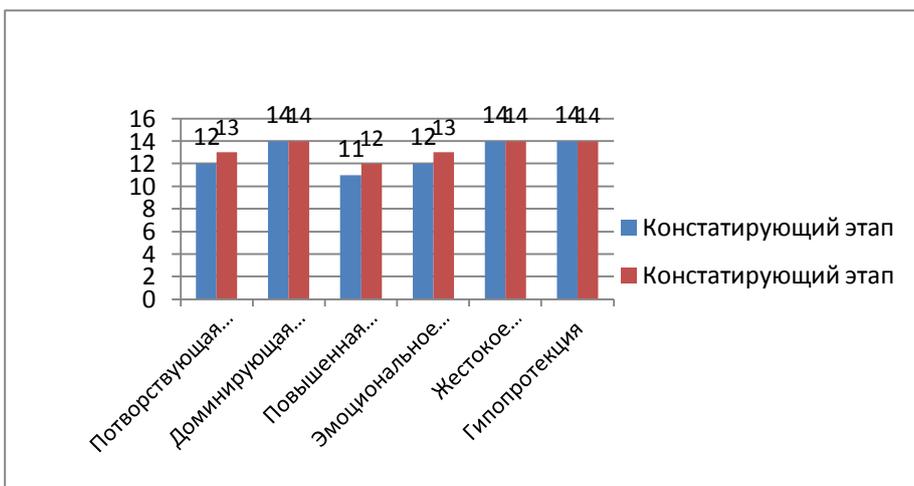

Рис. 3. Сравнительный анализ результатов по методике «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера

На контрольном этапе наблюдается небольшое увеличение значений в пределах нормы, ощутимое уменьшение ярко выраженных значений по шкалам: «потворствующая гиперпротекция», «повышенная моральная ответственность» и «эмоциональное отвержение» (рис.3).

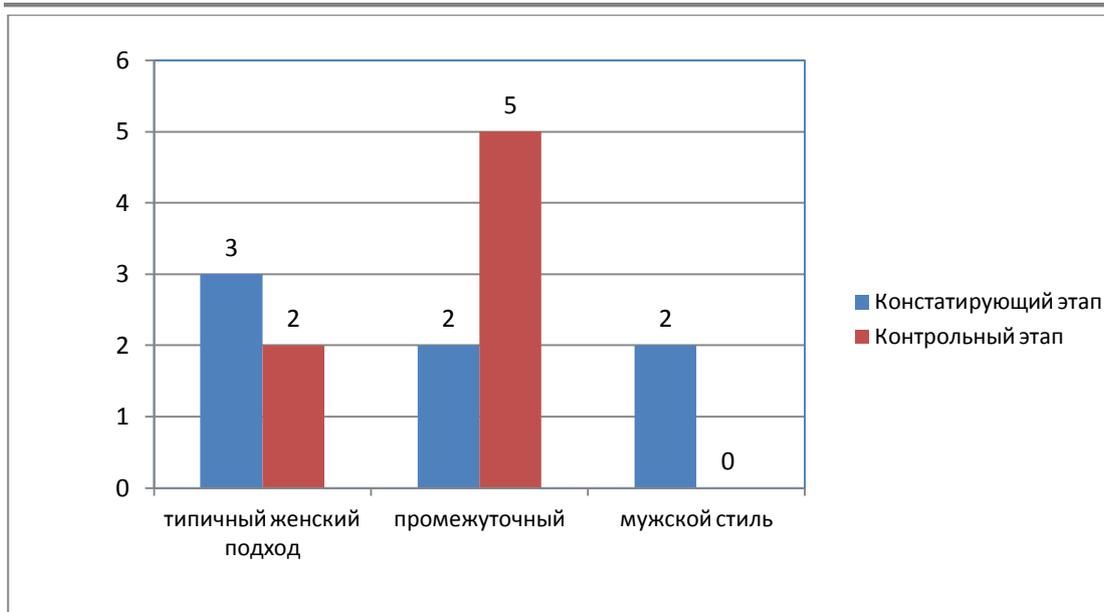

Рис. 4. Сравнительный анализ результатов по методике С. С. Степанова «Лики родительской любви» среди отцов

Так, количество отцов с промежуточной позицией в сравнении с позицией ребенка увеличилось на 50 %, с материнской позицией уменьшилось на 50 %, а с традиционной мужской – уменьшилось примерно на 33 % (рис. 4).

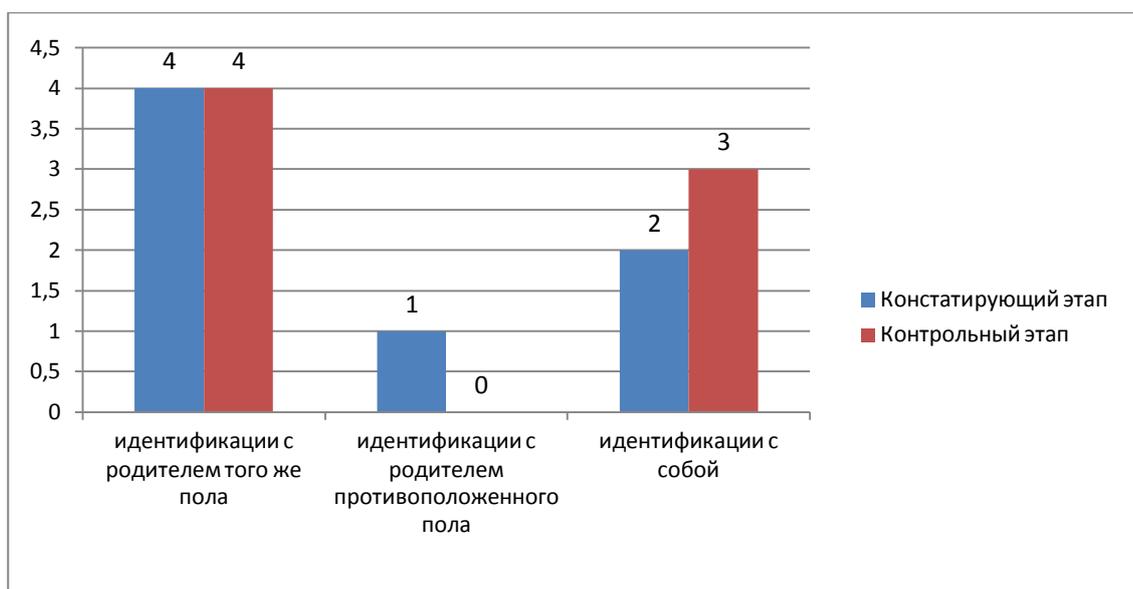

Рис. 5. Сравнительный анализ результатов по методике «Лики родительской любви» С. С. Степанова среди матерей

При сравнении результатов методики диагностики матерей можно констатировать, что мужская позиция по отношению к ребенку уменьшилась на 100 %, типичный женский подход – примерно на 33 % (рис. 5).

Анализ диаграммы показывает, что на контрольном этапе детей с идентификацией с родителями того же пола осталось то же количество, что и на констатирующем этапе. Количество детей с идентификацией с родителями противоположенного пола уменьшилось на 100 %, а детей с идентификацией с самим собой увеличилось на 50 % (рис. 6).

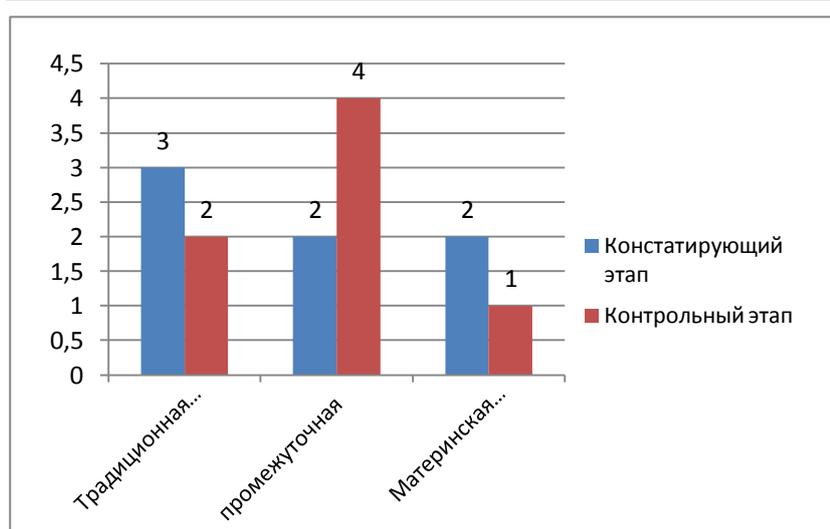

Рис. 6. Сравнительный анализ результатов по методике идентификации детей с родителями А.И. Заровой

Все диагностируемые семьи прошли программу родительского клуба. По окончании каждого занятия осуществлялась рефлексия, на которой родители могли не только сделать выводы о прошедшем занятии, но и имели возможность получить ответы на интересующие вопросы от педагога-психолога, поделиться опытом с остальными семьями по тем или иным проблемным ситуациям. Активно делились опытом в воспитании детей матери семей П. и Х. Советы данных семей получили положительный отзыв среди остальных участников клуба. Во время круглых столов хорошую педагогическую компетентность продемонстрировали семьи Х. и Б. Приглашенные психологи постоянно фиксировали ключевые высказывания родителей для формирования индивидуальных рекомендаций семьям.

В ходе работы клуба все семьи проявили инициативность. По результатам обратной связи, участники клуба «В кругу семьи» оставили положительные отзывы, в которых отмечается, что они смогли снизить эмоциональное напряжение между членами семьи, получить квалифицированную помощь, ответы на интересующие вопросы, причем не только от специалистов, но и от других приемных родителей, улучшить взаимоотношения с приемными и собственными детьми.

Сравнительный анализ констатирующего и контрольного этапов исследования подтвердил эффективность составленной программы клуба, возможность ее дальнейшего использования в психолого-педагогической практике в следующих направлениях: формирование детско-родительских отношений в замещающих семьях, помощь в адаптации приемных детей, повышение психолого-педагогической компетентности замещающих родителей, формирование у них активной родительской позиции, позитивных отношений между приемными и биологическими детьми.

Формирование детско-родительских отношений в замещающей семье будет более благоприятным при позитивном отношении к приемному ребенку у обоих родителей, благоприятном психоэмоциональном состоянии всех членов семьи, отсутствии дисгармоничных типов воспитания, нормальном эмоциональном отношении ребенка с замещающими родителями. Результаты исследования могут быть использованы социальными педагогами, психологами в работе с различными категориями замещающих семей, в том числе воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М. Р., Рожкова Н. Г. Жизненные перспективы замещающих семей: изучение, особенности, социальная поддержка: Монография. Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2016. 456 с.
2. Мальцева И. В. Социальная работа с замещающими семьями. Тула : ГУ ТО «Региональный центр «Развитие»», 2017. 103 с.
3. Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М. : Генезис, 2015. 368 с.
4. Самсонова Г. О., Декина Е. В. Особенности психологической помощи замещающей семье, воспитывающей ребенка с особыми потребностями в развитии, и формирование ценности ответственного родительства : монография. М. : Эдитус, 2017. 260 с.
5. Шипицина Л. М. Психология детей-сирот. СПб. : Из-во С.-петерб. ун-та, 2015. 628 с.
6. Шульга Т. И., Семья Г. В. Особенности сопровождения замещающих семей, воспитывающих детей с

STUDY OF CHILD AND PARENTAL RELATIONS IN THE DEPUTY FAMILY

Abstract. The article reflects the results of a study of parent-child relationships in a foster family. With the help of specially developed diagnostic tools, the authors studied the features of child-parent communication in various types of families, identified targets for psychological assistance to substitute families. Noteworthy is the compiled and tested program of the parent-child club for working with substitute families, which can be used in the activities of a social pedagogue, a psychologist at social-psychological and rehabilitation centers; recommendations to foster families on the formation of favorable parent-child relationships. The program includes the following forms and methods: lectures and practical exercises; round tables; master classes; thematic events; classes using the elements of training, analysis of activity products, problem situations; reflexive sessions; creative, psychological and pedagogical workshops with the participation of parents and children, classes at the base of a tent camp for substitute families, etc. The novelty of the program is the involvement of not only foster children, but also biological children from foster families, the recruitment and training of volunteers to work with a foster family. The results of the use of the program include: raising the educational potential and improving the psychological resource of a substitute family; raising the level of psychological and pedagogical consistency of substitute parents, minimizing cases of refusal of substitute families from the child, preventing crisis situations in the family, and disseminating positive experience in raising orphans and children left without parental care in substitute families. The results of the study of parent-child relationships can be the basis for the development of technologies for psychological and pedagogical support of foster families, identifying the main directions of psychological assistance to a foster family, including raising children with disabilities.

Keywords: substitute family, educational potential of a substitute family, child-parent relations, a club for substitute families, a foster child.

REFERENCES

1. Arpent'eva M. R., Rozhkova N. G. Zhiznennye perspektivy zameshchayushchikh semei: izuchenie, osobennosti, sotsial'naya podderzhka: Monografiya. Kaluga, KGU im. K. E. Tsiolkovskogo, 2016, 456 p.
2. Mal'tseva I. V. Sotsial'naya rabota s zameshchayushchimi sem'yami, Tula, GU TO «Regional'nyi tsentr "Razvitie"», 2017, 103 p.
3. Oslon V. N. Zhiznneustroistvo detei-sirot: professional'naya zameshchayushchaya sem'ya. Moscow, Genезis, 2015, 368 p.
4. Samsonova G. O., Dekina E. V. Osobennosti psikhologicheskoi pomoshchi zameshchayushchei sem'e, vospityvayushchei rebenka s osobymi potrebnyami v razviti, i formirovanie tsennosti otvetstvennogo roditel'stva : monografiya, Moscow, Editus, 2017, 260 p.
5. Shipitsina L. M. Psikhologiya detei-sirot, Saint-Petersburg, Iz-vo S.-peterb. un-ta, 2015, 628 p.
6. Shul'ga T. I., Sem'ya G. V. Osobennosti soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei, vospityvayushchikh detei s OVZ, Moscow, IIU MGOU, 2015, 204 p.

Декина Е. В., Егоров В. С. Изучение детско-родительских отношений в замещающей семье // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 18–25.

Dekina E. V., Egorov V. S. Study of Child and Parental Relations in the Deputy Family, Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 18–25.

Сведения об авторах

Елена Викторовна Декина - доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета; г. Тула, Россия; kmppedagogika@yandex.ru

Егоров Владислав Сергеевич - студент факультета психологии Тульского государственного педагогического университета (направление подготовки «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психолого-педагогическое консультирование и коррекция»); г. Тула, Россия; egorovvladftp@yandex.ru.

Authors:

Dekina E. Viktorovna, Candidate of Psychology Science, Docent, Docent of the Department of Psychology and Pedagogy, Tolstoy Tula State Pedagogical University, Russia, Tula,

kmppedagogika@yandex.ru

Egorov V. Sergeyevich, Undergraduate of 1st course, the direction of training "Psychological and pedagogical education", the profile of "Psychological and pedagogical counseling and correction", Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia; egorovvladftp@yandex.ru

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. В статье рассмотрены авторские интерпретации малоизученного российской исторической наукой феномена экономической преступности, которая имела место в Советском Союзе в 1941–1945 гг. Показаны особенности ее влияния на жизненный уклад милитаризованного социума. Преодоление таких ограничений, как недостаточность источниковой базы, идеологическая ангажированность и цензурные запреты, позволило с позиций нарративного подхода, историко-системного и институционального анализа изложить взгляды современных ученых на объективные и субъективные причины, обстоятельства, характер и масштабы хищений. Представлена палитра мнений о роли, месте и эффективности органов сталинской юстиции, общественных объединений граждан в предупреждении, выявлении, расследовании, а также пресечении противоправных деяний. Отражены дискуссии о сущности и целесообразности нововведений в правовой и бытовой сферах, регулировавших производство и распределение на предприятиях различной отраслевой принадлежности. На основе сравнительных данных предпринята попытка оценить масштабы коррупции в государственном и партийном аппарате, силовых структурах, судебной системе. Сделан вывод о том, что накопленные знания сохраняют преимущественно эмпирическую направленность и пока не достигли теоретического уровня. Составлен перечень научных проблем, на которых необходимо сосредоточиться специалистам для того, чтобы обеспечить исчерпывающую фактологию, комплексный инструментальный и концептуальное понимание процессов, происходивших во время Великой Отечественной войны в социальной и уголовно-правовой сферах страны. В качестве первоочередных задач названо определение приоритетов, методов, содержания и итоговой результативности политики центральных и местных властей, нацеленной на борьбу с расхитителями, казнокрадами и взяточниками. Их решение позволит найти дополнительные доводы против фальсификаций и инсинуаций в вопросе о цене Великой Победы.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, историография, экономическая преступность, хищения государственной собственности, должностные злоупотребления, институциональные аспекты противодействия хозяйственным правонарушениям.

Введение

Великой Отечественной войне посвящено огромное количество научных публикаций. К середине 1980-х гг. только книг и брошюр, изданных на русском языке, насчитывалось свыше 20 тыс. С тех пор эта цифра выросла многократно. Интерес к данному историческому периоду в российском обществе по-прежнему высок, что объясняется огромным влиянием, которое он оказал на последующее развитие нашего государства. Многие публичные дискуссии политической направленности уходят своими корнями в военное время.

Отличительной чертой советской военно-исторической школы всегда являлось то, что в поле зрения оказывались преимущественно позитивные факты. Разработка сложных, противоречивых и неоднозначных проблем правящей Коммунистической партией не приветствовалась. К ним относятся и вопрос об экономической преступности, ее видах, масштабе, причинах и последствиях, способах противодействия. Из-за недостаточности источниковой базы и цензурных запретов советские исследователи ограничивались описанием отдельных фактов, которые истолковывались как болезненные отклонения в социальном поведении, встречающие неприятие со стороны общества и своевременно пресекаемые спецслужбами и общественностью.

Между тем философский аспект теневых экономических отношений заключается в том, что он опроверг все теоретические и правовые конструкции, возникшие в рамках коммунистической доктрины [63, с. 509]. Некоторые ученые объясняют существование теневой экономики наличием пороков, имманентно присущих любой системе мобилизационного типа. Другие видят в ней средство, способствовавшее, пусть в превращенной форме, восстановлению «равновесия», а значит, повышению витальности и вариативности развития социетальных отношений. Приводимые в настоящей статье оценки и суждения помогут сформировать по данному вопросу аргументированную точку зрения.

1. Советская историография

В первые послевоенные годы отметились созданием специальных трудов по уголовно-правовому регулированию хозяйственной сферы. Некоторые из них не потеряли своего историко-познавательного значения и по сей день. Здесь можно назвать кандидатскую диссертацию

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № [19-09-00185](https://doi.org/10.1017/0013778X19000185).

Н. П. Грабовской [13], где был приведен перечень хищений, подпадавших в условиях Великой Отечественной войны под закон от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности. Исследователем сделан вывод о том, что при общем усилении репрессий за указанные виды деликтов органы юстиции назначали наказание, учитывая личность правонарушителя. Если деятельность последнего ранее имела особую общественную полезность, то это отражалось на квалификации преступления. Диссертация содержит описания крупных краж в отделах рабочего снабжения (ОРСах), на железнодорожном и водном транспорте, в торговых точках; указан половозрастной и социальный состав осужденных. Весьма информативны ссылки на конкретные постановления Верховного Суда СССР и определения его судебной коллегии, разъяснявшие ряд вопросов, которые возникали при подготовке и проведении сложных и резонансных судебных разбирательств над ворами и казнокрадами [13, с. 59, 60, 79, 80, 136, 139].

В диссертационном исследовании П. С. Матышевского [41] был сделан акцент на усилении государственной функции охраны и укрепления социалистической собственности. Подчеркивалось, что посягательство на нее во время войны относилось к категории тяжких преступлений. В комментарии содержания Указа Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. и постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. отмечается усиление ответственности за ряд экономических преступлений, подрывавших обороноспособность страны (воровство горючего в МТС и колхозах, не обеспечение сохранности поголовья лошадей) [41, с. 108, 109].

В книге председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова [12, с. 67–73, 101–107] была обобщена юридическая практика военных лет в таких сферах, как охрана государственной собственности, усиление уголовной и материальной ответственности за должностные и хозяйственные преступления.

Монография М. В. Кожевникова любопытна сюжетом, демонстрирующим роль военных трибуналов в рассмотрении гражданских исков (уголовным делам о хищениях госимущества и корыстных должностных преступлениях) [32, с. 352].

В годы «застоя» на изучение темы было наложено негласное табу. Первым отважился заговорить о многочисленных фактах «разбазаривания» земли и продовольствия в деревне Ю. В. Арутюнян. Он привлек материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма (ныне Российский государственный архив социально-политической истории), архива Министерства сельского хозяйства и показал, что в 1941–1945 гг. часть общественных угодий незаконно передавалась в аренду различным организациям и отдельным лицам, поскольку сами колхозы из-за нехватки техники и рабочих рук не могли использовать их по назначению. Системный характер приобрела раздача продуктов по запискам районных руководителей, а выявленная при инвентаризации нехватка компенсировалась по исключительно низким государственным закупочным ценам без уголовного преследования виновных. Значительная доля сельхозпродукции расходовалась под видом общественного питания, причем контингент, обслуживаемый сельскими столовыми, искусственно завышался [5, с. 335, 336].

В. В. Куликов впервые соотнес статистику хищений и растрат, совершенных в условиях войны, с предвоенными годами и пришел к выводу, что в 1943 г. аналогичная цифра увеличилась против 1941 г. на 20,5 %, а в целом число приговоренных за указанные преступления возросло на 18,2 % [37, с. 42]. В фундаментальных же изданиях, посвященных экономическому положению СССР в военный период, только однажды вскользь упомянуто об имевшей место «спекулятивной перепродаже части нормированных товаров» [57, с. 399; 58, с. 208].

В этом смысле особняком стоит помеченная грифом «для служебного пользования МВД» брошюра В.И. Костина [36, с. 40–64, 72–75]. Из нее следует, что хищения государственного и кооперативного имущества, теневое производство товаров, мешочничество и спекуляция были в годы войны обычным делом. На железной дороге орудовали группы нелегальных торговцев, вступавших в связь с паровозными бригадами, контролерами и ревизорами. Они перевозили продукты в топках, зарывали в уголь, прятали в водяные баки. С ними боролись с помощью милицейских заслонов и комсомольских постов. Зачастую легальным прикрытием преступной деятельности цеховиков и перекупщиков служили базы, торги, промысловые и потребительские кооперативы, являвшиеся удобным местом для создания излишков. При этом применялись следующие преступные методы: составление фиктивных коммерческих актов на недостачу грузов в вагонах и баржах, списание под видом порчи, фальсификация весов и гирь и т. п. Много внимания автор уделил анализу злоупотреблений с карточками в типографиях и контрольно-учетных бюро, где они соответственно печатались и распределялись.

Заслуживает упоминания исторический очерк о становлении и развитии органов государственного контроля [44]. В нем исследуется контрольно-ревизионная работа в годы войны. Автор резюмирует, что работа была поставлена неудовлетворительно особенно в области торговли и сельского хозяйства, что провоцировало кражи. Только к январю 1945 г. профильный наркомат подготовил и разослал на места методические указания по преодолению недостатков и повышению качества проводимых проверок [44, с. 156–157].

Стоит упомянуть заочную полемику между Д. В. Павловым, занимавшим в военное лихолетье пост начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии, и Я. Айзенштамом, секретарем военного трибунала. Они по-разному оценивали роль Военторга в обеспечении военнослужащих предметами первой необходимости. Первый защищал тезис о том, что эта организация справилась с задачами, хотя осторожно упоминал упущения, объясняемые наличием в руководстве штатских людей и ведомственной принадлежностью Военторга к Накомату торговли [49, с. 173-174.]. Его оппонент давал отрицательную оценку и приводил в качестве доказательств отзывы солдат и офицеров, услышанные на фронте: «Чтобы в Военторге навести порядок, надо ежедневно одного военторговца расстреливать утром – за завтраком, второго – днем за обедом, третьего – вечером за ужином. Может это подействует». Такие отзывы фронтовиков влияли в военных прокуратурах и трибуналах на рассмотрение дел о хозяйственных злоупотреблениях. Однако очевидцы свидетельствуют, что хищения продолжались, а расстрелы не помогали [3, с. 50– 51].

«Перестройка» 1985–1991 гг. создала условия для более объективного осмысления уроков и итогов Великой Отечественной войны. В общественном сознании постепенно преодолевались догмы и стереотипы, формировались новые взгляды и суждения. В этом ключе написана книга Г. Е. Корнилова [35, с. 181]. В ней упомянуты случаи преступного образа жизни некоторых чиновников, которые тратили государственные средства на личное потребление, выписывали со складов продукты и промтовары по подложным документам, реализовывали их через магазины и рынки, а вырученные деньги присваивали. Провинившихся снимали с работы и предавали суду. Автор подчеркнул разрозненность приведенных фактов, из которых нельзя нарисовать полной картины.

Замалчиваемые ранее документы о событиях военных лет представили участники научно-практической конференции, состоявшейся в Перми. Так, в докладе В. Н. Тряхова приведены датированные 1942 г. сведения о росте преступности и резком увеличении числа побегов заключенных из колоний и лагерей, расположенных на территории Западного Урала. Среди беглецов были и те, кто получил срок за хищение социалистической собственности [64, с. 68]. Ю. П. Зубов доложил об обстоятельствах расследования в одном из райотделов НКВД громкого дела о разбазаривании государственных средств начальником Пятигорского лесозаготовительного управления. Чиновника посадили в тюрьму на длительный срок, установив ему взысканную сумму ущерба в 100 тыс. руб. Автор приводит статистику, отражающую усилия надзорных органов по борьбе с расхитителями зерна во время весеннего сева и продуктов питания, предназначенных для инвалидов [27, с. 73-74].

Итак, в советский период обществоведами был составлен определенный задел, который позволил сформировать первоначальное представление о махинациях с государственным имуществом, совершавшихся в 1941–1945 гг. Однако собранная информация характеризовалась эпизодичностью, неполнотой, односторонностью, и не могла служить основой для широких обобщений. Отдельные монографические работы, выполненные с элементами критического анализа, не выходили за рамки апологетики существующего строя. Это снижало их когнитивный потенциал.

2. Российская историография

Новую историографию в контексте затронутой темы открывает монография М. С. Зинич, где представлен уникальный материал о противодействии орудуящим в ОРСах расхитителям и самоснабженцам со стороны профсоюзных организаций. Сообщается, что соответствующий инструктивный документ был принят Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) 4 мая 1942 г. Профкомы осуществляли рейды и контрольные мероприятия, по итогам которых выносились постановления и готовились обращения в прокуратуру. Так, с помощью активистов удалось вскрыть серьезные нарушения в снабжении трудящихся в Узбекистане, Горьковской, Кировской, Пензенской, Ярославской и других областях. Численность общественных дозорных, наблюдавших за порядком в заводских пунктах питания и магазинах, превышала 600 тыс. человек. Параллельно расширялись полномочия госторгинспекции: в феврале 1943 г. она получила право передавать сведения о вскрытых злоупотреблениях непосредственно в суд, а также проверять весоизмерительное хозяйство в системе Наркомторга [26, с. 42–48].

В последнее десятилетие XX в. популярной стала историческая публицистика. В этом жанре написано эссе Ф. Раззакова, в котором со слов следователя союзной прокуратуры С.М. Громова воспроизведена история о профессиональном авантюристе и дезертире Н. Павленко. В марте 1942 г. он создал преступную организацию, замаскированную под военно-строительную часть. Под ее «крышу» Павленко собрал ранее судимых людей, своих родственников и знакомых, всего более 300 «бойцов». Располагая поддельными гербовыми печатями, бланками и справками, обманывая и подкупая командиров тыловых подразделений, сообщники занялись массовыми хищениями и грабежами государственного и трофейного имущества на территориях, освобождаемых от врага. До разоблачения в 1952 г. Павленко, используя открытый счет в Госбанке, сумел присвоить свыше 30 млн. руб. [54, с. 56–59].

Снятие грифа секретности с недоступных прежде архивных фондов подтолкнуло научные изыскания, посвященные функционированию в годы войны компетентных органов. А. Е. Григуть в своем диссертационном исследовании рассмотрел методы взаимодействия Наркомата внутренних дел, его структур с прокуратурами, судами и Народным комиссариатом госбезопасности. Им выделены такие направления сотрудничества, как противодействие кражам на автомобильном, водном и железнодорожном транспорте, в госторговле и потребкооперации, а также в ОРСах. Результаты деятельности правоохранителей сведены в таблицы, демонстрирующие динамику привлеченных к ответственности в течение 1941 – 1945 гг. по Закону от 7 августа 1932 г. и соответствующим статьям Уголовного кодекса. Отдельно автор выделил категории осужденных по постановлению ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»². Среди них: за хищения и разбазаривание товарных ресурсов, растрату, махинации с карточками, обмеривание и обвешивание покупателей, спекуляцию, кражу и порчу зерна, получение и дачу взятки [14, с. 154–162]. Приведенные цифры говорят о том, что обуздать экономическую преступность в воюющем СССР так и не удалось.

Неподдельный интерес вызывает диссертация А. И. Вольхина [10], благодаря которой в научный оборот были введены документы Центрального архива Федеральной службы безопасности (ФСБ), а также архивов ее региональных управлений. Они позволили по-новому взглянуть на феномен экономической преступности. Так, среди предпосылок, провоцировавших сокрытие сельхозпродукции от госпоставок, в этих документах упоминаются следующие негативные явления: мелочное администрирование партийными и советскими органами практически всех сторон деревенской жизни; остаточный принцип оплаты трудодня; нищенское существование колхозников. Формы сопротивления заготовкам были многообразными: составление фиктивных актов об отсутствии кондиционного зерна, которое смешивали с отходами и мякиной; его засыпка в семенной фонд; концентрация на глубинных пунктах, куда не могли своевременно добраться агенты заготконтор, и т. д. Почти повсеместно встречалась раздача хлеба на руки сверх установленных 15 % от сданного государству. За это сельских руководителей низового звена (немалая их часть относилась к категории классово-чуждых элементов: бывших белоказаков, царских офицеров, чиновников, духовенства, кулаков и спецпоселенцев) привлекали за саботаж по статье 58–14 УК РСФСР, а рядовых тружеников – за хищения по Закону от 7 августа 1932 г. Напротив, уличенным в воровстве представителям номенклатуры удавалось избегать уголовной ответственности [10, с. 207–209].

Обязанностью сотрудников экономических подразделений органов госбезопасности являлась борьба с бесхозяйственностью и очковтирательством на оборонных заводах. В начале войны многие директора, главные инженеры и даже парторги ЦК ВКП(б), назначенные на конкретные предприятия для наблюдения и контроля за выполнением директив ГКО, подверглись обвинениям в приписках и халатности [10, с. 224]. Некоторых из них арестовывали. Эта мера была продиктована стремлением через страх «отмобилизовать» усилия остальных и такими методами «вытащить из прорыва» предприятия и отрасли. Данную точку зрения в своей докторской диссертации поддержал историк А. Демидов [20]. Он заметил, что после репрессий в ряде случаев почти полностью прекращались прогулы, увеличивалась выработка. Кроме того, исследователь привел уникальные факты непосредственного участия органов госбезопасности в наведении порядка в товаропроводящей сети на примере разоблачения преступлений управляющего Кыштымского медьпродснаба и директора Кыштымского пищевого завода (Челябинская область) [19]. К весне 1943 г. дальнейшее ужесточение карательной политики для повышения производительности труда потеряло смысл. Чтобы не усугублять кадровую

² СССР. Народный ком. торговли. О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров: Приказ Народного комиссара торговли СССР № 50 от 29 января 1943 г. Нукус : [б. и.], 1943. 45 с.

проблему власти предпочли закрыть глаза на многочисленные факты нарушений. Поэтому в апреле 1943 г. во вновь восстановленном Наркомате государственной безопасности экономические подразделения были упразднены.

С необычного ракурса показано нарастание социальной напряженности в советском тылу, вызванное возвращением с фронта инвалидов Отечественной войны. Высказано мнение, что на совершение противоправных деяний, таких как спекуляция, мошенничество, кражи общественного и личного имущества граждан, в том числе с применением насилия, их подталкивали тяжелые бытовые условия, волокита при назначении пособий и пенсий и всевозможные злоупотребления местных начальников своим служебным положением [10, с. 322–324].

Любопытный эпизод повседневной работы союзной Прокуратуры в годы войны представлен в работе А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова [25]. Прокурор СССР В. М. Бочков часто вызывал к себе руководителей наркоматов, заставляя их подолгу ждать приглашения в кабинет. Бывали случаи, когда во время беседы с высоким правительственным чиновником по поводу выявленных в его ведомстве недочетов он предлагал стоявшему рядом начальнику уголовно-следственного отдела М. Ласкину: «Минай, а ну-ка найди на него (т. е. наркома) соответствующую статью в Уголовном кодексе». Такие откровенные угрозы лишали человека душевного равновесия, но побуждали сделать все, чтобы подобные встречи происходили как можно реже [25, с. 231]. В книге сообщается также об издании Генпрокурором 17 марта 1944 г. приказа, вводившего сокращенные сроки расследования (не более 15 дней) по делам о хищениях в торговле и спекуляции. Это должно было активизировать работу местных надзорных органов в данном направлении [25, с. 302].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось выходом юбилейного двухтомника, посвященного столетию российской милиции и, в частности, деятельности штатных и секретных сотрудников НКВД по пресечению уголовной преступности в условиях войны. Из указанных материалов можно узнать, что подразделения милицейской разведки, которые оснащались документами прикрытия, личным оружием, спецгардеробом и квартирами для конспиративных встреч, по заданию ОБХХС вели скрытое наружное наблюдение за производственными объектами, находившимися в разработке, а также за окружением подозреваемых в хищениях. Впервые разрешалась вербовка осведомителей, начиная с 15-летнего возраста, из числа подростков, преступивших закон [43, с. 353].

На региональном уровне публиковались материалы о персоналиях. Например, о демобилизованном по ранению фронтовике Николае Слядневе – лучшем оперативнике Челябинского ОБХСС. За первое полугодие 1945 г. он завершил 31 уголовное дело о кражах государственного имущества, разоблачил начальника одной из станций Южно-Уральской железной дороги, промышленявшего сбытом на сторону вагонов с углем и соляжкой. Другой сотрудник городского управления милиции младший лейтенант Михаил Лизунов в 1944 г. сумел обезвредить группу конокрадов, угонявших колхозный скот, а затем и банду вооруженных налетчиков на госучреждения. Благодаря ему в казну были возвращены сотни тысяч рублей [42, с. 172, 173].

Как представляется, не теряет актуальности монография [51] автора данной статьи. В книге охарактеризовано «теневое» производство и распределение предметов ширпотреба в промысловой и потребительской кооперации, а также меры противодействия этому [51, с. 165–167, 209–212].

Отдельные сведения о случаях воровства в особо крупных размерах можно найти в статье Р. Р. Хисамутдиновой [69, с. 119, 120]. Организация во второй половине 1942 г. Челябинским областным судом публичных процессов над расхитителями колхозного имущества представлена в коллективном труде А. П. Абрамовского, В. С. Кобзова, Е. А. Вериги [2, с. 62]. Любопытные данные о коррупционных сетях с участием руководителей Кустанайского областного управления милиции, применявшихся организаторами цыганского лжеколхоза в целях сокрытия операций с ворованными лошадьми, приведены в очерке об истории уголовного розыска Южного Урала [55, с. 65].

Уникальные материалы И. В. Говорова показали, каким образом, из кого вербовались «доверенные лица», секретные осведомители и квалифицированные агенты. Осведомительной сетью старались охватить в первую очередь рынки, базары, предприятия общественного питания, госучреждения и организации (в том числе торговые). Получаемая органами информация способствовала сокращению сроков раскрытия крупных краж и афер [11, с. 111–112].

Функционирование лагерных судов стало предметом исследования Г. М. Ивановой. Такие суды были образованы по Указу Президиума Верховного Совета СССР 30 декабря 1944 г. и просуществовали до 1954 г. К их компетенции относились все дела об уголовных правонарушениях, совершенных заключенными и вольнонаемным персоналом в лагерях и колониях НКВД. В конце войны каждый седьмой случай судебного разбирательства в ГУЛАГе был связан с хищением или растратой, за кото-

рые, главным образом, привлекались те, кто хотя и отбывал срок за аналогичные деяния, но имел доступ к материальным ценностям (кладовщики, повара, бухгалтеры и т. п.). Отмечались случаи расправ таких рецидивистов над донесшими на них «товарищами по несчастью» [29, с. 298].

В докладе Л. Я. Лончинской в научном плане особенно важны два момента, не позволяющие интерпретировать правонарушения как единичные: 1) среди работников Южно-Уральской железной дороги, пойманных на хищениях, 11 % составляли коммунисты; 2) наиболее массовыми были мелкие кражи с производства, доля которых доходила до 55 % от всех зарегистрированных корыстных преступлений. В 1944 г. судебные органы признали, что кражи «стали системой» [39, с. 100, 101].

Масштабное изучение «черного» рынка провел В. С. Пушкарев. По его расчетам, у незначительной части населения, систематически занимавшейся торговлей на городских «толкучках», к концу войны скопились на руках суммы наличных денег, достаточные для проведения оптовых операций. Налаживая контакты с администрацией предприятий, производивших предметы потребления, они через подконтрольные им неформальные коммерческие структуры сбывали фондируемые товары по ценам, в сотни раз превышающим официально установленные.

Некоторые высокопоставленные чиновники сами выступали в роли подпольных предпринимателей. Так, заместитель наркома пищевой промышленности Татарской АССР в первой половине 1945 г. закупил на собственные средства 1,2 т какао-бобов и разместил на подотчетной ему кондитерской фабрике заказ на выработку шоколадных конфет. После продажи всей партии поделнички доставили ему выручку на квартиру. И это не единичный пример. Оказывается, подобные частные лавочки выявлялись республиканской госторгинспекцией в системах «Загозерно», потребкооперации, общепита, ОРСов, госпиталей и аптечных управлений. Они существовали даже на базах Колымснаба Дальстроя НКВД СССР и в Главвоенфлотторге [53, с. 218, 221].

В статье В. С. Пушкарев получила оценку организация Особторга в апреле 1944 г. В задачу этой структуры входила реализация дорогих, остродефицитных и престижных вещей состоятельным покупателям. Автор считает, что тем самым государство способствовало «отмыванию» теневых капиталов. Нам же видится здесь попытка защитить установленные для народа скромные потребительские стандарты от избыточного давления денежной массы, накопленной неправомерным путем. Исследователь отметил двойственную роль теневого сектора, который, с одной стороны, сводил в одну товаропроводящую сеть колхозный рынок, нелегальных и полуполигальных посредников, государственную и кооперативную торговлю вкуче с подсобными предприятиями, стимулируя тем самым производство дополнительного количества продуктов питания и предметов массового спроса; а с другой стороны, на «черный» рынок поступали преимущественно нормируемые товары, изъятые тем или иным путем из госфондов, что приводило к ухудшению и без того тяжелого материального положения большинства населения [53, с. 224].

В работах В. А. Гусака [15; 16; 17] есть информация об организации в областях, объявленных на военном положении, особых групп из местных жителей, участвовавших в охране государственного и колхозно-кооперативного имущества. Отмечаются факты спекулятивных операций должностных лиц, командированных в уральскую провинцию из центральных регионов. Используя свои полномочия, чиновники закупали дефицитные изделия в столице и перепродавали их на местных рынках. Сообщается о мошеннических схемах, практиковавшихся отдельными работниками типографий (фальсификация карточек и талонов, дающих право на получение продуктов и промтоваров, в том числе в подпольных печатных цехах с помощью ворованного шрифта). Часть «кормовых бумаг», как их тогда называли, при отоваривании не утилизировалась, а утаивалась и повторно пускалась в оборот сотрудниками контрольно-учетных бюро через государственные и кооперативные магазины. Поэтому надзорные органы особую роль отводили проверкам торговых точек.

В. А. Гусак отметил, что властям пришлось проводить специальные мероприятия по пресечению преступной деятельности расхитителей зерна и муки. В связи с обострением в конце 1942 г. продовольственного кризиса и возникшими перебоями в нормированном снабжении населения, жестко карались не только случаи воровства хлеба в крупных размерах, но и мелкие кражи с колхозных полей. Формы и методы хищения были разнообразными. Колосья пшеницы срезали и уносили в холщовых мешочках, спрятанных под верхней одеждой, в пустых бутылках из-под питьевой воды, в натальном белье и даже в обуви.

Отдельно рассматривается проблема сохранности железнодорожных грузов. Чаще всего вагоны и контейнеры вскрывали сами машинисты и их помощники. Однако были зафиксированы и эпизоды, когда в краже участвовали спецпоселенцы, учащиеся фабрично-заводских училищ, эвакуированные.

Материально-бытовое положение этих групп населения зачастую не обеспечивало им прожиточного минимума.

Автор делает общий вывод о том, что к концу войны эффективность работы органов внутренних дел повысилась, поскольку сумма и количество изъятых у расхитителей денег и ценностей существенно возросли. В. А. Гусак обращает внимание, что к функциям милиции тогда относилось не только предотвращение последствий, но и устранение причин, обусловивших отступления от норм «социалистической законности».

Деятельность ОБХСС описана в коллективной статье Р. Р. Алабердеева, Ю. В. Латова и С. В. Тишкова [4]. Период великой Отечественной войны выделен авторами особо. Исследователи подчеркивают, что многие экономические преступления совершались тогда не ради наживы, а для элементарного пропитания. В качестве способов борьбы с ними применялись внезапные рейды и ревизии хозяйственных организаций, оперативные заслоны и посты на транспорте. Указывается на особую общественную опасность фальшивомонетчиков, спекулянтов золотом и валютой [4, с. 59–62].

Изъяны снабженческо-распределительного механизма и рыночной торговли на Урале в 1941–1945 гг. проанализировала Н. П. Палецких. К этим нарушениям она отнесла:

– запрещенную куплю-продажу продовольственных карточек и талонов на городских «барахолках». Ее размах побудил Прокуратуру СССР в 1943 г. дать указание о том, чтобы лица, участвующие в подобных сделках, привлекались к уголовной ответственности по ст. 169 УК РСФСР за мошенничество и ст. 107 за спекуляцию (в обоих случаях предусматривалось лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества);

– превращение ОРСов в инструмент незаконного перераспределения выделяемых им централизованных фондов, что приводило к ущемлению рабочих «командирами производства»;

– неэффективность общественного контроля за системой заводского общепита из-за препятствий, чинимых администрацией;

– избирательное применение санкций: увольнение, выговоры, отдача под суд грозили, и то не всегда, только работникам системы снабжения. Уличенные в злоупотреблениях партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители отделялись мягкими вариантами наказаний;

– превращение колхозных базаров в место сосредоточения подпольных дельцов и спекулянтов [50, с. 36–65].

Методология «истории повседневности» легла в основу монографии И. Б. Орлова. Проанализировав обширные эмпирические данные, ученый высказал предположение, что теневое перераспределение в 1941–1945 гг. играло более значительную роль, чем официальные льготы. Здесь в предпочтительном положении находились руководящие кадры торговли и общепита, директора предприятий, располагавших подсобными хозяйствами, а также те, кто имел отношение к остродефицитным товарам и услугам (топливо, пассажиро- и грузоперевозки и т. п.).

Повсеместно практиковалось незаконное прикрепление номенклатурных работников и их семей к пунктам питания, предназначенным для детей, больных, инвалидов, причем нередко сразу к нескольким одновременно. Широкое распространение получило самообеспечение районного начальства за счет продукции колхозов: если мелкие чиновники брали в долг или частично оплачивали продукты по «договорным ценам», то первые лица просто брали, требуя списывать поборы.

Характерно, что привлекались за разбазаривание фондов только низовые работники торгов (продавцы, товароведы), реже заведующие магазинами, да и то лишь за мелкие хищения, тогда как в отношении крупных самоснабженцев надзорные органы ограничивались административными взысканиями. Это и неудивительно, поскольку документы тех лет содержат сведения об активном участии самих прокурорских работников в подобном «кормлении».

И. Б. Орлов заключил, что неравенство в нормах обеспечения и многочисленные злоупотребления в сфере снабжения продовольствием и предметами первой необходимости устанавливали в милитаризованном социуме определенные психологические барьеры, способствовали его разделению на «мы» и «они». Это провоцировало различные формы социального протеста [48, с. 142–147].

Попыткой комплексного изучения институтов советской юстиции в 30–50-е годы XX в. отличается монография А. Я. Кодинцева [31]. В книге воссоздана обстановка военных лет, в которой приходилось работать сотрудникам региональных подразделений Наркомата юстиции, судьям, судебным исполнителям, адвокатам и нотариусам. Были обнаружены факты коррупции в их среде. Так, начальник Курганского областного управления НКЮ К. М. Назаров, назначенный на свой пост в 1944 г. и имевший только начальное образование, превратился в посредника при приобретении товаров для областной элиты, добывая их везде, где только возможно. В 1946 г. его сняли. Возглавлявший

отдел адвокатуры НКЮ РСФСР Л. М. Яхнич, используя свое служебное положение, вымогал деньги у провинциальных Коллегий защитников во время ревизионных поездок. Тоже был уволен. Заведующий консультацией Ленинского района Челябинска Л. П. Фрис был уволен и осужден на 3 года тюрьмы за мошенничество при получении гонорара [31, с. 312, 363, 368].

Нередко блюстители закона присваивали вещественные доказательства, лишали эвакуированных жилья в интересах родственников и знакомых, за взятки приводили в негодность или «теряли» уголовные дела, задерживали исполнение судебных приговоров. Если в 1943 г. к уголовной ответственности по РСФСР было привлечено 70 народных судей, то в 1944 г. уже 106 [31, с. 316, 317].

Касаясь функционирования военной юстиции, А. Я. Кодинцев остановился на Постановлении ГКО от 3 марта 1942 г., согласно которому виновные в хищении, хранении ворованного и порче армейского имущества приравнивались к врагам народа и приговаривались к смертной казни. После распространения военного положения на работников железнодорожного транспорта они тоже подпали под это постановление [31, с. 336].

В книге приведены любопытные детали оптимизации работы системы судебного исполнения. Согласно распоряжению союзного Правительства № 5982 от 27 июня 1941 г., судебные исполнители, производящие взыскание в пользу государственных, кооперативных и общественных организаций по делам о растратах и хищениях, квалифицированных по ст. 162 УК РСФСР (кража со складов, вагонов, судов и иных хранилищ) и Закону от 7 августа 1932 г., получили право на вознаграждение в размере 5 % от взысканных сумм. Но несмотря на это, реально по России удовлетворялись 15–20 % исков. На остальные составлялись акты по несостоятельности или нерозыску должников.

Плохое осуществление своих профессиональных обязанностей судисполнителями выражалось в том, что они зачастую уничтожали описи конфискованных вещей и брали их себе; присваивали полученные от продажи имущества осужденных суммы, подделывая подписи получателей; совершали незаконные поборы с граждан. В первом полугодии 1945 г. в 37 регионах СССР были обнаружены растраты судебных исполнителей на 628,9 тыс. руб. [31, с. 373–375].

С достаточной степенью репрезентативности заявленная проблема отражена в диссертации В. В. Блиновой [7]. Первый параграф второй главы непосредственно посвящен усилиям милиции по ликвидации экономических преступлений. Представлены их виды (кражи, растраты, подделка карточек, спекуляция, налеты на склады и магазины, хищение грузов на железной дороге, горючего и зерна в колхозах, совхозах, МТС и нефтебазах) и проанализированы причины, среди которых «лидируют» введение карточной системы на продовольствие и предметы первой необходимости, плохая организация учета и охраны материальных ценностей. Автором составлены статистические таблицы по выявленным, расследованным и доведенным до суда имущественным правонарушениям.

Правоохранительным мероприятиям, осуществлявшимся в сельской местности, посвящена статья К. Н. Латыповой [38]. Речь в ней идет о хищениях хлеба в колхозах, пекарнях и магазинах потребительской кооперации, краже горючего на расположенных в глубинке нефтебазах, преступно-небрежном обращении с тягловой силой, тракторами и сельскохозяйственными машинами [38, с. 132].

Развернутый очерк по истории Челябинской областной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны содержится в мемуарах Л. А. Вишни [9]. В соответствующем фонде Объединенного архива Челябинской области документы военной поры практически не представлены, и названная публикация позволяет частично ликвидировать этот пробел. Обращает на себя внимание рассказ о попытках главы надзорного органа П. В. Ефимова опротестовать решения районных и городских исполкомов Советов об установлении предельных цен на продукты, продаваемые на колхозном рынке, поскольку они вели к сокращению привоза, усилению дефицита продовольствия и разгулу спекуляции в регионе [9, с. 79].

Важным делом в то время стало пресечение нелегальной торговли талонами на питание, продовольственными карточками, стахановскими пропусками в столовую с усиленными обедами. Источником теневых ресурсов обычно выступали отделы рабочего снабжения крупных заводов и контрольно-учетные бюро. Автор мемуаров вспоминает, как «ответственные» лица формировали и разбазаривали «излишки», какие усилия потом приходилось прилагать следователям для предания расхитителей суду, каким образом разоблачались подпольные типографии и мастерские по фабрикации фальшивых «кормовых бумаг». Воспоминания Л. А. Вишни проиллюстрированы краткими биографическими очерками о сотрудниках прокуратуры, отличившихся в годы войны на поприще борьбы с ворами и мошенниками.

Заметным событием среди обществоведов стала защита диссертации С. М. Емелиным и публикация им ряда научных статей [21; 22; 23; 24], где с опорой на общесоюзные данные определена специфика экономической преступности и правовая база противодействия ей в годы Великой Отечественной войны. Впервые было подсчитано количество осужденных за хищения государственной собственности – 1 810 784 чел., в том числе: за кражу и порчу зерна – 247 665 чел., воровство и разбазаривание продуктов и промтоваров – 193 052 чел., злоупотребление продуктами и промтоварными карточками – 40 657 чел., растрату продуктов и промтоваров – 38 663 чел., обмеривание и обвес покупателей – 7 149 чел. Автором приведены сведения о борьбе со спекуляцией на Южном Урале: в Чкалове (ныне Оренбург) и Челябинске. Кроме того, показано, как осуществлялось взаимодействие органов внутренних дел, участковых уполномоченных с населением и общественностью (сельскими исполнителями, группами общественного порядка, бригадами содействия милиции, дворниками, управдомами, доверенными лицами) в деле охраны социалистической собственности. Наивысшей точки, по данным С. М. Емелина кривая преступности достигла в 1944 г. Начиная с 1945 г., благодаря профилактическим мерам и расширению спектра воздействия на криминогенную обстановку, она начинает последовательно снижаться. В 1945 г. удалось добиться резкого снижения зарегистрированных уголовных деяний (на 17,3 %).

Об асоциальных практиках расхитителей и спекулянтов военной поры идет речь в работах Д. В. Тумакова [65; 66; 67]. На основе изучения неопубликованных источников, содержащихся в хранилищах Ярославской области, автор интерпретирует тотальное воровство с государственных объектов как необходимое условие выживания людей. Легкость, с которой простые люди шли на криминал, он объясняет развалом агентурной сети милиции, недостатками в организации учета, контроля и охраны товаро-материальных ценностей на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, а также низким уровнем профессионализма и коррупцией среди стражей порядка. Д. В. Тумаков выявил своеобразную иерархию деятелей «черного рынка». В соответствии с ней низшую ступень занимали рядовые работники магазинов, ломбардов, вокзалов и рынков. Против них возбуждалось 90 % всех дел о спекуляции. Далее шли перекупщики, имеющие «крышу» и связи в регионах. На вершине находились крупные спекулянты, которые сумели обзавестись покровителями в различных властных структурах.

А. Г. Пашкин провел социологический анализ делинквентного поведения жителей Ульяновской области в 1941–1945 гг. с опорой на широкий комплекс документальных источников двух региональных архивов – Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) [52]. Это позволило ему определить детерминанты имущественных преступлений. Так, торгующие организации Ульяновска в период, предшествовавший введению карточек, целенаправленно завышали утвержденные государством цены на продукты и ширпотреб в среднем на 10–20 %. Отдельные граждане товар, купленный в магазине, реализовывали на рынке в десять раз дороже. Вал мелкой спекуляции закономерно вызывал инфляцию на рынках. Реальные же доходы населения были таковы, что не позволяли удовлетворять даже весьма скромные бытовые потребности. В результате наблюдалась массовая криминализация, которой в наименьшей степени были охвачены кустари, изготавливавшие ширпотреб, а в наибольшей – лица без определенного рода занятий. После издания постановления СНК СССР, разрешившего с 1 июля 1944 г. свободную продажу сельскохозяйственных продуктов колхозникам и единоличникам Ульяновской области, количество осужденных за спекуляцию ощутимо снизилось. Для правонарушителей-служащих были характерны должностные злоупотребления и растраты, а для рабочих – кражи с производства.

Лавинообразный рост хищений госсобственности в регионе имел место во втором полугодии 1942 г. Это была реакция на вторую волну эвакуации. Затем количество экономических преступлений стало плавно снижаться: за период 1943–1944 гг. среднеквартальная численность осужденных составляла 950 чел. В первом полугодии 1945 г. она снизилась соответственно до 500 чел.

Изучив массив партийных документов, демонстрирующих положение с преступностью в Ульяновской области, автор пришел к заключению, что этот вопрос разбирался почти на каждом заседании бюро территориальных коммунистических организаций области. Разрабатывались конкретные меры противодействия расхитителям и скупщикам краденного; изыскивались пути решения кадровой проблемы в органах НКВД и юстиции. Для помощи правоохранителям создавались общественные организации. Так, к патрулированию железных дорог были привлечены колхозники ближайших деревень. За это они получали плату в размере среднего заработка. Затем их стали задействовать в охране урожая, семенного фонда, поголовья скота, в дежурствах в ночное время по околицам и важ-

нейшим дорогам. Охранные функции взяли на себя бойцы народного ополчения и специальные группы обеспечения общественного порядка.

Государственная торговля в эпоху сталинизма стала объектом научного интереса Е. Д. Твердюковой [60; 61; 62]. Периоду Великой Отечественной войны отведено важное место, причем указанные работы сопровождаются объемными ссылками на англоязычную литературу. Исследовательница обращает внимание на организацию Особторга в марте 1944 г. Целью данной структуры было удовлетворение потребительских запросов отдельных высокооплачиваемых групп населения (работников науки, техники, искусства, литературы, высшего офицерского состава Красной Армии). Организация использовалась директорами коммерческих магазинов и ресторанов для различного рода махинаций: только на пересортице хлебобулочных изделий они «зарабатывали» от 5 до 12 тыс. руб. в день при средней зарплате по стране 442 руб. в месяц.

В эпизодах, посвященных формам борьбы с мешочничеством (один из источников спекуляции), автор упоминает постановление ГКО от 25 сентября 1942 г., которое разрешало милиционерам проводить изъятие у пассажиров железнодорожного и водного транспорта предметов, превышающих установленную норму провоза ручной клади (16 кг), и безвозмездно передавать их в госторговлю и общепит. Кроме того, мешочников наказывали штрафами, а тех, кто попадался повторно или с большим объемом «багажа», отдавали под суд. Среди них встречались и инвалиды Отечественной войны, и профессиональные аферисты с поддельными проездными документами. Несмотря на то, что данное явление приобрело широкий размах (в 1945 г. по стране было задержано свыше 75 тыс. чел., конфисковано почти 3000 т продуктов), уголовное наказание понесли менее 1 % нарушителей [61, с. 87].

Е. Д. Твердюкова, исследуя нормированное снабжение, обращает внимание на то, что такое происшествие, как утеря гражданами карточек, многие партийные функционеры (например, А. А. Жданов) называли каналом утечки продовольствия. Тем не менее, многие люди, обращавшиеся в исполкомы с соответствующими заявлениями, получали новые продуктовые документы. Отмечены автором повсеместные хищения карточек и в типографиях, где они печатались; и в карточных бюро, где распределялись; и на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях, где выдавались; и в магазинах, где отоваривались; и в контрольно-учетных бюро, где уничтожались. На толкучках их открыто продавали или обменивали на ширпотреб. В сентябре 1943 г. ЦК ВКП(б) даже был вынужден принять специальное решение, обязывающее обкомы и горкомы партии принять меры к ликвидации подобных правонарушений. В результате удалось обезвредить 142 преступных сообщества, промышленявших реализацией хлебных и других талонов [61, с. 95].

Изучив злоупотребления в советской торговле, Е. Д. Твердюкова отметила, что если до войны преступные посягательства были сосредоточены, главным образом, на завладении деньгами, то в войну в приоритете оказались хлеб, мясо, крупы, масло и др. Выручка от их сбыта обращалась в золото, драгоценности и иностранную валюту. Методы прямого хищения дополнялись самоснабжением, раздачей дефицита близким и знакомым по запискам и спискам. В Ленинграде даже появился термин «аристократы от плиты», под которым подразумевались повара, буфетчицы, официанты, обвешанные дорогими украшениями и не скрывающие высокомерного отношения к посетителям пунктов питания. В монографии приведен ужасающий факт: только в одной из столовых блокадного Ленинграда с января 1942 г. по март 1943 г. сотрудниками было украдено около 17 т нормированных продуктов [61, с. 164].

При этом торговые организации всячески саботировали передачу дел на растратчиков в судебно-следственные органы и не торопились их увольнять. Изобличенные же преступники, как правило, избегали наказания по Закону от 7 августа 1932 г., а привлекались по более мягкой ст. 109 УК РСФСР. Только с выходом Постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» ситуация стала меняться. Вместе с тем, СНК СССР своим распоряжением 26 июня 1943 г. ввел порядок списания на убыток всех сумм, независимо от размера, числившихся за материально ответственными лицами, призванными в армию и погибшими на фронте, а также недостач до 5 тыс. руб. при отсутствии в действиях подозреваемых злого умысла.

Один из очагов латентного воровства располагался в ОРСах и продснабах. Среди методов незаконного обогащения названы: искусственное создание излишков путем обмана потребителя; завышение числа обслуживаемого контингента; замена качественных фондируемых товаров низкосортной продукцией подсобных хозяйств; выписка фиктивных актов на порчу, выдача подложных справок о самозаготовках и проч. На кустарных предприятиях при заводах отчеты фальсифицировались в сторону преуменьшения выпуска. Напротив, сырье списывалось в преувеличенном количестве. Готовые

изделия доставались не работникам, а продавались на рынке. Выручка делилась среди «своих». Всего в 1944 г. по ОРСам было закончено производством 5 139 дел с привлечением к ответственности 8 397 чел., ликвидировано 1 656 преступных групп [61, с. 165]. По словам следователей прокуратуры, попадались, в основном, мелкие, неопытные расхитители. Квалифицированные воровали так, что их балансы всегда были в отличном состоянии.

Е. Д. Твердюкова попыталась разобраться и в специфике работы судебно-следственных органов, которым дана в целом удовлетворительная оценка, несмотря на перманентные нарушения сроков ведения и рассмотрения возбужденных уголовных дел и недостаточность усилий по возмещению нанесенного ущерба. Показателем явилось некоторое сокращение к концу войны отраженных в статистике криминальных эпизодов сфере распределения.

Самым распространенным деликтом, подрывавшим экономическую основу государства и дезорганизовавшим централизованное снабжение, признавалась спекуляция. В начальный период войны считалось, что для нее нет социальной базы, поскольку все заняты общественно полезным трудом. Однако в 1942 г. произошел почти двукратный рост количества привлеченных «за нарушения правил торговли». Наркомат юстиции был вынужден указать на отсутствие состава преступления в делах при обмене на городских рынках личных вещей или одних продуктов на другие. Обобщение практики военных лет позволило Е. Д. Твердюковой перечислить обстоятельства, исключая применение статьи 107 УК РСФСР (спекуляция). К ним относились:

- мена или продажа по свободным ценам собственного имущества и полученных в установленном порядке нормированных продуктов;
- реализация продукции крестьянских подсобных хозяйств;
- обнаружение у подозреваемых запасов продовольствия или вещей, превышающих надобности семьи при отсутствии доказательств об их приобретении с целью наживы [61, с. 204].

Несмотря на то, что жены военнослужащих и инвалиды Отечественной войны нередко подвергались задержанию при осуществлении на рынках сомнительных сделок и на то, что многие нигде не работали, их дальнейшее преследование считалось нецелесообразным. Эти случаи в статистику правоохранительных органов не попадали. Часть дел подобного рода, в которых фигурировали лица, имевшие доступ к материальным ценностям, проходила в судах по Закону от 7 августа 1932 г. и по статьям о должностных преступлениях. Кроме того, с ноября 1943 г. на освобожденных от врага территориях была временно разрешена частная торговля, и ею занимались все кому не лень. Возможно, в такой политике кроется причина сокращения числа осужденных за спекуляцию в 1944–1945 гг.

Самым простым и относительно безопасным способом хищения являлось обмеривание и обвешивание покупателей. Этому способствовало отсутствие в большинстве магазинов контрольных весов, достаточного количества клейменных гирь, вывешенных объявлений о правилах отпуска товаров, меню с нормами закладок и выхода продуктов и проч. Проверки, проводимые госторгинспекцией совместно с партийным и советским активом, обычно завершались административными взысканиями, реже – увольнением проштрафившихся. В целом ряде областей к уголовной ответственности не был привлечен ни один человек. Взятки и круговая порука помогали уйти от наказания [61, с. 235, 236].

Примечателен сюжет об артелях промысловой кооперации, которые, манипулируя имевшимися у них сырьевыми, производственными и кадровыми ресурсами, и в условиях войны ухитрялись находить выгодные и не всегда легальные схемы реализации своих изделий и уменьшения налоговых выплат [61, с. 274–277].

Из монографии В. А. Чашникова можно узнать о нелицеприятных нюансах в работе уральской милиции. Оказалось, что среди ее сотрудников использование служебного положения для извлечения личной выгоды в первые три месяца войны являлось самым распространенным правонарушением (осуждено 22 человека) [70, с. 27].

Исчерпывающие данные о количестве и видах хозяйственных преступлений в период 1941–1945 гг. представил научному сообществу А. В. Наумов, обнародовавший статистику из фонда Верховного Суда СССР. Материалы свидетельствуют, что существенного снижения хищений и должностных преступлений добиться так и не удалось. Сократились лишь масштабы спекуляции. Этим подтверждают гипотезы и выводы авторов, упомянутых выше [47, с. 19, 20].

Из недавних публикаций отметим статьи К. М. Абидулина [1], С. В. Ханина [68] и Н. В. Лысака [40]. Первый автор, опираясь на архивные документы, отметил в 1942–1944 гг. резкое увеличение количества краж и разбойных нападений с целью завладения чужим имуществом. Контингент преступников состоял, главным образом, из дезертиров и несовершеннолетних. В качестве

самого «массового» деликта называлась спекуляция [1]. Второй исследователь обратил внимание на сотрудничество милиции и населения: для раскрытия преступлений формировались бригады содействия милиции. Состоять в рядах «бригадмилльцев» было почетно, и туда стремились попасть даже школьники старших классов [68]. Автор третьей публикации рассказал о том, что вследствие разукрупнения контрольно-ревизионного аппарата на местах настоящим бичом для сельской товаропроводящей сети стали должностные растраты. Изжить их не помогло даже ужесточение уголовной и имущественной ответственности. Резким обострением криминогенной обстановки в годы войны объяснялся и послевоенный всплеск экономической преступности в СССР [8].

В канун семидесятилетия Великой Победы активизировались исследования и соответствующие публикации о правоохранительных институтах военной поры в советских республиках. Так, И. С. Мухамадиев изучал деятельность Прокуратуры Таджикистана по расследованию спекулятивных операций с хлебом и другой сельскохозяйственной продукцией [45; 46]. Удалось выяснить, что работники надзорного ведомства лично участвовали в поддержании обвинения в суде только в каждом четвертом случае. Это объяснялось острой нехваткой кадров. Отсутствие на процессе обвинителя зачастую приводило к назначению слишком мягкого наказания. Для преодоления указанного недостатка местные органы обращались в Москву с просьбой о выделении необходимого количества квалифицированных специалистов.

Ажиотажный спрос и перебои в снабжении продовольствием явились, по мнению А. Ш. Кабировой, основной причиной деликтов экономической направленности в Татарской АССР [30]. Исследовательница подчеркнула групповой характер подавляющего большинства правонарушений в данной сфере. А автор другой работы, Г. М. Иванова, пришла к выводу, что крупные хищения государственной и общественной собственности совершались не в состоянии крайней нужды, чтобы спастись от голода, а с целью наживы и личного обогащения [28].

В статьях Н. Д. Козлова приведены факты использования властями такого инструмента управления, как анонимные опросы и изучение обращений населения в вышестоящие инстанции [33; 34]. Для проверки поступивших сигналов (каждое второе обращение касалось злоупотреблений в системе заводского общепита и снабжения) создавались спецкомиссии с участием инструкторов и секретарей горкомов партии, которые были вправе передавать собранные материалы в милицию, увольнять начальников цехов, утративших доверие рабочих, а также изыскивать дополнительные фонды на продукты, одежду, обувь, дрова и транспорт.

Свою классификацию экономических преступлений военных лет предложил С. П. Шатилов. Исходя из существовавшей тогда юридической базы, он подразделил их следующие категории:

- преступления, совершаемые против социалистической собственности и социалистического хозяйства: бесхозяйственность (ст. 128 УК РСФСР); учреждение лжекооператива, руководство им и участие в нем (ст. 129-а УК РСФСР), содействие лжекооперации (ст. 111-а УК РСФСР);
- преступления в сфере промышленности: выпуск недоброкачественной продукции (ст. 128-а УК); нарушение технологической дисциплины (Постановление СНК СССР от 8 декабря 1940 г.); незаконный отпуск, продажа или обмен оборудования или материалов (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1940 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»);
- преступления в сфере сельского хозяйства: нарушения постановлений об охране лесов (ст. 85 УК); водные преступления (предусмотренные отдельными статьями УК);
- преступления в сфере торговли: спекуляция (ст. 107 УК); нарушение правил торговли (ст. 105 УК); обвешивание и обмеривание покупателей (ст. 128-в УК); массовый или систематический выпуск торговыми предприятиями недоброкачественной продукции (ч. 2 ст. 128-а УК);
- преступления в сфере финансов: налоговые преступления (ст. 60–62 УК); изготовление и выпуск денежных суррогатов (ст. 128-г УК);
- преступления, нарушающие интересы отраслей народного хозяйства: нарушение правил о производстве рыбного промысла (ст. 86 УК); нарушение правил охоты (ст. 86 прим. УК); нарушение правил по разработке недр земли (ст. 87 УК);
- прочие преступления против социалистической собственности и социалистического хозяйства, например изготовление и хранение самогона для сбыта, а также торговля им в виде промысла (ст. 102 УК) [71].

С. П. Шатилов вместе с коллегами выделил факторы, обусловившие рост подобных деликтов. К ним он отнес следующие группы:

- 1) экономические, связанные с проблемами благосостояния населения, объемом реализации потребительских товаров и т.д.;
- 2) социально-демографические, вызванные эвакуационно-реэвакуационными процессами, половозрастным изменением структуры населения и другими аналогичными явлениями;
- 3) социальные и социально-психологические, продиктованные ослаблением общественного контроля над личностью в обстановке массовой вынужденной миграции, безнадзорности детей и подростков, обусловленной занятостью женщин на производстве, распадом семьи и т. д.;
- 4) иные факторы, к которым можно отнести упущения в учете, транспортировке и охране государственного имущества; противодействие мобилизационным мероприятиям со стороны слоев населения, ранее подвергавшихся репрессиям; деморализация и дезорганизация части властных структур, включая правоохранительные органы; прекращение работы по профилактике правонарушений и т. д. [73].

В других коллективных публикациях с участием С. П. Шатилова приведены сведения о масштабах и формах преступной деятельности в карточной системе Алтайского края [74], а также о фактах коррупции (взяточничества) среди сотрудников краевой прокуратуры, которые имели место в начальный период войны [72]. В последнем случае виновные, как правило, отделывались выговорами.

В новом, оригинальном жанре критической биографии написана книга А. В. Сушкова. Из нее можно узнать, как легендарный директор ЧТЗ в годы войны покрывал воровство входивших в его ближайшее окружение заводских руководителей и сам не гнушался использовать в личных целях продукты и средства, принадлежавшие вверенному ему заводу [59, с. 71, 122, 205, 235–237].

Необычный взгляд на судьбы людей, оказавшихся в поле зрения правоохранительных органов, присутствует в диссертации И. В. Батуриной. В работе показано участие адвокатов в громких судебных процессах над подозреваемыми в хищениях военного имущества. В качестве примера излагается дело бывшего командующего 5-й саперной армией Заранкина. Защиту вел Я. Л. Кругляк, заведующий юридической консультацией № 2 Челябинска, прибывший в эвакуацию на Южный Урал из Харькова. Генерал Заранкин обвинялся в растрате денежных средств при строительстве оборонительных рубежей осенью 1941 г. (для их возведения привлекалась рабочая сила со стороны) и разбазаривании армейского продовольствия, которое он, будучи заместителем начальника «Челябметаллургстроя», распределил среди командного состава строительства по существующим нормам и госцене. Поначалу Военный трибунал войск НКВД Челябинской области приговорил его к расстрелу. Однако адвокат, уверенный в неправомерности обвинения, добился изменения приговора в Военной коллегии Верховного суда СССР. Наказание снизили и с отсрочкой исполнения направили осужденного на фронт. Там он был ранен, с него сняли судимость и вернули ордена. В период подготовки Ялтинской конференции глав СССР, США и Великобритании Заранкин исполнял обязанности начальника Ялтинского укрепрайона. Так, благодаря профессионализму Я. Л. Кругляка, его скрупулезному анализу доказательств, умелому построению стратегии и тактики защиты, грамотному применению ораторских приемов, достойный и заслуженный человек остался жив [6, с. 156, 157].

Таким образом, научные работы, вышедшие в период с начала 1990-х по настоящее время, в сравнении с предыдущими публикациями, на наш взгляд, гораздо более содержательны. Их авторы были свободны от строго партийного контроля и идеологических клише. Исследователи получили возможность работать с документами, совсем недавно носившими гриф «секретно», и излагать свое мнение, основанное, в том числе, на знакомстве с трудами и методологическими наработками своих зарубежных коллег. Многие известные ученые приложили усилия к тому, чтобы дать четкую характеристику, доказать важность, научную значимость и перспективность избранной темы. Однако все еще приходится констатировать, что ни на общероссийском, ни на региональном уровне комплексный подход к изучению темы пока не реализован.

Заключение

Обзор имеющейся литературы по заявленной проблематике свидетельствует о разнообразии подходов, принципов сбора и изложения материала, притом что ни историки, ни юристы, пишущие на русском языке, не рассматривали экономическую преступность и борьбу с ней в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны как самостоятельный предмет исследования, указанные выше факты присутствуют в подавляющем большинстве работ как сопутствующие сюжеты к другим темам.

Так, лишь частично освещена деятельность институтов сталинской юстиции (наркоматов госбезопасности, внутренних дел, государственного контроля, военных трибуналов, суда, прокуратуры, адвокатуры). Рассказано об эволюции правовых и обыденных норм для хозяйственной и бытовой практики; о деликтах, спровоцированных карточной системой и параллельными каналами распределения в виде ОРсов, Особтогов, кооперативных предприятий. Фрагментарно освещена роль общественных организаций в предупреждении и выявлении хищений социалистической собственности. Присутствуют отдельные сведения о сотрудниках спецслужб, отличившихся на поприще борьбы с расхитителями. Также упоминается о лицах, в том числе облеченных властью, которые принимали непосредственное участие в противоправных деяниях.

Важно, что в некоторых работах классификация и статистика раскрытых экономических преступлений составлена с опорой на первоисточники, однако факторы, обусловившие экономическую преступность, как и приводимые в таких публикации цифры, нуждаются в верификации и современной интерпретации с учетом реалий тех лет. Все это позволяет заявить, что накопленные знания по анализируемой проблематике сохраняют преимущественно эмпирическую направленность и теоретического уровня пока не достигли.

Кроме того, имеющуюся базу сведений нельзя назвать достаточной. Она касается, главным образом, количественных показателей; указывает на очевидные причины и отдельных субъектов правонарушений в хозяйственной сфере. Современные критерии научного знания требуют исчерпывающей фактологии, точного методологического инструментария и концептуального понимания процессов, происходивших во время войны в социальной и уголовно-правовой сферах советского государства. Только при соблюдении указанных условий будет возможен объективный взгляд на борьбу государства и общества с экономической преступностью в 1941–1945 гг. Проверка и научная интерпретация сведений позволит найти дополнительные аргументы против фальсификаций и инсинуаций в вопросе о «цене» Великой Победы.

Проведенный нами экскурс в историографию об экономических преступлениях в годы Великой отечественной войны указывает на целесообразность исследования следующих моментов: 1) превентивных и реактивных мер властей по обеспечению сохранности государственной собственности; 2) оценки результативности этих мер; 3) специфики юридических норм и институтов военного времени, регламентировавших борьбу с казнокрадами, спекулянтами и взяточниками; 4) подробного описания всего спектра профессиональных методов противодействия экономической преступности, включая негласные; 5) количественных, качественных и мотивационных параметров как правоохранительной системы (контролирующих инстанций, органов НКВД, прокуратуры, суда, адвокатуры, пенитенциарных учреждений, общественных объединений, созданных для поддержания правопорядка), так и контингента лиц, привлеченных к ответственности; 6) изложения процессуальных аспектов знаковых уголовных дел, возбужденных против расхитителей; 7) процедуры судопроизводства и исполнения судебных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абидулин К. М. Работа органов НКВД по раскрытию экономических преступлений в г. Саратове и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 13–15.
2. Абрамовский А. П., Кобзов В. С., Вериге Е. А. Челябинский областной суд. 70 лет. Люди, события, факты. 2-е изд. Челябинск : Каменный пояс, 2004. 283 с.
3. Айзенштат Я. Записки секретаря военного трибунала. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 1991. 128 с.
4. Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В., Тишков С. В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 51–80.
5. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1970. 466 с.
6. Батурина И. В. Челябинская областная коллегия адвокатов в 30-е – 50-е гг. XX в.: история становления и развития : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2018. 265 с.
7. Блинова В. В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 235 с.
8. Васильченко Д. В. Некоторые особенности экономической преступности в СССР в 1945–1955 гг. // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 16–18.

9. Вишня Л. А. Прокуратура Челябинской области: встречаемся у Вечного огня. Т. 1. Мы были солдатами. Челябинск : Губерния, 2009. 224 с.
10. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. 421 с.
11. Говоров И. В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109–119.
12. Голяков И. Т. Советское право в период Великой Отечественной войны. В 2 чч. Часть II. Уголовное право – уголовный процесс. М. : Юриздат, 1948. 214 с.
13. Грабовская Н. П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944–1946. 185 с.
14. Григуть А. Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 234 с.
15. Гусак В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности // Выдающиеся представители научной, общественной мысли Урала: материалы третьей региональной научной конференции. Челябинск : ЧКАКИ, 2005. С. 128–131.
16. Гусак В. А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2007. 185 с.
17. Гусак В. А. Некоторые аспекты проблемы обеспечения общественного порядка в период 1941 - 1945 гг. // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конференции, посв. 65-летию Великой победы, 21 апреля 2010 г. /под ред. В. Я. Рушанина, В. С. Толстикова, Е. В. Тищенко. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. С. 115–122.
18. Гусак В. А. Некоторые вопросы деятельности советской милиции по реализации контрольных функций в период Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конференции, посв. 65-летию Великой победы, 21 апреля 2010 г. /под ред. В. Я. Рушанина, В. С. Толстикова, Е. В. Тищенко. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. С. 122–127.
19. Демидов А. Обеспечение экономической безопасности в годы Великой Отечественной войны // Армия и флот: [сайт]. URL:<http://www.armiyaiflot.ru/ePages/2008/270208.htm> (дата обращения: 15.09.2017).
20. Демидов А. Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2009. 411 с.
21. Емелин С. М. Органы внутренних дел 1939–1953 гг.: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 535 с.
22. Емелин С. М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85–91.
23. Емелин С. М. Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 17. URL: <https://center-bereg.ru/m1781.html> (дата обращения: 27.12.2018).
24. Емелин С. М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 28–36.
25. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры XX в. 1937–1953. М. : Росспен, 2001. 536с.
26. Зинич М. С. Будни военного лихолетья, 1941–1945 : [в 2 вып.]. Продовольственное снабжение в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вып. 1. М. : ИРИ, 1994. 128 с.
27. Зубов Ю. П. Деятельность местных Советов Коми-пермяцкого округа по укреплению социалистической законности в 1941–1945 гг. // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Пермь: Б. и., 1991. С. 70–77.
28. Иванова Г. М. По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной войны // Труды института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 49–71.
29. Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР 1944–1954. // Труды Института российской истории РАН. М., 2004. № 4. С. 287–306.
30. Кабинова А. Ш. Борьба с экономическими преступлениями в период Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы международной научной конференции, 17–19 марта 2016 г. / под общей ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 52–58.
31. Козинцев А. Я. Государственная политика в СССР в 30-е – 50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш : ГУП «Куртамышская типография», 2008. 590 с.
32. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. М. : Госюриздат, 1957. 383 с.
33. Козлов Н. Д. Повседневность военного времени и общественные настроения // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы между-

- народной научной конференции, 17–19 марта 2016 г. / под общей ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 261–269.
34. Козлов Н. Д. Правонарушения в сфере снабжения населения товарами в годы Великой Отечественной войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г. : в 2 ч. / под ред. А. А. Корникова и др. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. С. 287–291.
35. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1990. 223 с.
36. Костин В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. 87.
37. Куликов В. В. Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 33–36.
38. Латыпова К. Н. Деятельность милиции Курганской области по борьбе с преступностью в 1943 г. // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 130–135.
39. Лончинская Л. Я. Кражи в тылу как отражение морально-нравственного состояния населения в годы Великой Отечественной войны // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: материалы науч. конф. Екатеринбург : ИППКС ФСБ России, 2005. С. 97–105.
40. Лысак Н. В. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 30–34.
41. Матышевский П. С. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1952. 271 с.
42. Милиция Челябинской области. 1802–2002. Страницы истории. Челябинск : Книга, 2002. 448 с.
43. Министерство внутренних дел России 1802–2002 : исторический очерк. В 2 тт. Т. 2. СПб. : Фонд «Университет», 2002. 528 с.
44. Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Социалистический контроль в СССР. М. : Политиздат, 1984. 240 с.
45. Мухамадиев И. С. Борьба органов Прокуратуры Таджикистана со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6/1. С. 258–261.
46. Мухамадиев И. С. Борьба органов Прокуратуры Таджикистана с потерями урожая сельскохозяйственной продукции и расхитителями собственности в годы великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Армия и общество. 2015. № 2(45). URL: 01. <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-organov-prokuratury-tadzhikistana-s-poteryami-urozhaya-selskohozystvennoy-produktsii-i-rashititelyami-sobstvennosti-v-gody> (дата обращения: 22.01.2019).
47. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 чч. Часть 2. М. : Юрлитинформ., 2014. 654 с.
48. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики 2008. 230 с.
49. Павлов Д. В. Стойкость. М. : Политиздат, 1983. 366 с.
50. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны : монография. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.
51. Пасс А. А. Другая экономика»: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск : ЧелГУ, 2002. 236 с.
52. Пашкин А. Г. Особенности борьбы с преступностью в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. 2011. URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestypnostu-v-ylianovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html> (дата обращения: 24.11.2017).
53. Пушкарев В. С. «Черный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 212–225.
54. Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917–1991. М. : ЭКСМО, 1997. 528 с.
55. Смирнов Д. В., Воробьев В. П. Уголовный розыск Южного Урала. Новые страницы истории. 1918–2008. Челябинск : Книга, 2008. 288 с.
56. Смыкалин А. Судебная система страны в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 39–42.
57. Советская экономика в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Наука, 1970. 503 с.
58. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945. М. : Наука, 1978. 565 с.
59. Сушков А. В. Дело «танкового короля» И. Зальцмана. Екатеринбург : УрО РАН, 2016. 300 с.
60. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 32–40.

61. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) : историко-правовой анализ. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
62. Твердюкова Е. Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 42 с.
63. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция советской системы // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 тт. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. Т. 2. С. 508-544.
64. Тряхов В. Н. Деятельность парткомов Прикамья по оказанию помощи войскам НКВД в начальный период войны // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Пермь, [б. и.], 1991. С. 66–70.
65. Тумаков Д. В. Ярославские преступники периода Великой Отечественной войны // «Век нынешний, век минувший...»: Исторический альманах. Вып. 8. Ярославль : ЯрГУ, 2009. С. 166–172.
66. Тумаков Д. В. Уголовная преступность и борьба с ней в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 234 с.
67. Тумаков Д. В. Уголовная преступность в годы Великой Отечественной войны. Саарбрюкен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 272 с.
68. Ханин С. В. Опыт взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 33–38.
69. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области 200 лет МВД России / Науч. ред. и сост. Д. А. Сафонов. Оренбург: Оренбургская губерния, 2002. С. 119–120.
70. Чашников В. А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2013. 153 с.
71. Шатилов С. П. Уголовное законодательство в сфере экономики в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. 2016. № 14–2. С. 282–285.
72. Шатилов С. П. Наиболее распространенные правонарушения, совершенные сотрудниками прокуратуры Алтайского края в начальный период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. 2017. № 15–2. С. 268–270.
73. Шатилов С. П., Шатилова О. А., Ипполитов П. Л. Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 156 с.
74. Шатилов С. П., Шатилова О. А., Ермаков Е. Г. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, связанными с продовольственными и промышленными карточками, в годы Великой Отечественной войны // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2 (18). С. 15–18.

A. A. Pass (Chelyabinsk, Russia)

RUSSIAN-HISTORIOGRAPHY ON ECONOMIC CRIME IN THE USSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The author's interpretations of the phenomenon of economic crime, poorly understood in Russian historical science, which took place in the Soviet Union in 1941-1945, are examined. The features of its influence on the lifestyle of a militarized society are shown. Overcoming such limitations as the lack of a source base, ideological commitment and censorship prohibitions made it possible, from the standpoint of a narrative approach, historical, systemic and institutional analysis, to present the views of modern scholars on the objective and subjective reasons, circumstances, nature and extent of theft. A palette of opinions on the role, place and effectiveness of the Stalinist justice authorities, public associations of citizens in the prevention, detection, investigation and suppression of these illegal acts is presented. The discussions on the nature and appropriateness of innovations in the legal and domestic spheres that regulated production and distribution at enterprises of various industrial affiliations are reflected. Based on comparative data, an attempt was made to assess the extent of corruption in the state and party apparatus, law enforcement agencies, and the judicial system. It is concluded that the accumulated knowledge retains a predominantly empirical orientation and has not yet reached a theoretical level. A list of scientific problems has been compiled that specialists need to focus on in order to provide comprehensive factology, complex tools, and a conceptual understanding of the processes that occurred during the Great Patriotic War in the social and criminal law spheres of the country. The main tasks are the determination of priorities, methods, content and final results of the policies of the central and local authorities, aimed at combating thieves, embezzlers and bribe takers. Their decision will allow finding additional arguments against falsifications and insinuations on the issue of the price of the Great Victory.

Keywords: USSR, World War II, historiography, economic crime, theft of state property, official abuse, institutional aspects of counteracting economic offenses.

REFERENCES

1. Abidulin K. M. Rabota organov NKVD po raskrytiyu ekonomicheskikh prestuplenii v g. Saratove i

- Saratovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 5–6, pp. 13–15.
2. Abramovskii A. P., Kobzov V. S., Verigo E. A. Chelyabinskii oblastnoi sud. 70 let. Lyudi, sobytiya, fakty. 2-e izd. Chelyabinsk, Kamenniy poias, 2004, 283 p.
 3. Aizenshtat Ya. Zapiski sekretarya voennogo tribunala. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1991, 128 p.
 4. Alaberdeev R. R., Latov Yu. V., Tishkov S. V. Istoriya bor'by v SSSR s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti, *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [The Journal of Economic History & History of Economics], 2007, vol. 8. no. 1, pp. 51–80.
 5. Arutyunyan Yu. V. Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Moscow, Nauka, 1970, 466 p.
 6. Baturina I. V. Chelyabinskaya oblastnaya kollegiya advokatov v 30-e – 50-e gg. KhKh v.: istoriya stanovleniya i razvitiya : dis. ... kand. ist. nauk, Chelyabinsk, 2018, 265 p.
 7. Blinova V. V. Deyatel'nost' organov NKVD Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2008, 235 p.
 8. Vasil'chenko D. V. Nekotorye osobennosti ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v 1945–1955 gg., *Uspekhi sovremennoi nauki*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 16–18.
 9. Vishnya L. A. Prokuratura Chelyabinskoi oblasti: vstrechaemysya u Vechnogo ognya, vol. 1, My byli soldatami, Chelyabinsk, Guberniya, 2009, 224 p.
 10. Vol'khin A. I. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi bezopasnosti Urala i Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2001, 421 p.
 11. Govorov I. V. Neglasnaya agentura sovetskoj militsii v 1940-kh godakh, *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2004, no. 4, pp. 109–119.
 12. Golyakov I. T. Sovetskoe pravo v period Velikoi Otechestvennoi voiny. vol. 1-2. Chast' II. Ugolovnoe pravo – ugolovnyi protsess, Moscow, Yurizdat, 1948. 214 p.
 13. Grabovskaya N. P. Ugolovno-pravovaya bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti (Zakon 7 avgusta 1932 g.): dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 1944–1946, 185 p.
 14. Grigut' A. E. Rol' i mesto organov NKVD SSSR v osushchestvlenii ugolovno-pravovoi politiki So-vetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) : dis. ... kand. jurid. nauk, Moscow, 1999, 234 p.
 15. Gusak V. A. Velikaya Otechestvennaya: voenniye lik prestupnosti, Vydayushchiesya predstaviteli nauchnoi, obshchestvennoi mysli Urala: materialy tret'ei regional'noi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, ChKAKI, 2005, pp. 128–131.
 16. Gusak V. A. Militsiya Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Chelyabinsk, Chelyabinskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2007, 185 p.
 17. Gusak V. A. Nekotorye aspekty problemy obespecheniya obshchestvennogo por'yadka v period 1941–1945 gg., Yuzhnyi Ural v gody Velikoi Otechestvennoi voiny : materialy mezhdvuz. nauch. konferentsii, posv. 65-letiyu Velikoi pobedy, 21 aprelya 2010 g. /pod red. V. Ya. Rushanina, V. S. Tolstikova, E. V. Tishchenko. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2010, pp. 115–122.
 18. Gusak V. A. Nekotorye voprosy deyatel'nosti sovetskoj militsii po realizatsii kontrol'nykh funk-tsii v period Velikoi Otechestvennoi voiny // Yuzhnyi Ural v gody Velikoi Otechestvennoi voiny : materialy mezhdvuz. nauch. konferentsii, posv. 65-letiyu Velikoi pobedy, 21 aprelya 2010 g. /pod red. V. Ya. Rushanina, V. S. Tolstikova, E. V. Tishchenko. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2010, pp. 122–127.
 19. Demidov A. Obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, *Armiya i flot*: [sait]. URL:<http://www.armiyaiflot.ru/ePages/2008/270208.htm>.
 20. Demidov A. Deyatel'nost' territorial'nykh organov gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v sfere vo-enoj ekonomiki. 1941–1945 gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. Bishkek, 2009, 411 p.
 21. Emelin S. M. Organy vnutrennikh del 1939–1953 gg. : evolyutsiya statusa, pravovykh osnov, organizatsii i deyatel'nosti : dis. ... d-ra jurid. nauk, Moscow, 2009, 535 p.
 22. Emelin S. M. Organizatsionno-pravovye napravleniya protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*. 2009, no. 11, pp. 85–91.
 23. Emelin S. M. Istoriko-pravovye aspekty bor'by s prestupnost'yu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 17, URL: <https://center-bereg.ru/m1781.html> (data obrashcheniya: 27.12.2018).
 24. Emelin S. M. Razvitie form vzaimodeistviya organov vnutrennikh del i obshchestvennosti v gody Velikoi otechestvennoi voiny: pravovye osnovy, osobennosti, istoricheskii opyt, *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Juridical science: history and modernity], 2013, no. 9, pp. 28–36.
 25. Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G. Prigovorenyye vremenem. Rossiiskie i sovetskie prokurory KhKh v. 1937–1953, Moscow, Rosspen, 2001, 536 p.
 26. Zinich M. S. Budni voennogo likholet'ya, 1941–1945 : [v 2 vyp.]. Prodoval'stvennoe snabzhenie v pe-riod Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg., vol. 1. Moscow, IRI, 1994, 128 p.
 27. Zubov Yu. P. Deyatel'nost' mestnykh Sovetov Komi-permyatskogo okruga po ukrepleniyu sotsialisticheskoi

- zakonnosti v 1941–1945 gg.// Tezisy докладov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi istorii Prikam'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Perm', b.i., 1991, pp. 70–77.
28. Ivanova G. M. Po zakonam voennogo vremeni: pravookhranitel'naya deyatel'nost' gosudarstva v uslo-viyakh Velikoi Otechestvennoi voiny, Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN, 2017, no. 14, pp. 49–71.
29. Ivanova G. M. Lagernaya yustitsiya v SSSR 1944–1954., Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN, Moscow, 2004, no. 4, pp. 287–306.
30. Kabirova A. Sh. Bor'ba s ekonomicheskimi prestupleniyami v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Tatarskoi ASSR), Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 17–19 marta 2016 g. / pod obshchei red. V. N. Skvortsova. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, 2016, pp. 52–58.
31. Kodintsev A. Ya. Gosudarstvennaya politika v SSSR v 30-e – 50-e gody KhKh veka v sfere yustitsii. Kur-tamysh, GUP «Kurtamyshskaya tipografiya», 2008, 590 p.
32. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda. 1917–1956 gg., Moscow, Gosyurizdat, 1957, 383 p.
33. Kozlov N. D. Povsednevnost' voennogo vremeni i obshchestvennye nastroyeniya, Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 17–19 marta 2016 g. /pod obshchei red. V. N. Skvortsova. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, 2016, pp. 261–269.
34. Kozlov N. D. Pravonarusheniya v sfere snabzheniya naseleniya tovarami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh–XXI vekov : materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf., Ivanovo, 5–6 aprelya 2017 g. : v 2 ch. /pod red. A. A. Kornikova i dr., Ivanovo, Ivan. gos. un-t, 2017, vol. 2, pp. 287–291.
35. Kornilov G. E. Ural'skaya derevnya v period Velikoi Otechestvennoi voiny. Sverdlovsk, Ural. gos. un-t, 1990, 223 p.
36. Kostin V. I. Bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskogo imushchestva i spekulyatsiei v gody Velikoi Ote-chestvennoi voiny, Gor'kii, Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1982. 87 p.
37. Kulikov V. V. Pravosudie v SSSR v voennye gody, Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1973, no. 5, pp. 33–36.
38. Latypova K. N. Deyatel'nost' militsii Kurganskoi oblasti po bor'be s prestupnost'yu v 1943 g., *Ural'skii isto-riceskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 1 (22), pp. 130–135.
39. Lonchinskaya L. Ya. Krazhi v tylu kak otrazhenie moral'no-nravstvennogo sostoyaniya naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Rol' organov i voisk gosudarstvennoi bezopasnosti v dostizhenii pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941–1945 gg.: materialy nauch. konf. Ekaterinburg, IPPKS FSB Rossii, 2005, pp. 97–105.
40. Lysak N. V. Bor'ba s dolzhnostnymi prestupleniyami v potrebitel'skoi kooperatsii v gody Velikoi Otechest-vennoi voiny, Istoriya gosudarstva i prava, 2015, no. 9, pp. 30–34.
41. Matyshevskii P.S. Otvetstvennost' za khishcheniya sotsialisticheskoi sobstvennosti po sovetskomu ugolov-nomu pravu : dis. ... kand. jurid. nauk. Kiev, 1952. 271 p.
42. Militsiya Chelyabinskoi oblasti. 1802–2002. Stranitsy istorii, Chelyabinsk, Kniga, 2002, 448 p.
43. Ministerstvo vnutrennikh del Rossii 1802–2002 : istoricheskii ocherk. V 2 tt. T. 2, Saint Petersburg, Fond «Universitet», 2002, 528 p.
44. Morozov L. F., Portnov V. P. Sotsialisticheskii kontrol' v SSSR. Moscow, Politizdat, 1984, 240 p.
45. Mukhamadiev I. S. Bor'ba organov Prokuratury Tadjikistana so spekulyatsiei v gody Velikoi Ote-chestvennoi voiny (1941-1945 gg.), Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2015, no. 6/1, pp. 258–261.
46. Mukhamadiev I. S. Bor'ba organov Prokuratury Tadjikistana s poteryami urozhaya sel'skokhozyaist-vennoi produktsii i raskhititelyami sobstvennosti v gody velikoi otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), Armiya i obshchestvo, 2015, no. 2(45), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-organov-prokuratury-tadjikistana-s-poteryami-urozhaya-selskohozystvennoy-produktsii-i-rashititelyami-sobstvennosti-v-gody> (data obrashcheniya: 22.01.2019).
47. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V 1-2 vol., vol. 2, Moscow, Yurlitinform, 2014, 654 p.
48. Orlov I. B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya, Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vyssh. shk. ekonomiki 2008, 230 p.
49. Pavlov D. V. Stoikost', Moscow, Politizdat, 1983, 366 p.
50. Paletskikh N. P. Sotsial'nye resursy i sotsial'naya politika na Urале v period Velikoi Otechestven-noi voiny: monografiya, Chelyabinsk, Chelyabinskii gos. agroinzhenernyi un-t, 2007, 167 p.
51. Pass A. A. Drugaya ekonomika»: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urале v 1939–1945 gg. Chel-yabinsk, ChelGU, 2002, 236 p.
52. Pashkin A. G. Osobnosti bor'by s prestupnost'yu v Ul'yanovskoi oblasti v gody Velikoi Otechest-vennoi voiny 1941–1945 gg.: istochnikovedcheskii aspect, Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist] 2011, URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1509-osobnosti-borby-s-prestypnostu-v-ylianovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html>.
53. Pushkarev V. S. «Chernyi» rynek v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ego vliyanie na so-stoyanie vnutrennego rynka strany, *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic journal], 2006, no. 12, pp. 212–225.

54. Razzakov F. *Bandity vremen sotsializma. Khronika rossiiskoi prestupnosti 1917–1991*, Moscow, EKSMO, 1997, 528 p.
55. Smirnov D. V., Vorob'ev V. P. *Ugolovnyi rozysk Yuzhnogo Urala. Novye stranitsy istorii. 1918–2008*, Chelyabinsk, Kniga, 2008, 288 p.
56. Smykalin A. *Sudebnaya sistema strany v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Rossiiskaya yustitsiya, 2002, no. 9, pp. 39–42.
57. *Sovetskaya ekonomika v period Velikoi otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* Moscow, Nauka, 1970, 503 p.
58. *Sovetskaya ekonomika nakanune i v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1938–1945*, Moscow, Nauka, 1978, 565 p.
59. Sushkov A. V. *Delo «tankovogo korolya» I. Zal'tsmana*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, 300 p.
60. Tverdyukova E. D. *Bor'ba so zloupotrebleniyami v sfere kartochnogo snabzheniya naseleniya v SSSR. 1941–1947 gg.*, *Vestnik SPbGU [Vestnik of Saint Petersburg University] Ser. 2*, 2010, vol. 2, pp. 32–40.
61. Tverdyukova E. D. *Gosudarstvennoe regulirovanie torgovli v SSSR (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.) : istoriko-pravovoi analiz*. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2011, 328 p.
62. Tverdyukova E. D. *Vnutrennyaya torgovlya i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Saint Petersburg, 2011, 42 p.
63. Timofeev L. M. *Institutsional'naya korruptsiya sovetskoj sistemy, Sovetskoe obshchestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskii final*, v 2 tt, Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 1997, vol. 2, pp. 508–544.
64. Tryakhov V. N. *Deyatel'nost' partkomov Prikam'ya po okazaniyu pomoshchi voiskam NKVD v nachal'nyi period voiny, Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi istorii Prikam'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Perm', [s. n.], 1991, pp. 66–70.
65. Tumakov D. V. *Yaroslavskie prestupniki perioda Velikoi Otechestvennoi voiny, Vek nyneshnii, vek minuvshii... : Istoricheskii al'manakh*, vol. 8, Yaroslavl', YarGU, 2009, pp. 166–172.
66. Tumakov D. V. *Ugolovnaya prestupnost' i bor'ba s nei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 : dis. ... kand. ist. nauk*. Yaroslavl', 2010. 234 p.
67. Tumakov D. V. *Ugolovnaya prestupnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 272 p.
68. Khanin S. V. *Opyt vzaimodeistviya militsii i naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (is-toriko-pravovoi aspekt)*, *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2015, no. 2 (30), pp. 33–38.
69. Khisamutdinova R. R. *Pravookhranitel'nye organy Chkalovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Istoriya upravleniya vnutrennikh del Orenburgskoi oblasti 200 let MVD Rossii / Nauch. red. i sost. D. A. Safonov*. Orenburg, Orenburgskaya guberniya, 2002. pp. 119–120.
70. Chashnikov V. A. *Deyatel'nost' organov militsii na Urale v period Velikoi Otechestvennoi voiny*, Ekaterinburg, Ural'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2013, 153 p.
71. Shatilov S. P. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo v sfere ekonomiki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i drugimi pravonarusheniyami*. 2016, no. 14–2, pp. 282–285.
72. Shatilov S. P. *Naibolee rasprostranennyye pravonarusheniya, sovershennyye sotrudnikami prokura-tury Altaiskogo kraja v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny, Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i drugimi pravonarusheniyami*, 2017, no. 15–2, pp. 268–270.
73. Shatilov S. P., Shatilova O. A., Ippolitov P. L. *Rol' pravookhranitel'nykh organov v realizatsii funktsii zashchity Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)*, Barnaul, Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2016, 156 p.
74. Shatilov S. P., Shatilova O. A., Ermakov E. G. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupleniyami, svyazannymi s prodovol'stvennymi i promyshlennymi kartochkami, v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Altaiskii yuridicheskii vestnik [Altai Law Journal]*, 2017, no. 2 (18), pp. 15–18.

Пасс А. А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 26-45.

Pass A. A. Russian-Historiography on Economic Crime in the USSR in the Years of the Great Patriotic War *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 26-45.

Сведения об авторе

Пасс Андрей Аркадьевич - доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; pass_andrey@mail.ru

Author:

Andrei A. Pass – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; pass_andrey@mail.ru

**О МОЛОДЕЖНЫХ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯХ МАГНИТОГОРСКА 1930–2010-х гг.:
«ГОРОД И СЕМЬЯ В МИНИАТЮРЕ»**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме отечественного литературоведения – изучению региональной литературы на материале истории магнитогорской литературной школы¹. Анализ регионального опыта проводился с целью выявления специфики литературных объединений в г. Магнитогорске. Предметом исследования стали молодежные и студенческие литературные объединения как форма литературной жизни в прошлом и настоящем легендарной Магнитки 1930–2010-х гг. С помощью историко-литературного, биографического, типологического методов автор решает несколько задач: 1) научное осмысление феномена магнитогорских молодежных литературных объединений (ЛитО – сокращение, принятое в магнитогорских литературных кругах); 2) исследование фактологии магнитогорского литературного движения в историко-культурном контексте; 3) систематизация нового историко-литературного, критического материала, связанного с формированием и развитием городских молодежных литературных объединений. Руководителями молодежных ЛитО в разные годы были Б. Ручьев, Н. Кондратковская, Ю. Костарев, Р. Дышаленкова, А. Павлов, Ю. Ильясов, О. Хандусь, С. Рыков и др. Магнитогорская специфика ЛитО наиболее точно, глубоко проанализирована в 2011 г. А. Павловым, который руководил литобъединением «Магнит» при газете «Магнитогорский металл» со второй половины 1970-х до 2000-х гг. В отличие от школы, ЛитО не предполагает строгой обязательности посещения занятий. Ученики и учителя, горожане, объединены не только общим интересом к литературе, но и чувством патриотизма, стремлением найти единомышленников в промышленном городе, каким является Магнитогорск. Итогом работы ЛитО «Магнит» стало издание поэтического сборника «В кругу откровений» (2004) – антологии творчества непрофессиональных литераторов Магнитогорска. Традицию молодежных объединений (1930-х – 2010-х гг.) продолжают современные ЛитО: «Магнит», (руководитель В. Калугин), литературные молодежные клубы Магнитогорска, в числе которых литературный клуб «ТЕРРА ЛИТЕРАТУРА» – электронная площадка для студентов МГТУ им. Г.И. Носова и др.

Ключевые слова: Б. Ручьев, Н. Кондратковская, Р. Дышаленкова, А. Павлов, литературное объединение, Магнитогорск, литературный клуб МГТУ им. Г.И. Носова.

История молодежных литературных объединений г. Магнитогорска остается мало исследованной страницей в истории литературной жизни страны, региона и города. Литературная жизнь в промышленном моногороде есть живая реальность и одновременно явление совершенно особенное и даже, на первый взгляд, противоречащее «заданному» ходу жизни таких городов. История литературной Магнитки свидетельствует: литературное творчество никогда не было здесь прерогативой исключительно эстетствующих интеллектуалов, и подтверждает мысль критика: «дух творчества, русского языка и русской культуры дышит, где хочет» [18, с. 5]. В начале 1930-х гг. молодые строители, вопреки ситуации (тяжелый физический труд на производстве в отсутствии нормального быта), испытывали жажду не в комфорте, а в знаниях, стремились реализовать себя в художественном творчестве. В последующие десятилетия на магнитогорской земле из представителей рабочих профессий выросли собственные поэты и писатели, члены союзов, лауреаты российских и международных литературных премий. Многие литераторы стали известными общественными деятелями. В сокровищнице талантов легендарной Магнитки немало индивидуальных достижений, которые зарождались в особой коллективной творческой среде. Литературный талант формировался в городских литературных объединениях, где начинающие авторы учились у мастеров, «впитывали» бережно хранимые традиции, «отталкивая» официозность. Литобъединения и создавали «ту живительную среду, благодатную почву, на которой стал возможен расцвет литературы города, уникального острова словесности на карте России»².

¹ Автор статьи выражает благодарность за содействие в сборе краеведческого материала редактору газеты «Денница» МГТУ им. Г.И. Носова А. Ю. Картавцевой, студентам Института гуманитарного образования МГТУ им. Г.И. Носова: М. Масленниковой, И. Вильховскому, О. Морозовой; за интервью о творчестве А. Б. Павлова вдове поэта Т. М. Павловой.

² Группа «Дыхание» и другие объединения последних трех десятилетий // ЛитМагнит – Литераторы Магнитогорска в Интернете (4 июля 2014). ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-3763207_29625607 (дата обращения: 18.11.2019)

90-летняя летопись Магнитогорска включает страницы истории молодежных литературных объединений - ЛитО «Красное солнышко», «Магнит», «Дыхание» и новейшие сведения: «с 1987 г. по сей день в Магнитогорске были осуществлены такие новаторские культурные проекты, как “Арт-лаборатория”, художественная галерея “Артея”, Литературный театр, литературный клуб “9/1”, наконец – первый в городе серьезный литературный конкурс»³. О магнитогорских молодежных объединениях сохранилось немало воспоминаний тех, кто вышел из их «пенатов» [9]. Они существовали наряду с городским ЛитО «Магнитогорский рабочий», которым в разные годы руководили мастера художественного слова – писатели Н. Кондратовская (1913–1991), Ю. Костарев (1941–2002), Б. Попов (1946–1996) и др.

Выявить специфические черты магнитогорских молодежных ЛитО возможно, лишь сопоставляя предмет изучения с подобными примерами других молодежных творческих объединений России. Согласно статистике, приведенной в Малой литературной энциклопедии (2012), в современной русской литературе «2431 писатель <...> 131 творческий союз» [18, с. 5]. Сведений о магнитогорских ЛитО в данном издании нет (хотя Магнитогорск литературно представлен, например, в «анкетной» статье о премии имени Бориса Ручьева (с 1999 г.). Единичные статьи о литобъединениях в других городах, разумеется, не заполняют лакуны в данной области истории отечественной литературы. ЛитО как первичные «ячейки» больших писательских союзов (центральных и региональных) просто не попадают «в объектив» справочно-энциклопедических изданий, поэтому для исследователя данной темы остается единственная возможность – поиск в Интернете.

Отметим константу среди признаков данной формы литературной жизни – обязательное отношение молодежных объединений к определенному изданию – периодическому (газета, журнал), литературному альманаху, издательству, издательской группе. Вокруг таких изданий и их руководителей-мастеров концентрируются литературные силы в каком-либо городе. Литературные объединения в нашей стране существуют в следующих форматах: литературная группа/ группировка, творческое объединение (литературная школа), молодежное литературное движение, самиздатовская группа, альтернативное молодежное литературное объединение, университетское литературное объединение, культурное сообщество, литературно-художественный салон, литературное агентство (оно же творческий клуб), товарищество мастеров, городское объединение молодых поэтов, сетевой междугородный литературно-художественный салон, объединение самодеятельных авторов, школа литературного мастерства, литературный клуб, литературная студия, свободная электронная площадка, сетевой клуб творческих личностей, литературный электронный журнал. Как видим, порой нет четкости в обозначении форм. Например, в Калуге ЛитО существует в формате «школы литературного мастерства» «Златокузница» при одноименной молодежной литературной газете [18, с. 334]. Эстетическая платформа декларируется, но чаще не прописывается, вероятно, из соображений абсолютной свободы молодежного творчества. Широка география ЛитО: от столичных (московские литобъединения [18, с. 579], «МОЛодоеОКО» («МОЛОКО» в Литинституте), творческое объединение «ЛитПроект» РГГУ с 2008 г.; Петербургские мосты с 2004 г. [18, с. 658]) до региональных, включая городские («Дети РА» с 2004 г. в Саратове, «Молодежная волна» с 2009 г. в Самаре [18, с. 574]), – многочисленных литобъединений Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока нашей страны.

Суть ЛитО в Магнитогорске и первостепенное значение этого культурного явления для формирования поэтического таланта в каждом поколении молодежи определил замечательный поэт, член Союза писателей России Александр Борисович Павлов (1950–2011): «Литобъединение – город и семья в миниатюре» [16, с. 15]. А. Павлов в течение последней трети XX в. руководил объединением «Магнит» (газета «Магнитогорский металл», середины 1970-х – 2000-х гг.) [16, с. 14–19]. Определяя место творческого сообщества в литературной жизни города и в процессе творческого становления самих литераторов, писатель, во-первых, настаивал на существовании особенной ниши – городской, «магнитогорской»; во-вторых, на возможности сосуществования разных и близких форм молодежных объединений (клуб, собрание); в-третьих, применял к ЛитО термин «литературная школа» [16, с. 14].

Под «литературной школой» здесь можно понимать, в том числе, и «уральскую поэтическую школу». Безусловно, есть полное основание говорить о традиции, которая обозначает связь разных поколений одной литературной школы и проявляется в восприятии молодежью нравственно-

³ Галина Лещинская 12 март 2014 в материалы Лидии Лаптевой, научного сотрудника музея-квартиры Б. Ручьева г. Магнитогорск. ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-3763207_29625607 (дата обращения: 18.11.2019).

эстетических принципов литературных предшественников, биографически связанных с историей Магнитостроя и подвигом первостроителей.

В буквальном смысле ЛитО как литературная школа означает постоянное обучение («ликбез», по выражению А. Павлова) [16, с. 14]: совершенствование начинающих («юнцов») и опытных поэтов, писателей («седобородых учителей»); анализ текущих творческих работ; коллективное обсуждение и оценку, которую дают молодым авторам признанные мастера, прежде чем те примут решение о публикации (чаще Южно-Уральское книжное издательство, челябинские издательства, московское издательство «Современник», Магнитогорский Дом печати).

От школы в традиционном понимании слова ЛитО отличается тем, что не предполагает строгости посещения занятий. «В одном классе» ученики и учителя – горожане. Они объединены не только общим интересом к литературе, но и чувством патриотизма, стремлением найти единомышленников в промышленном Магнитогорске, поэтому молодежное литобъединение для А. Павлова еще и «клуб по интересам» [16, с. 14]. Важнейшими характеристиками магнитогорского ЛитО, по А. Павлову, являются состав его участников – «собрание словотворцев-подвижников» и его границы – «в масштабах города» [16, с. 14]. Писатель подчеркивает увлеченность общим делом в высшей степени, страсть к творчеству, любовь к родной Магнитке.

Собрание многочисленных участников литературного клуба отражает специфику формы (на одном занятии в «Магните» собиралось порядка 50 человек), предполагающей коллективное обсуждение актуальных, общественно значимых тем. Приобщение к литературному творчеству заинтересованной молодежи, создание коллектива единомышленников, организация на основе принципа преемственности – передача традиции ЛитО от одного поколения магнитогорских литераторов к последующим – ситуация, моделируемая коллективными усилиями энтузиастов в специфической урбанистической среде. Пространство «семьи» (содружества старших и младших «словотворцев-подвижников») неразрывно связано с повседневной жизнью моногорода, производственными буднями металлургического комбината. В этом смысле ЛитО является культурным феноменом в истории Магнитки.

Споры, литературно-критические разборы. В чем их «польза»? Подобно добыче золота, неожиданно случались незаурядные открытия: «Но иногда раскрывается талант, и для молодого литератора приходит пора одержимого труда, бурного становления и больших надежд» [9, с. 9]. Магнитогорской литературе присущ историзм. Авторы, независимо от индивидуального творческого метода, старались сориентировать творчество в уже сложившемся «историческом пространстве Магнитогорска». Атмосфера трудового энтузиазма – черта «первых пятилеток» воспринята и пережита молодыми поэтами. В. Катаев в романе-хронике «Время, вперед!» наиболее достоверно воспроизвел психологическую атмосферу строящейся Магнитки: «То, что вчера было научной гипотезой, сегодня становилось академическим фактом; то, что сегодня было академическим фактом, завтра становилось анахронизмом, пройденной ступенью» [8, с. 161]. Заниматься с рабочими поэтами, пришедшими в ЛитО после трудового дня, мог только тот наставник, который понимал и принимал интересы своих учеников, суть сильного «магнитогорского характера».

Материал, собранный нами в ходе исследования проблемы литературных объединений г. Магнитогорска, показал, что ЛитО развивались вокруг персоналий их руководителей, которые в свое время сами были учениками-участниками таких сообществ. Опыт общения с другими литераторами, начинающими и маститыми, оказал, с нашей точки зрения и по словам самих поэтов и писателей, значительное, а иногда и судьбоносное влияние на их творчество.

Начнем представление литературных объединений с ЛитО, возглавляемого в свое время *Александром Борисовичем Павловым*. А. Б. Павлов состоял в Союзе писателей СССР с 1978 г. Начало его деятельности в ЛитО совпало с публикацией первой книги «Предгорья» (М., 1978) [16, с. 16]. Молодой руководитель, которому не было и тридцати, вступил в незнакомое литературное сообщество с особым укладом, традициями. Позже, в 2000-е гг., А. Б. Павлов напишет о различной мотивации участников «Магниты»: «Одному – буквально второй дом, другому – стартовая площадка в литературу, третьему – болезненный круг общения, другому – возможность найти единомышленника, друга, подругу» [16, с. 14].

А. Павлов принял эстафету руководителя литобъединения при газете «Магнитогорский металл» от Юрия Николаевича Костарева, который впоследствии стал членом Союза писателей России (сборник «Языческая ночь» 1998), автором книги «По правилам любви», посмертно опубликованной в 2003 г.: «Поэт Юрий Костарев, отъезжая в Узбекистан, передал бразды правления ЛитО «Магнит»

ММК [Магнитогорскому металлургическому комбинату, т. е. фактически А. Павлову – М. Б.]» [16, с. 15].

Для учеников двери дома Павловых всегда были гостеприимно распахнуты. Поэт-учитель, несмотря на постоянную занятость, находил время для серьезного разговора с начинающим поэтом или писателем (независимо от времени суток). В начале 2000-х гг. под редакцией поэта стали регулярно издаваться сборники авторов – членов ЛитО «Магнита». Каждый такой сборник был результатом огромной организаторской и литературно-критической работы наставника молодых.

В 1980–2000-е гг. деятельность талантливого организатора литературной жизни молодежи приносит замечательные и не только коллективные плоды. Его собственное творчество этого периода достигает расцвета: поэзия А. Павлова поражает многогранностью, широчайшим авторским кругозором. Это необходимые качества поэта-учителя. С 1982 г. до 1990 г. вышли в свет его поэтические сборники – «Пологий свет» (1982), «Сверим время» (1983), цикл стихов «Прозрение» (в разные годы этого периода, начиная с 1980 г.).

Выступая в качестве переводчика произведений других поэтов с языков народов СССР и России, Александр Борисович всегда ощущал и учитывал особую многонациональную специфику культуры Магнитки. Им вместе с писателем В. Машковцевым была проведена кропотливая работа по изучению исторического наследия станицы Магнитной, исследована тема казачества (цикл «Прозрение»). В 1996 г. Александр Борисович опубликовал самую значительную в творчестве (за 25 лет) книгу «Город и поэт», вышедшую в свет в центральном издательстве (тираж 10 тыс. экз., при содействии Р. Дышаленковой и финансовой поддержке ММК) [13]. Творчество и уникальный опыт организатора поэтического молодежного движения были высоко оценены: в 2002 г. А. Павлов стал членом-корреспондентом Академии литературы, а 2004 г. он также вошел в состав правления Челябинского областного отделения писателей России.

ЛитО как литературная школа предполагает «выпуск» учеников. Учитывая специфику коллектива, его динамику и разновозрастный состав ЛитО, проследить подобные «выпуски» участников магнитогорских ЛитО довольно сложно. Результатом творчества и показателем зрелости обычно считается выход в свет сборника стихов или книги прозаических произведений какого-то автора или факт принятия в члены Союза писателей (в постсоветский период это может быть не один союз). В 2004 г. итогом многолетней деятельности «Магнита» явился коллективный сборник в двух книгах «В кругу откровений» (ред. издания С. Рухмалев, худ. А. Ерофеев) [2; 3]. Он был издан в великолепном полиграфическом исполнении при поддержке газеты «Магнитогорский металл» в рамках последовательно осуществляющейся социально-культурной программы металлургического комбината. А. Павловым была составлена антология старшего поколения поэтов (1960–1980-х гг.): поэтическая подборка предварялась его краткими очерками творчества авторов-ветеранов и очерками о молодых непрофессиональных поэтах-участниках. Антология позволяла обозначить связь и проследить смену поколений магнитогорских литераторов: поэтов, прозаиков, драматургов. Редактор выпусков С. Рухмалев отметил тогда главный принцип работы с талантливой молодежью – преемственность: «Мы также сознательно включили и будем включать в сборники фрагменты творчества ветеранов городского литературного движения, которые не смогли при жизни издать своих книг» [2, с. 3]. Полагаем, что название коллективного сборника «В кругу откровений» обсуждалось на заседании «Магнита» и было утверждено как выражающее жизненные и творческие принципы литобъединения. Название подборки глубоко символично: во-первых, слово *круг* означает единомышленников, родственные души, во-вторых, *круг* – это форма коллективного творческого общения в ЛитО, в-третьих, *круг откровений* обозначает высокую степень открытости общения, проявления нравственного максимализма, которое всегда является условием для подлинного творчества, не допускающим фальши.

«Старший состав» магнитогорского ЛитО был представлен следующими авторами: ветераном Великой Отечественной войны, ветераном магнитогорского литературного движения Д. Назаровым (1918–2003); В. Павелиным (1929–1999), публиковавшим свои произведения в газете «Магнитогорский рабочий» с 1949 г.; Н. Курочкиным (1929–2002), а также С. Барановым, Ю. Блохиным, Л. Богдашкиной, В. Брайцевым, В. Вихоревым, К. Досмухаметовым, В. Евдокимовым, Л. Карповой, А. Кудиновым, Л. Майдановой, Р. Мусиным, В. Петренко, Ю. Понимасовым, В. Скачко, А. Твердохлебовым, В. Титовым, А. Тюменевым, В. Фатеевым, Т. Фатиной, В. Цыганковым, Л. Чернышовым, В. Шерстневым, Ю. Щекалевым. В первую книгу вошли и молодые авторы, относящиеся к постоянному составу «Магнита»: А. Губанов, рано ушедший А. Косенко, А. Лукашов, С. Рыков, Е. Шуляк [2].

Во второй книге «В круге откровения» старшие литераторы также соседствуют с молодыми, и это, как мы знаем, характерно для «Магнита». ЛитО представлено во втором выпуске такими именами, как Валерий Афонин, Вера Белая, Т. Варфоломеева, Ю. Васильев, Елена Васильева, А. Гайнутдинов, В. Гриенмаер, Евг. Девятова, Ек. Добролюбова, Н. Доможиров, В. Дырдин, В. Ефимов, О. Жорова, В. Кадошников, Маша Казанцева, В. Калугин, Н. Карпичева, В. Косиева, Лариса Кучер, Л. Кушманова, В. Лекарчук, Р. Магафуров, В. Мельников, Н. Мерш, Э. Митлин, О. Мордосина, В. Немолочный, В. Николаевская, Лидия Павленко, И. Павлюченко, О. Парфентьева, Мария Петрова, Г. Погорельцев, А. Поздеев, Л. Разумова, М. Ротанов, Владимир Рыбак, Е. Сокол, Ю. Сорокин, Алексей Субботин, Евг. Тяпков, А. Тюнькин, А. Устименко, Л. Уточкина, Ренарт Фасхутдинов, Л. Ферштер, Д. Хворостьянов, М. Цейтлина, О. Чурилова, Маша Шахова [3]. В книгу вошли и произведения магнитогорских школьников, лицеистов, студентов. Для них сборник стал счастливым событием в жизни и благословением в большую российскую литературу.

В региональной литературе на протяжении полувека магнитогорское литературное движение развивалось как мощная самобытная ветвь «уральской поэтической школы». Ассоциация писателей Урала (АСПУр) – это 19 организаций Урало-Сибирского региона, относящихся к Союзу писателей России и Союзу российских писателей (альманах «Чаша круговая», газета «Большая медведица», АСПУр проводит региональные совещания молодых писателей) [18, с. 55]. Значительный вклад магнитогорских литераторов в развитие культуры региона в свое время был отмечен на форуме Ассоциации писателей Урала (VII конференция, Челябинск, 2006 г.). Его участник поэт А. Б. Павлов был удостоен медали Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка за вклад в расширение молодежной творческой среды, обогащение контекста магнитогорской поэзии.

Неоценим вклад в организацию магнитогорского литературного молодежного движения поэтессы, члена Союза писателей СССР (с 1979 г.) *Риммы Андриановны Дышаленковой* (1941–2016) [6; 5]. Биография Р. Дышаленковой типична для поэта магнитогорской школы. В 1960-е гг. Римма Андриановна сама была участницей городского ЛитО, которое существовало при редакции газеты «Магнитогорский рабочий». Заседания проходили еженедельно и назывались «литературные вторники». Учителями Дышаленковой были Н. Кондратковская, С. Мелешин, В. Машковцев [12], а к поступлению в Литературный институт ее рекомендовал сам Б. Ручьев [17].

Чтобы понять, какими принципами руководствовалась Римма Андриановна, став наставником молодых поэтов, необходимо обратиться к истории и вспомнить о ЛитО, действовавшем под руководством ее учителя – поэтессы *Нины Георгиевны Кондратковской* (1913–1991) [10]. Нина Георгиевна относилась к литературному «цеху», в котором состояли такие мастера слова, как *Николай Воронов* (1926–2014), *Станислав Мелешин* (1928–1984), *Владимен Машковцев* (1929–1997). Данное поколение ЛитО называют старшим, хотя «старшие» в свою очередь приняли «эстафету» от легендарных магнитогорских поэтов: *Бориса Ручьева* (1913–1973), *Михаила Люгарина* (1908–1993), *Александра Лознево* (1911–2005), *Марка Гроссмана* (1917–1986) и других.

В воспоминаниях Н. Кондратковской воссоздается концепция молодежного литературного объединения, бережно передававшего литературную искру от одного поколения молодых поэтов и писателей другому. Ядром этой концепции, «творческим достоянием» авторов-магнитогорцев была глубоко осмысленная «тема труда как источника неисчерпаемой нравственной силы» [9, с. 8]. Так писала Н. Кондратковская об истоках магнитогорской литературы в 1930-е годы: «А самым первым ростком литературного Магнитогорска был маленький сборничек рассказов, стихотворений и очерков «Весна Магнитостроя» с предисловием писателя Николая Богданова, работавшего в выездной редакции газеты «Комсомольская правда» [9, с. 8].

Практика ЛитО свидетельствует, что тема труда не привела молодое сообщество литераторов к мелкотемью, не ограничила художественный мир авторов, не была идеологическим заказом. Наоборот, как заключает Кондратковская: «Труд духовно обогащается и сам становится творческим» [9, с. 10]. Не случайно в дебютный сборник своих учеников «Круг зари» составитель и учитель включила романтические ранние стихи молодого А. Павлова:

*Люблю тебя, мой город юный,
ну что поделаешь —
люблю...
Твои зарницы ночью лунной,
судьбу рабочую твою.
<...>*

*Прославлю все, где жил и вырос,
Где испытал себя огнем,
где из дорог солдатских вынес
все то, что Родиной зовем.
Где домны с золотистым кантом
всегда видны издалика,
Стоят полночными атлантами, взвалив на плечи облака.
Стоят высоко и послушно
и разливают вечный жар
в людские судьбы, жизни, души,
в глаза красивых горожан [11, с. 12].*

Н. Кондратовская называла литО «коллективом», в котором занимаются непрофессионалы-любители: люди разных профессий, поколений «советуются, спорят, учатся мастерству, обсуждают стихи и рассказы, критиков, врачуют “детские болезни”, не подслащивая “пилюлю”, какой бы она ни казалась горькой» [9, с. 10]. По сравнению с настоящим временем, в старом составе городского литературного объединения участники еще только мечтали о профессиональном творчестве, учились в Литературном институте им. М. Горького, в столичных вузах.

Римма Андриановна Дышаленкова пришла в литературу из рабочей среды (работала в тресте «Магнитогоркстройпуть» и на ММК), поэтому ей были понятны чаяния и стремления рабочей молодежи, студенчества технического вуза (тогда МГМИ, ныне - МГТУ им. Г.И. Носова). С 1973 по 1983 г. работая редактором студии на Магнитогорском городском телевидении, Р. Дышаленкова курировала вопросы культуры и молодежной жизни. В этот период она организовала в МГМИ новую форму для студентов-инженеров – литературное объединение. Ранее не менее тридцати лет в МГМИ существовала замечательная традиция собирать и приобщать талантливую молодежь к искусству, причем для руководства часто приглашались профессионалы. Например, в далекие 1940-е студенческим драмкружком руководил артист Магнитогорского драматического театра А. Ф. Бунин, а позже молодые артисты Б. Зайденберг, Л. Бронева. В середине 1960-х гг. был организован Университет культуры с секцией литературы и искусства.

Занятия Р. Дышаленковой со студентами технического вуза в ЛитО повысили уровень литературной образованности, расширили кругозор участников. При этом студенты могли участвовать и в самостоятельных клубах по интересам: клубах любителей поэзии, кино, театра, туристской песни и т. д. Продолжая дело старшего поколения учителей городского ЛитО, в качестве сотрудника вуза, Р. Дышаленкова работала как поэт-наставник одаренных юношей и девушек. Студенты откликнулись на призыв к молодежи МГМИ объединиться всем, кто стремится по-своему выразить свое отношение к миру.

В 2000-е гг. магнитогорское литературное движение начинает активно проявлять себя в общероссийском масштабе, наполняя жизнь промышленного города знаменательными культурными событиями. Так, в 2002 г. состоялся Всемирный форум поэзии, организатором которого был выпускник магнитогорской поэтической школы *Игорь Валерьевич Варламов*. В середине 1980-х гг. он занимался в городском ЛитО им. Б. Ручьева, затем с 1987 г. по 1988 г. вошел в молодежную литературную группу «Дыхание». Первая книга стихов И. В. Варламова «Разговор с летучей рыбой» издана в Магнитогорске в 1998 г., а годом ранее, в 1997, поэта приняли в Союз российских писателей. И. В. Варламова назначили секретарем Челябинской региональной организации Союза российских писателей, а в 2000 г. он стал ее председателем. Варламов продолжил обучение на Высших литературных курсах в Литературном институте им. М. Горького (1999–2001), а в начале 2000-х гг. опубликовал в родном Магнитогорске сборник своих стихов «Муравьиное зрение» (2003) [14, с. 90].

Консолидация всех литературных сил города в начале 2000-х гг. совпала с периодом открытия новых талантов. С 1996 г. по 2002 г. участники ЛитО печатались в магнитогорском литературном журнале «Берег А», участвовали во Всероссийском конкурсе им. Константина Нефедьева (в состав жюри в 2001–2003 гг. входили И. Варламов, А. Павлов). Ученики А. Павлова публиковались в журнале «Вестник русской литературы», издававшемся при поддержке главного редактора – известного русского писателя Н. П. Воронова. Издавались книжные серии «Литература Магнитки. Избранное» (с 2005 г.). «Литература Магнитки. Контекст» (с 2007 г.).

Выходу магнитогорской поэзии на всероссийский уровень также способствовала разносторонняя деятельность руководителей других популярных молодежных литературных групп Магнитогорска, руководителями которых были Ю. Ильясов, О. Хандусь и С. Рыков.

Юрий Федорович Ильясов (Рашит Фаттахович Ильясов (1950–2012); псевдоним журналиста – Илья Юрьев) – российский поэт, член Союза российских писателей, лауреат Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. Учителем Ю. Ф. Ильясова был Ю. Костарев. Свой путь журналиста Юрий Федорович начал в середине семидесятых годов в стенах МГМИ (1974–1975), где был корреспондентом газеты «За кадры» (ныне – «Денница»); затем с 1975 по 1978 гг. являлся ответственным секретарем газеты «Педагог» в Магнитогорском государственном педагогическом институте. Деятельность журналиста Ильясов совмещал с художественным творчеством. На пятом этаже, где базировался филологический факультет МГПИ (декан д-р пед. наук Пономарева Л.Д.), в 536-й аудитории можно было послушать новые стихи студийцев Ю. Ф. Ильясова, порой там разгорались горячие споры, а заседания поэтов затягивались дотемна.

К середине 1990-х гг. вокруг Ю. Ф. Ильясова образовался круг талантливой студенческой молодежи. Творческое объединение работало в формате *молодежной студенческой литературной студии МГПИ* (с 1999 – Магнитогорский государственный университет (МаГУ)). Являясь руководителем-наставником, Юрий Федорович воспитал двух поэтов – *Ренарта Фасхутдинова* и *Наталью Карпичеву*. Н. Карпичева подчеркивала в своем наставнике особое чувство ответственности за поэтический дар и главенство темы учителя и ученика в его творчестве.

Другие выпускники студии реализовали себя в различных областях, связанных с литературой, – в филологии, журналистике, общественной деятельности. Ю. Ф. Ильясов опубликовал три сборника: «Устремление сердца» (Магнитогорск, 1995), «Идущий следом: избранные стихотворения» (Магнитогорск, 2002) и «Круг любви» (Магнитогорск, 2010). Значительный, яркий и столь результативный опыт руководства молодежной студией был отмечен сообществом, и уже в начале 2000-х Ю. Ф. Ильясова назначили руководителем городского ЛитО им. Б. Ручьева (при газете «Магнитогорский рабочий», 2007). В этот период руководитель ЛитО Ю. Ф. Ильясов участвовал в подготовке книжной серии «Литература Магнитки. Контекст».

Магнитогорские молодежные ЛитО разных лет откликались на «вызовы» своего времени и события исторической эпохи. Так было и в середине 1960-х гг., когда молодые поэты *Нэмир Голланд* и *Юрий Костарев* организовали новое ЛитО «Красное солнышко», так было в 1978 г., когда по инициативе профессора, в то время заведующего кафедрой советской литературы МГПИ Л. А. Заманского были проведены I Ручьевские чтения, ознаменовавшие начало исследовательского, литературно-критического этапа литературной истории Магнитки. В эпоху «перестройки», в 1987 году, судьбоносным стало рождение неформальной молодежной группы «Дыхание» при Магнитогорском историко-краеведческом музее. Новые поэты фактически возглавили магнитогорское литературное движение в 1990-2000-е гг.⁴

Примером типичного пути в литературу из студенческой среды МГМИ во второй половине 1980-х гг. является биография *Олега Геннадьевича Щурова*. О. Г. Щуров – поэт, член Союза российских писателей, публикующийся в журнале «Урал». В 1983-1988 гг. будущий поэт учился в МГМИ, где впервые было напечатано его первое стихотворение «Дорогой ветра» (газ. «За кадры», 1984). С 1987 по 1988 гг. О. Щуров участвовал в группе «Дыхание». В дальнейшем печатался в магнитогорских газетах, журнале «Берег А», стал лауреатом I Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева (номинация «Поэзия»), его сборник «Стихотворения» вышел в издательстве «Алкион» в серии «Литература Магнитки. Избранное» (2005) [14, с. 122].

О встрече с поэтами-нонконформистами вспоминает Игорь Варламов, в восьмидесятые он тоже был студентом МГМИ. Именно Щуров привел Варламова на заседание группы. Собирались на квартирах: «Дыхание» – это группа самиздата. Известно о существовании манифеста «Дыхания» и ежемесячно выходившего машинописного альманаха. Обложка альманаха была выполнена художником Григорием Голландом⁵. К участникам, по словам Игоря Варламова, предъявлялись высокие требования в области поэтического мастерства: новичок должен был в рамках темы-импровизации создать цикл стихотворений. Решение о принятии в группу нового участника принималось коллективно (на заседании)⁶.

⁴ Лещинская Г. Группа «Дыхание» и другие объединения последних трёх десятилетий [Электронный ресурс] // ЛитМагнит - Литераторы Магнитогорска в Интернете. ВКонтакте 12 мар 2014. URL: https://vk.com/topic-3763207_29625607?offset=20 (дата обращения: 13.03.2019)

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Членами Союза российских писателей в 1997 г. стали и авторы «Дыхания»: *Александр Ерофеев, Николай Яшин, Владимир Некрасов, Игорь Варламов, Вячеслав Пиеничников*⁷. Вклад данного поколения поэтов, заявивших о себе на рубеже XX-XXI вв., по мнению исследователей, трудно переоценить! Именно профессиональные поэты вошли в городские отделения СП РФ и СРП, что определило содержание культурной жизни: «вели литературные страницы в городских периодических изданиях, руководили городскими литобъединениями, были организаторами трех конкурсов им. К. М. Нефедьева, принимали участие в проведении Всемирного Форума поэзии в Магнитогорске в 2002 г., издавали литературно-художественный журнал «БрегА»⁸.

Магнитогорская литература на рубеже 1980-1990-х гг. обогатилась новыми темами. В российскую литературу пришло поколение военных прозаиков: О. Ермаков, О. Блоцкий, А. Бабченко, З. Прилепин и др. Среди перечисленных писателей одно из первых мест по праву принадлежит магнитогорскому и российскому писателю *Олегу Хандусю (1960–2006)*. Читатели познакомились с книгой О. А. Хандуся «Полковник всегда найдется» в начале 1990-х гг. (повесть и рассказы изданы в Москве, 1992). Исследователь В. Б. Волкова пишет о новаторстве прозаика, прошедшего Афганистан, о его «концепции войны, отличающейся от официальной»: О. Хандусь осуществил «выход в культурно-религиозное поле христианства и буддизма», он «обладал обширными познаниями в области религии вообще и буддизма в частности» [4, с. 515]. Его рассказы «Он был мой лучший друг», «Это был ангел» – наиболее значительные произведения российской прозы на тему локальных войн. Олег Хандусь руководил магнитогорским ЛитО, вел семинары для молодежной аудитории в Магнитогорском лицее и внес неоценимый вклад в развитие магнитогорского молодежного литературного движения.

Кроме Ю. Ф. Ильясова и О. А. Хандуся в начале 2000-х гг. с молодыми авторами работал *Сергей Валентинович Рыков*. Он руководил молодежной секцией ЛитО «Магнит» в с 2004 по 2007 гг. Поэтический талант Сергея Рыкова сформировался в период обучения в Магнитогорском строительном колледже (1992–1994), позже он посещал литературные семинары А. Павлова и О. Хандуся в Магнитогорском лицее. После публикации сборников «Моя хрустальная дорога» (2005), «Подари мне облако» (2006) С. Рыков был принят в Союз писателей России (2007), а в 2008 г. им был подготовлен коллективный сборник «Небо пятое», представлявший собой результат деятельности молодежной секции ЛитО «Магнит» [14, с. 128].

Выпускниками ЛитО, руководимых А. Павловым, Р. Дышаленковой, Ю. Ильясовым, О. Хандуся стали *Владимир Навдуш, Александр Салов, Александр Степанов, Игорь Варламов, Лидия Павленко, Сергей Рыков, Наталья Карпичева, Елена Холодова, Наталья Фокина* и др. Еще Н. Г. Кондратковской был «открыт» и впоследствии отмечен в истории «Магнита» талант *Владимира Чурилина (1955–2003)* – поэта «глубоко лирического павло-васильевского склада» [2, с. 11-12].

*Неужто в современных городах
Мы так привыкли к прочности и силе,
Что не приходит к нам безострах,
Великий страх за матушку Россию?
За хрупкие бескрайние леса?..
Бескрайние!
А если приглядеться –
Тяжелый след ноги и колеса
Ножом вошел в березовое сердце.
Апрель пришел, иначе снегогон,
Еще иначе – квитень,
Или цветень
<...>
Уже трава пружинит под ногой,
В тугих вершинах путается ветер,
Поет река, как тихая свирель,
Несет коряги, лодки и приколы
<...>*

⁷ Там же.

⁸ Там же.

И все-таки

В страну пришел апрель,

И он куда светлей березозола [2, с. 11-12].

Замечательный поэтический талант В. Чурилина, высокий уровень его художественного мышления позволяет поставить этого магнитогорца в один ряд с такими известными русскими советскими поэтами, как Н. Рубцов, В. Соколов, А. Передреев, «фронтовыми» поэтами – С. Орлов, С. Гудзенко.

«Литературная школа», история молодежных ЛитО вписана в большую историю отечественной литературы – от советского и постсоветского периодов до современного. Имеется в виду мощная историко-литературная традиция, восходящая к советской производственной прозе и поэзии конца 1920 – начала 1930-х гг., к «романам воспитания нового человека», романам-хроникам (Л. Леонов, В. Катаев, А. Малышкин и др.), к советской поэзии, составившей поэтическую летопись периода индустриализации. То, что было актуально в отечественной литературе в середине 1920-х, на рубеже 1920–1930-х годов уже воспринималось как устаревшее: «грандиозные события эпохи становились уже вчерашним днем...» [1, с. 74], недавние революционные события меркли перед грядущей эпохой великих трудовых свершений (первых пятилеток), которыми будут отмечены 1930-е гг.

Произведения о Магнитогорске – часть новой советской литературы. В. Катаев, создавший образ Магнитки в произведении «Время, вперед!» (1931-1932), использовал жанр романа-хроники, то есть последовал по пути предшественников. «Пришлось осваивать исторический событийный «пласт» при отсутствии необходимой временной дистанции» [1, с. 74]. Консолидация поэтов на Магнитострое в литературной группе «Буксир» (лето 1930 г.), несмотря на идеологическую подоплеку деятельности комсомольцев, не была ознаменована привычным для литературных групп манифестом. При этом отчетливо звучал девиз творческой молодежи: «Только при крепкой производственной связи со старыми пролетарскими поэтами мы будем бороться за Магнитострой литературы», – эти слова были произнесены юношей Б. Ручьевым в 1932 г. на Втором производственном Совещании поэтов в Москве [7, с.15]. Последователи Б. Ручьева смогли пронести через десятилетия то, что привлекло в литературу многих. Н. Кондратовская была свидетелем особой теплоты во взаимоотношениях первых магнитогорских поэтов, когда они собирались в дощатом «писательском» бараке, прозванном «чудищем»: «В «чудище» был чудесный, теплый климат: в пустых комнатах с топчанами и железными койками звучали стихи, обитатели делились последней картошкой <...> все смеялись, все спорили, шли за разрешением личных проблем к мудрому Василию Макарову [Макаров Василий Александрович (1905-1942), поэт. С 1930 г. – основатель Магнитогорской литературной бригады им. Горького], а в поэзии непререкаемым авторитетом был Ручьев» [14, с. 14-15].

В настоящее время традицию Магнитогорского ЛитО продолжает преемник А. Павлова – *Виктор Николаевич Калугин*, российский поэт (сб. «Рубашка жизни», 2012).

На рубеже XX–XXI вв. исследовательский этап в изучении магнитогорской литературы, начатый проф. Л.А. Заманским, не только был продолжен доктором филол. наук В. В. Заманской, но и перешел в новое качество: была проведена огромная работа по сбору и анализу материала, связанного с городским литературным движением.

Позже под руководством доктора филол. наук, профессора М. М. Полехиной, в рамках регионального направления Лаборатории литературоведческих исследований (сотрудники С.М. Крутий, Е.Ю. Котукова), при участии и поддержке коллектива преподавателей кафедры русской литературы XX в., а также благодаря энтузиазму талантливых литературных критиков – канд. филол. наук Н. Л. Карпичевой, доц. Т. А. Таяновой было создано благодатное научное, художественное пространство для творчества одаренной молодежи [14; 15].

Работа осуществлялась в содружестве с программистами-разработчиками. Так, литературоведами был поддержан опыт *Дениса Юрьевича Коновальчика* в 2006 г. («Литераторы Магнитогорска в Интернете»). Выпускник МГТУ, программист по образованию Д. Коновальчик разработал новые формы для исследования литературы нашего города. Им реализован некоммерческий библиотечно-энциклопедический проект «Литераторы Магнитогорска в Интернете» («Литмагнит») [14, с. 159]. Интерес к истории литературной Магнитки не случаен: Д. Коновальчик слушал семинары А. Павлова и О. Хандуся. С 2008 г. Д. Ю. Коновальчик стал членом Союза журналистов России (сб. «Песни от фонаря», 2007).

В начале 2010-х гг. на кафедре современной русской литературы, руководимой доктором филол. наук, проф. С. Л. Слободнюком, силами автора данной статьи, а также доцента М. Б. Баландиной совместно с сотрудниками ЛЛИ С. М. Крутий, Е. Ю. Котуковой, Т. И. Васильевой, Г. Б. Петровой,

при информационной поддержке Музея-квартиры Б. Ручьева (рук. Н. Г. Троицкая) и помощи поэта А. Б. Павлова был подготовлен и издан сборник «IX Ручьевские чтения. Динамика литературного процесса в контексте регионального пространства»[16]. Эти материалы отразили следующий этап в изучении магнитогорских ЛитО.

Одной из форм литературной жизни студенчества в Магнитогорске в настоящее время является клуб «Terraliteratura» (tl.magtu.ru). Электронная площадка этого литературного объединения создана в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова в мае 2016 г. Идея клуба и сайта принадлежит группе единомышленников, преподавателей-филологов и студентов Института гуманитарного образования (направления «Филология», «Педагогическое образование. Русский язык и литература»). Целью было: во-первых, объединить творческую молодежь – людей, для которых литература является важной частью жизни; во-вторых, организовать в промышленном городе еще одно молодежное объединение как островок живого литературного творчества. Похожие литературные студенческие клубы существуют в вузах Уральского региона (альманах «Общая тетрадь» в Екатеринбурге).

«Каждый может творить!» Это девиз обращен к студентам и аспирантам МГТУ им. Г.И. Носова и всей магнитогорской молодежи, тем, кто хочет участвовать в деятельности клуба и сайта Terraliteratura⁹. Авторы-участники литературного клуба получают возможность открывать новые страницы, публиковать собственные новостные, литературные или литературоведческие произведения. Уникальность сайта определяет его контент, литературные материалы с высокой степенью оригинальности 90-99%. Студенческая инициатива принесла не только возможность многим быстро публиковать свои новые произведения, но и получить профессиональную литературно-критическую оценку. Возникла виртуальная и реальная культурная молодежная среда: основные рубрики - «Новости», «Творческая мастерская», «Диалоги», «Критика», «Забытые и новые имена», «Литературная учеба». Студенты Института гуманитарного образования знают сайт «Terraliteratura» как территорию свободного творчества, как пространство взаимопонимания друзей-единомышленников.

Таким образом, молодежные литературные объединения как формы литературной жизни были и остаются яркими явлениями в истории и современной культуре Магнитогорска. Они уже внесли значительный вклад в развитие поэзии Урала, российской литературы в целом, но главное, ЛитО способны в будущем открыть новые имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедрикова М. Л. Роман К. Федина «Города и годы» в свете проблематики русской прозы 1920-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 2. С. 72–78.
2. В кругу откровений: коллективный сборник ЛитО «Магнит». Книга I. / сост. А. Павлов; ред. С. Рухмалев. Магнитогорск : АЛКИОН, 2004. 140 с.
3. В кругу откровений: коллективный сборник ЛитО «Магнит». Книга II. / сост. А. Павлов; ред. С. Рухмалев. Магнитогорск: АЛКИОН, 2004. 136 с.
4. Волкова В.Б. Концептосфера современной военной прозы: дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2014. 591 с.
5. Дышаленкова Р. А. Ангел времени: Проза – стихи. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2006. 256 с.
6. Дышаленкова Р. Четыре окна. Стихи. Предисл. В. Сидорова. М.: Современник, 1978. 62 с.
7. Заманский Л. А. Он вошел в нашу жизнь как учитель: слово о Борисе Ручьеве / Поэзия Магнитогорска: опыт исследования региональной литературы : сб. науч. статей / ред. и сост. М. М. Полехина, Т. А. Таянова. Магнитогорск: МаГУ, 2008. Вып. I. С. 14–19.
8. Катаев В. П. Время, вперед! Роман-хроника. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. 301 с.
9. Кондратковская Н. У горячего истока: вступительная статья // Круг зари: стихи, очерки, рассказы. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1977. С. 5–10.
10. Кондратковская Н. Сердце-озеро: сказы, легенды, поэмы, сказки, стихи. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1984. 152 с.
11. Круг зари: стихи, очерки, рассказы / сост. Н. Г. Кондратковская. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1977. 120 с.
12. Машковцев В. Оранжевая магия: Стихи, поэма. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1984. 208 с.

⁹ Литературный проект TERRA LITERATURA. Стихи, проза, оригинальные тексты студентов Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова [сайт]. URL: <http://tl.magtu.ru>.

13. Павлов А. Город и поэт: Стихи. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1996. 560 с.
14. Поэзия Магнитогорска: опыт исследования региональной литературы: сб. науч. статей / ред. и сост. М. М. Полехина, Т. А. Таянова. Магнитогорск: МаГУ, 2008. Вып. I. 215 с.
15. Поэтическая жизнь Магнитогорска: опыт литературоведческого краеведения: сб. науч. ст. /ред. и сост. М. М. Полехина, Т. А. Таянова. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 390 с.
16. IX Ручьевские чтения. Динамика литературного процесса в контексте регионального пространства : сб. материалов междунар. науч.-практ. Конференции / ред. С. Л. Слободнюк, ред.-сост. М. Л. Бедрикова, Н. Л. Карпичева, Е. Ю. Котукова, С. М. Крутий. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2011. 326 с.
17. Ручьев Б. А. Стихотворения и поэмы. М. : Сов. Россия, 1976. 224 с.
18. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Малая литературная энциклопедия. М. : Время, 2012. 992 с.

M. L. Bedrikova (Magnitogorsk, Russia)

ABOUT YOUTH LITERARY GROUPS OF MAGNITOGORSK 1930-2010: «A LITTLE ABOUT CITY AND FAMILY»

Abstract. The subject of the research is youth literary associations as a form of literary life in the present and past of the legendary Magnitka, from the 1930s to the 2010s. The leaders of youth clubs in different years were B. Ruch'ev, N. Kondratkovskaya, Yu. Kostarev, R. Dyshalenkova, A. Pavlov, Yu. Ilyasov, O. Handus, S. Rykov. The Magnitogorsk specificity of "litO" is most accurately and deeply analyzed in 2011 by A. Pavlov, who led the "Magnit" literary association under the Magnitogorsk Metal newspaper from the second half of the 1970s to the 2000s. Unlike school, literacy does not imply the strict obligation to attend classes. Pupils and teachers, citizens, are "in the same class", united not only by a common interest in literature, but also by a sense of patriotism, a desire to find like-minded people in an industrial city like Magnitogorsk. For A. Pavlov, "Magnet" is "a club of interests too." The result of the work of the Literary Magnet was the publication of the poetic collection In the Circle of Revelations (2004) - an anthology of the work of non-professional writers of Magnitogorsk. The tradition of youth associations (from the 1930s to the 2010s) is continued by modern literature: "Magnit", (head V. Kalugin), literary youth clubs of Magnitogorsk (TERRA LITERARY Club - an electronic platform for students of Moscow State Technical University named after G.I. Nosova). (The author of the article is grateful to the editors of «Dennitsa» for the supporting with the local history material and to Tatyana Pavlova for the interview devoted to her husband's (A. Pavlov) creativity; to the students of the Institute of the Humanities (M. Maslennikova, I. Vilkhovskiy, O. Morozova.).

Keywords: B. Ruchev, N. Kondratkovskaya, R. Dyshalenkova, A. Pavlov, literary association, Magnitogorsk, literary club of MGTU named after G.I. Nosov.

REFERENCES

1. Bedrikova M. L. Roman K. Fedina «Goroda i gody» v svete problematiki russkoi prozy 1920-kh gg., *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research]. 2017. vol. 1. no. 2. pp. 72–78.
2. V krugu otkrovenii: kollektivnyi sbornik LitO «Magnit». Kniga I. / sost. A. Pavlov; red. S. Rukhmalev. Magnitogorsk, ALKION, 2004, 140 p.
3. V krugu otkrovenii: kollektivnyi sbornik LitO «Magnit». Kniga II. / sost. A. Pavlov; red. S. Rukhmalev. Magnitogorsk, ALKION, 2004, 136 p.
4. Volkova V. B. Kontseptosfera sovremennoi voennoi prozy: dis. ... d-ra filol. nauk, Magnitogorsk, 2014, 591 p.
5. Dyshalenkova R. A. Angel vremeni : Proza – stikhi. Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pečati, 2006, 256 p.
6. Dyshalenkova R. Chetyre okna. Stikhi. Predisl. V. Sidorova, Moscow, Sovremennik, 1978, 62 p.
7. Zamanskii L. A. On voshel v nashu zhizn' kak uchitel': slovo o Borise Ruch'evе / Poeziya Magnitogorska : opyt issledovaniya regional'noi literatury : sb. nauch. statei / red. i sost. M. M. Polekhina, T. A. Tayanova. Magnitogorsk, MaGU, 2008, vol. I, pp. 14–19.
8. Kataev V. P. Vremya, vpered! Roman- khronika, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1979, 301 p.
9. Kondratkovskaya N. U goryachego istoka: vstupil' naya stat'ya, Krug zari: stikhi, ocherki, rasskazy, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1977, pp. 5–10.
10. Kondratkovskaya N. Serdtse-ozero: skazy, legendy, poemy, skazki, stikhi, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1984, 152 p.
11. Krug zari: stikhi, ocherki, rasskazy / sost. N. G. Kondratkovskaya, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1977, 120 p.
12. Mashkovtsev V. Oranzhevaya magiya: Stikhi, poema, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1984, 208 p.
13. Pavlov A. Gorod i poet: Stikhi, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1996. 560 p.
14. Poeziya Magnitogorska : opyt issledovaniya regional'noi literatury: sb. nauch. statei / red. i sost. M. M. Polekhina, T. A. Tayanova, Magnitogorsk, MaGU, 2008, vol. I, 215 p.

15. Poeticheskaya zhizn' Magnitogorska : opyt literaturovedcheskogo kraevedeniya: sb. nauch. st. /red. i sost. M. M. Polekhina, T. A. Tayanova, Magnitogorsk, MaGU, 2009, 390 p.
16. IX Ruch'evskie chteniya. Dinamika literaturnogo protsessa v kontekste regional'nogo prostranstva : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. Konferentsii /red. S. L. Slobodnyuk, red.-sost. M. L. Bedrikova, N. L. Karpicheva, E. Yu. Kotukova, S. M. Krutii, Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pechati, 2011, 326 p.
17. Ruch'ev B. A. Stikhotvoreniya i poemy. Moscow, Sov. Rossiya, 1976. 224 p.
18. Chuprinin S. I. Russkaya literatura segodnya: Malaya literaturnaya entsiklopediya, Moscow, Vremya, 2012, 992 p.

Бедрикова М. Л. О молодежных литобъединениях Магнитогорска 1930–2010-х гг.: «Город и семья в миниатюре» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 46-57.

Bedrikova M. L. About Youth Literary Groups of Magnitogorsk 1930-2010: "A Little about City and Family ", *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 46-57.

Сведения об авторе

Бедрикова Майя Леонидовна - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск; mlbedrikova@gmail.com

Author:

Maya L. Bedrikova, Docent, Candidate of Philological Sciences, Docent of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mlbedrikova@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В
«ЖИТИИ СВЯТОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ»**

Аннотация. Исследование человека является одним из наиболее актуальных направлений современной гуманитарной науки. В центре внимания ученых находится человек во всех проявлениях, в том числе и его эмоциональное состояние. Эмоции как способ взаимодействия людей с миром привлекают внимание психологов и физиологов; вызывают они интерес и у лингвистов. Особенности вербализации эмоций исследуются на различном материале. В данной статье в качестве материала выступает созданное в конце XX века «Житие святой Ксении Петербургской». Выбор жития продиктован интересом, который в конце XX – начале XXI в. вызывает в российском обществе православная церковь, ее возможность выступить в роли нравственного ориентира. Жития святых – это наименее нормированный жанр церковной литературы, авторы которого могут использовать близкий к разговорной речи язык, что делает его понятным и близким читателю. Описание эмоций, свойственных всем без исключения людям, в том числе и святым, может помочь читателю увидеть героев житий как обычных людей, которые живут рядом с ним; и позволяет создать образ не идеального, не «схематического», но живого человека, жизненный путь которого может служить образцом для подражания. Анализируется пласт эмотивной, оценочной лексики, который используется автором для создания необходимого эффекта в тексте «Жития святой Ксении Петербургской». В числе основных методов использовались: методы контекстуального и семантического анализа. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что для передачи эмоционального состояния героини агиографического произведения используются те же приемы, что и для обозначения эмоций обычных людей. Это помогает читателю воспринять святую Ксению Петербургскую как земного человека, ставшего святым благодаря своей искренней вере.

Ключевые слова: эмотивная лексика, оценочные слова, эмоция, эмоциональное состояние, житие, агиография

Житие – это жанр церковной литературы, рассказывающий о жизни и духовных подвигах канонизированных святых. Безусловно, жития являются описанием жизни людей, выдающихся с точки зрения церкви, однако все их поступки, мысли и чувства должны были быть если и не близки, то понятны читателю / слушателю агиографических текстов [5; 6]. Именно поэтому в житиях можно встретить не только описание религиозного подвига святого, но и характеристику его отношений с окружающими, краткие зарисовки его повседневной жизни или описания его (или его близких) эмоционального состояния. Наличие подобных фрагментов в агиографической литературе позволяет читателю увидеть святого как живого человека, а не рассматривать его как недостижимый идеал; позволяет таким образом ориентироваться (пусть и не всегда последовательно) на те нравственные ценности, которые даны в религиозном тексте.

О том, что жизнь святых может и должна являться образцом абсолютно для всех верующих, говорит и автор рассматриваемого нами «Жития святой Ксении Петербургской». Ксения Петербургская – юродивая, канонизированная в конце XX в. Ее житие создавалось современным автором для современного читателя. Этот текст доступен в нескольких редакциях (краткой и более развернутой) на православных сайтах в сети Интернет (мы используем вариант, размещенный в библиотеке сайта «Православие и мир»). Вполне вероятно, агиограф мог намеренно выбрать такой способ изображения героини, чтобы ее поступки и их мотивы были понятны современному читателю – в том числе благодаря подробному описанию эмоций.

Как показывает работа с древнерусскими текстами [11], изображение движений человеческой души свойственно уже самым ранним агиографическим произведениям. Стремление изобразить святую, с одной стороны, как необычного человека, а с другой – как образец для подражания в земной жизни, видно в характеристике моральных качеств героини. Сначала автор показывает блаженную Ксению Петербургскую как обычную немощную женщину и сразу же противопоставляет этой физической слабости необыкновенную силу ее духа, которой, по мнению повествователя, могут быть наделены только очень немногие люди: «Мы можем лишь удивляться тому, как могла она, старенькая и слабая, выдерживать наши проливные, пронизывающие до костей, осенние дожди, наши страшные, трескучие морозы, когда на лету мерзнут птицы, и легко застывают хорошо одетые, молодые, здоровые люди! *Нужно было обладать или организмом сверхчеловеческим, или носить в себе такой сильный, внутренний, духовный жар, такую глубокую, несомненную веру, при которой и не*

*возможное становится возможным»*¹. Однако, описав героиню как человека выдающихся моральных качеств, автор делает оговорку и вспоминает других святых, которые творили на первый взгляд недоступные человеческому пониманию чудеса. В сравнении с ними поступки Ксении являются, как это ни парадоксально, вполне возможными для обычного человека: «*Но, припоминая великих угодников Божиих, которые силою своей веры творили дивные, непосильные и непонятые для человеческого ума чудеса, не будем и подвиги Блаженной считать небывальными, невозможными для человека во плоти*»². Таким образом, автор хочет рассказать читателю о необыкновенном, но при этом во многом похожем на него человеке. На наш взгляд, в агиографических текстах автору вполне естественно уделять внимание описанию эмоционального состояния героев: изображение чувств способно вызывать больший отклик у читателя, чем простое изложение фактов жизни или прямое назидание.

Методом сплошной выборки из «Жития святой Ксении Петербургской» нами были выделены слова и сочетания слов, характеризующие эмоциональное состояние героев произведения. Материал может быть разделен на две группы по отношению героини жития: 1) языковые единицы, называющие эмоции, которые испытывала сама святая, и 2) вербализаторы эмоций, которые испытывали другие герои произведения или автор / читатели жития. В настоящей статье рассматриваются только единицы первой группы.

В последние десятилетия в современной лингвистике описание эмоций в целом представлены в работах В. И. Шаховского [14], Н. Д. Арутюновой [2], А. Вежицкой [16], А. Д. Шмелева [14]. Лингвистический анализ способов передачи отдельных эмоций человека можно встретить в работах Б. Ч. Бижоева и М. Х. Токмаковой [3], О. В. Ереминой [8], Л. А. Калимуллиной [10], А. А. Осиповой и Н. В. Поздняковой [12], О. В. Франчук [13] и др.

В основу анализа изображения эмоций в житии Ксении Петербургской положена концепция Ю. Д. Апресяна, представленная в его статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» [1]. Согласно данной концепции, эмоции являются одной из восьми систем, из которых складывается человек [1, с. 42]. По словам Ю. Д. Апресяна, разные эмоции не только требуют разных наименований в языке, но и могут существенно различаться своими внешними проявлениями. Одни эмоции в гораздо большей степени требуют выхода в речи, другие – в поведении, действиях, третьи – в жесте или мимике [1, с. 42].

При анализе лексики и фразеологии, обозначающей эмоциональные состояния, Ю. Д. Апресян предлагает обращать внимание на следующие моменты: 1) с помощью каких слов обозначается эмоция; 2) какие ситуации могут вызывать названную эмоцию; 3) как оценивается данное эмоциональное состояние; 4) с помощью каких языковых средств выражается степень интенсивности эмоции [1, с. 46–54]. Последний пункт, по словам академика Апресяна, очень важен, так как именно по этому признаку эмоции проявляют себя разнообразно и интересно [1, с. 54].

Самым интересным и самым необычным для рассматриваемого жанра, на наш взгляд, является в анализируемом житии характеристика такого чувства, как **любовь женщины к мужчине**. Ксения Петербургская приняла подвиг юродства после внезапной смерти мужа. Это потрясение заставило святую изменить свою жизнь.

Вопрос о том, может ли чувство любви быть отнесено к числу эмоций человека, не имеет однозначного ответа. Мы придерживаемся позиции, согласно которой любовь относится к числу так называемых высших эмоций, противопоставленных низшим, или базальным (радость, горе / печаль, страх, гнев, удивление, отвращение), т. е. врожденным. Высшие же эмоции возникают только у человека в связи с удовлетворением социальных и идеальных потребностей (интеллектуальных, эстетических и др.). Это более сложные социально детерминированные эмоциональные процессы, состояния и эмоционально-личностные качества, которые развиваются на основе базальных эмоций [9, с. 73]. Согласно этому же подходу, чувства являются устойчивыми эмоциональными отношениями человека к явлениям действительности, отражающими значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами [9, с. 671]. Таким образом, в данной статье понятия *чувства* и *эмоции* мы используем как синонимы.

Для описания любви героини к мужу используется причастие *любимый*, однокоренное с прямым наименованием эмоции – словом *любовь*: «*Причиной этой была совершенно неожиданная, внезапная смерть горячо любимого, цветущего здоровьем мужа Ксении Григорьевны – Андрея Феодо-*

1 Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785> (дата обращения: 06.06.2019)

² Там же.

*ровича Петрова»*³. Ситуация, которая вызвала данное эмоциональное состояние, в тексте не характеризуется, т. к. она не является важной для автора: житие святой, а не обычной женщины начинается после смерти любимого человека, однако интенсивность чувства охарактеризована: наречие *горячо* в данном контексте выступает в роли наречия меры и степени, причем оно используется при каждом упоминании покойного супруга святой: «*И, действительно, неожиданная смерть горячо любимого мужа...*»⁴). Реакция героини на смерть супруга описана подробно. Ксения потеряла способность радоваться и полностью изменила свою жизнь, как бывает при потере только очень дорогого человека: «*Этот неожиданный удар так сильно поразил Ксению Григорьевну, так повлиял на молодую 26-летнюю, бездетную вдову, что она сразу как бы забыла все земное, человеческое, все радости и утехи, и вследствие этого многим казалась как бы сумасшедшей, лишившейся рассудка...*»⁵. Наконец, автор жития говорит, что супруг был для молодой женщины смыслом ее существования: «*И, действительно, неожиданная смерть горячо любимого мужа, в котором сосредоточивалась вся цель и весь интерес ее жизни, ясно показала Ксении, сколь непрочна и сколь суетно земное участие*»⁶. Таким образом, любовь женщины к мужчине показана в житии как всеобъемлющее чувство высокой степени интенсивности, при этом ведущую роль в его характеристике играют не прямые наименования, а описания его проявления. Автор прежде характеризует не внешнее, а внутреннее проявление чувства, движения души героини.

Есть в житии и описание проявления **отчаяния** героини: потеряв любимого, Ксения Петербургская полностью отказывается от привычного образа жизни состоятельной женщины. Но автор трактует причину такого поведения не как отчаяние, а как страстное желание посвятить себя служению Христу: «*...имущество свое раздала бедным, дом подарила 2-же Антоновой, а сама осталась решительно ни с чем, дабы ничто уже не служило ей препятствием к достижению истинного счастья на небе, в Боге*»⁷.

Другим подробно охарактеризованным в житии чувством святой Ксении является **гнев**. В его описании представлены все выделенные Ю. Д. Апресяном аспекты изображения эмоции: прямое наименование эмоции, указание на причины ее возникновения, описание ее внешнего проявления и ее характеристика. Данная эмоция в тексте жития обозначена существительным *гнев*, имеющим при себе определение *страшный*: «*Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе*»⁸. Прилагательное *страшный* в данном контексте имеет значение ‘выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный’ [4] и является указанием на степень интенсивности данной эмоции. Одновременно, на наш взгляд, можно говорить об определенном синкретизме в семантике данного определения. Реакция окружающих на гнев Ксении Петербургской говорит о том, что они по-настоящему испугались, увидев ее в таком состоянии (хотя автор и говорит о том, что испугало их поведение не святой, а издевавшихся над ней детей: «*Жители Петербургской стороны, увидя Блаженную в страшном гневе, пришли в ужас от поступка беспризорных, злых детей*»⁹), а значит, в тексте реализуется и значение ‘вызывающий, внушающий чувство страха’ [4]. Можно предположить, что это прилагательное было выбрано автором неслучайно. Гнев, или страстная раздражительность, рассматривается в христианстве как один из основных человеческих пороков [7], и святой должен всеми силами избегать переживания таких эмоций. Автор жития не может не указать на нежелательность данной эмоции для героини и использует многозначное слово *страшный*, позволяющее одновременно дать оценку чувству и указать на интенсивность его проявления. Отрицательная оценка чувства гнева создается и с помощью указания на его редкость, несвойственность этой эмоции для святого человека: используется ограничительная частица *лишь* и наречие *однажды*: «*Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе*»¹⁰.

Характеризуя причины, которые вызвали данное эмоциональное состояние, словно пытаюсь оп-

³ Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785> (дата обращения: 06.06.2019).

⁴ Там же

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

равдать свою героиню, автор подчеркивает, что гнев явился следствием долгих издевательств, а не было постоянной чертой характера блаженной: «Уличные мальчишки, завидя юродивую, **по обычаю** стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная, **по обычаю**, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничились одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность Блаженной, они наряду с издевательствами стали бросать в нее грязью, камнями... Тогда, по-видимому, и у Блаженной не хватило терпения»¹¹. Автор дважды использует предположно-падежное сочетание *по обычаю*, подчеркивая терпение и кротость святой, убеждая читателя в том, что несчастная женщина долго смиренно переносила мучения и только в единственном случае не смогла не поддаться гневу.

Характеристика интенсивности проявления гнева осуществляется в житии несколькими способами. Во-первых, это уже названные нами определение *страшный* и наименование другой эмоции – *ужас*, который испытали прохожие, видя святую в гнев. Во-вторых, для характеристики интенсивности гнева Ксении Петербургской автор использует сравнение: «**Как вихрь** бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своею палкою, которую всегда она носила с собою»¹².

Интересно, что наиболее подробное описание в анализируемом житии получили две эмоции, которые традиционно не свойственны святым: любовь к супругу (одним из проявлений которой является отчаяние из-за его потери) и гнев. Это, на наш взгляд, подтверждает предположение о том, что описание эмоционального состояния героев житий помогает приблизить их к читателю, сделать их поступки понятными простому человеку. Жизнь святого, испытывавшего те же чувства, что обычные люди, но сумевшего подчинить их своей воле, будет более убедительным образцом спасения души, чем жизнь человека, безупречного от рождения.

Подробно описана и **любовь** Ксении Петербургской **к ближнему**, упоминаемая в житии дважды. В первом случае названо само чувство (при помощи глагола *любила*) и показаны его внешние проявления: «Эта Гайдукова принадлежала к числу тех лиц, которых **любила** и иногда посещала раба Божия Ксения»¹³. Данный глагол не имеет при себе наречий, которые бы указывали на степень интенсивности чувства, о ней мы можем судить по словам и поведению святой. Е. Д. Гайдукова пригласила Ксению Петербургскую в гости, но не предложила угощения, сославшись на то, что ничего не успела приготовить, однако святая заметила, что в печи стоит утка. Смутившись, хозяйка стала вынимать угощение, но «Ксения тотчас же остановила ее: “Нет, нет, что ты? Не надо, не надо, я не хочу утки. Ведь я знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы. Зачем же его сердить?”»¹⁴. *Кобыльей головой* святая называла мужа Гайдуковой, пьяницу и грубияна. Слова Ксении Петербургской являются проявлением ее любви к приятельнице: она позаботилась о том, чтобы женщина не подверглась наказанию со стороны мужа, пожертвовав при этом своим обедом. Эти же слова являются и косвенным описанием интенсивности испытываемой эмоции: от собственного комфорта обычно отказываются в пользу того, кого сильно любят. Таким образом, проявление любви к ближнему и характеристика силы этой эмоции в житии представлены вместе и при этом не называются прямо; выводы о силе этого чувства можно сделать на основе анализа слов и действий героини.

В другом случае любовь к ближнему охарактеризована менее подробно с точки зрения объема описания, однако полно с точки зрения отображения различных аспектов эмоции: «Ксения **очень любила** эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце»¹⁵. В этом предложении одновременно представлены наименование эмоции (*любила*), степень ее интенсивности (*очень*) и причины возникновения (*за кроткий, тихий нрав и доброе сердце*). Автор жития, таким образом, владеет всем арсеналом средств описания движений человеческой души и использует более развернутые или более лаконичные характеристики в зависимости от того, какие задачи он решает в конкретный момент (в частности, во втором случае его внимание сосредотачивается на том, как сложилась судьба молодой девушки благодаря помощи святой, а не на чувствах самой святой).

Детально автор жития пишет о том, была ли Ксения Петербургская **счастлива**. Для характеристики этого эмоционального состояния в тексте использованы его прямое наименование, указание на степень его интенсивности и внешние признаки его проявления. Для обозначения эмоции использовано имя прилагательное *счастлива*, при котором находится наречие *вполне* («совершенно, полно-

¹¹ Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [Сайт]. [2011–2019]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785> (дата обращения: 06.06.2019).

¹² Там же

¹³ Там же.

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же.

стью, в полной мере' [4]), указывающее на степень проявления чувства: «*Несмотря на это, она была вполне счастлива*»¹⁶. К числу средств характеристики внешних проявлений эмоции относятся описание поведения святой и выражения ее лица: «*Как птица небесная, летала она Петербургской стороне днем, желая всем и каждому оказать какую-нибудь услугу <...> Кротость, смирение, доброта постоянно сияли на изможденном трудами лице ее*»¹⁷. Глагол *летать* здесь использован в значении 'двигаться, передвигаться легко и быстро' [4], значение легкости, необремененности земными заботами усиливает сравнение *как птица небесная*. Глагол *сиять* в значении 'обнаруживать своим видом, выражением лица, улыбкой и т. п. чувство радости, счастья, удовольствия' [4] в сочетании с существительными *кротость, смирение, доброта* указывает на внешнее проявление счастья и одновременно – на источник этого счастья, которым является искренняя любовь к Богу и людям.

И только одно эмоциональное состояние Ксении Петербургской в рассматриваемом житии не названо, а показано через его внешние проявления, поведение героини. Это *горе* из-за предчувствуемой святой смерти императора Иоанна Антоновича и *сочувствие* ему. Для его характеристики автор использует словосочетания *горько плакать* и *сильнее плакать*, а также указание на продолжительность этого состояния (*три недели, ежедневно, целыми днями*): «*За три недели до этого печального события, Блаженная Ксения стала ежедневно и целыми днями горько плакать <...> Блаженная <...> еще сильнее начинала плакать. Лишь три недели спустя, когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что <...> Блаженная предсказывала страдальческую кончину некогда Императора Иоанна VI Антоновича*»¹⁸. Описание внешнего проявления эмоции одновременно является и указанием на его интенсивность: продолжительность и сила плача не только являются знаком горя, но и свидетельствуют о силе эмоции.

Изображение эмоций святой в «Житии святой Ксении Петербургской» отличается полнотой и разнообразием характеристик. Это непосредственные наименования чувств, описание их внешних и внутренних проявлений, характеристика их интенсивности и причин их возникновения. Развернутость или лаконичность описания чувств в произведении зависят от задач автора: сосредотачивая внимание на эмоциях героини, он описывает их детально, при этом основное внимание уделяет поступкам. Интересно, что подробное описание в житии получают чувства, более свойственные не святым, а «земным» людям – супружеская любовь и гнев. Наличие их подробной характеристики в тексте произведения позволяет сблизить читателя и героиню, показать ее как обычного человека, ставшего святым благодаря искренней вере в Бога и потому способного служить примером для подражания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры, 1998. 896 с.
3. Бижоев Б. Ч., Токмакова М. Х. Гендерная специфика выражения эмоций адыгскими женщинами (на материале кабардино-черкесского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 2. С. 126–131.
4. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года Gramota.ru : [сайт]. [2000–2019]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 06.06.2019)
5. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
6. Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М. : Мартис, 1997. 325 с.
7. Гнев : православная энциклопедия [Электронный ресурс] : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия»: [сайт]. [1998–2014]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165179.html> (дата обращения: 06.06.2019)
8. Еремина О. В. К вопросу об эмоционально-экспрессивном потенциале оценочной семантики ряда речевых глаголов английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 3. С. 86-89.
9. Зинченко В. П., Мещеряков Г. П. Большой психологический словарь. М.: АСТ; АСТ-Москва; СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 811 с.
10. Калимуллина Л. А. Семантическая характеристика эмотивной лексики (на материале памятников древнерусской письменности) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 575–579.

¹⁶ Житие святой Ксении Петербургской [Электронный ресурс] // Pravmir.ru : Онлайн библиотека сайта «Православие и мир»: [сайт]. [2011–2019]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1785> (дата обращения: 06.06.2019).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

11. Мишина Л. Н., Осипова А. А., Франчук О. В. К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе // *Перспективы науки и образования*. 2018. № 6 (36). С. 164-172.
12. Осипова А. А., Позднякова Н. В. Особенности сюжета и языка жития Иакова Черноризца (Постника) (Об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2018. Т. 1. № 59. С. 223–228.
13. Франчук О. В. Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (песни, пляски) // *От языковой картины мира средневекового славянина к современной языковой картине мира / под ред. С. Г. Шулежковой: в 2-х ч. Ч. 1. Магнитогорск : МаГУ, 2007. С. 35-41.*
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2, испр. и доп. М.: URSS, 2008. 208 с.
15. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.
16. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

L. N. Mishina (Magnitogorsk, Russia)

SPECIFICS OF THE HUMAN EMOTIONAL CONDITION DESIGNATION IN "SAINT XENIA OF SAINT PETERSBURG'S LIFE"

Abstract. The research of the person in the last decades became one of the most relevant directions of the modern humanity. In the center of attention of scientists there is a person in all his manifestations including his emotional state. Emotions as a way of interaction of the person with the world draw attention of psychologists and physiologists; they attract not smaller interest also of the linguists seeking to show how in language this party of our life is reflected. Material selection of a research is dictated by interest which at the end of XX – the beginning of the 21st century is attracted in the Russian society by orthodox church, its opportunity to act as a moral guideline. The relevance of a research is defined by these two factors.

Lives of Saints are the least rated genre of ecclesiastical writing which authors can use language, close to informal conversation, that does it clear and close to the reader. The description of emotions as the states peculiar to one and all people, is capable to help the reader to see heroes of lives as ordinary people who live near it, and in such a way to create an image ideal, but live, but not the "schematic person" whose course of life can serve as a role model. The analysis of this layer of lexicon in the text of "Saint Xenia of Saint Petersburg's life" is carried out with use of methods of the contextual and semantic analysis. The research allowed to draw a conclusion that the emotional condition of the heroine of the hagiographical work has the same external manifestations and often the same reasons, as at potential readers of this work, and helps to apprehend her as the terrestrial, become to Saints thanks to sincere belief person.

Keywords: hagiography, life, emotion, emotional state, emotional lexicon, estimated words

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya, Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1995, no. 1, pp. 37-67.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. Moscow, Yaz. rus. kul'tury, 1998, 896 p.
3. Bizhoeff B. Ch., Tokmakova M. Kh. Gendernaya spetsifika vyrazheniya emotsii adygsкими zhenshchinami (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka), *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2018, vol. 2, pp. 126–131.
4. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] / Gl. red. S. A. Kuznetsov. Pervoe izdanie: Saint-Petersburg, Norint, 1998, Publikuetsya v avtorskoj redaktsii 2014 goda Gramota.ru : [sait]. [2000–2019]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.
5. Vendina T. I. *Srednevekovi chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka*, Moscow, Indrik, 2002, 336 p.
6. Vereshchagin E. M. *Istoriya vzniknoveniya drevnego obshchslavjanskogo literaturnogo yazyka. Perevodche-skaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov*, Moscow, Martis, 1997, 325 p.
7. Gnev : pravoslavnaya entsiklopediya [Elektronnyi resurs] : Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya Entsiklopediya»: [sait]. [1998–2014]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165179.html>
8. Eremina O. V. K voprosu ob emotsional'no-ekspressivnom potentsiale otsenochnoi semantiki ryada rechevykh glagolov angliiskogo yazyka, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, vol. 3, pp. 86-89.
9. Zinchenko V. P., Meshcheryakov G. P. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'*, Moscow, AST; AST-Moskva; Saint-Petersburg, Praim-Evroznak, 2008, 811 p.
10. Kalimullina L. A. Semanticheskaya kharakteristika emotivnoi leksiki (na materiale pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti), *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 1(I),

pp. 575–579.

11. Mishina L. N., Osipova A. A., Franchuk O. V. K voprosu o rabote s tekstami drevnerusskikh zhitii v srednei shkole, *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2018, no. 6 (36), pp. 164-172.

12. Osipova A. A., Pozdnyakova N. V. Osobennosti syuzheta i yazyka zhitiya Iakova Chernoriztsa (Postnika) (Ob odnom neobychnom otryvke iz Suprasl'skoi rukopisi), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2018, vol. 1, no. 59, pp. 223–228.

13. Franchuk O. V. Predstavlenie o vesel'e v yazykovoi kartine mira drevnikh slavyan (pesni, plyaski), Ot yazykovoi kartiny mira srednevekovogo slavyanina k sovremennoi yazykovoi kartine mira / pod red. S. G. Shulezhkovo: v 2-kh ch. vol. 1, Magnitogorsk, MaGU, 2007, pp. 35-41.

14. Shakhovskii V. I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. Izd. 2, ispr. i dop. Moscow, URSS, 2008, 208 p.

15. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost', Moscow, Yaz. slavyanskoi kul'tury, 2002, 496 p.

16. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

Мишина Л. Н. Особенности обозначения эмоционального состояния человека в «Житии святой Ксении Петербургской» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 58-64.

Mishina L. N. Specifics of the Human Emotional Condition Designation in "Saint Xenia of Saint Petersburg's Life", *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 58-64.

Сведения об авторе

Мишина Людмила Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; euleowl@gmail.com.

Author:

Lyudmila N. Mishina, Docent, Candidate of Phlological Sciences, Docent of Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); euleowl@gmail.com.

МАПРЯЛ ЖИВ И БУДЕТ ЖИТЬ! (XIV КОНГРЕСС ПРОШЕЛ В НУР-СУЛТАНЕ)

Аннотация. Автор анализирует результаты состоявшегося весной 2019 года очередного конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в котором приняли участие два делегата от МГТУ им. Г.И. Носова. Конгресс свидетельствует о возросшем интересе к русскому языку в ближнем и дальнем зарубежье, особенно в странах Азии, Африки и Южной Америки; о совершенствовании методик его преподавания. Доклады всемирно известных ученых, выступавших с оригинальными теоретическими и методическими концепциями, мастер-классы, панельная дискуссия, знакомство с системой образования в гостеприимном Казахстане вызвали живой интерес у делегатов форума, а сама столица Казахстана Нур-Султан поразила русистов красотой, устремленностью в будущее и бережным отношением к прошлому страны.

Ключевые слова: Акмолинск, Целиноград, Астана, Нур-Султан, XIV Конгресс, МАПРЯЛ, многоязычный мир, русский язык.

МАПРЯЛ – Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы – «первое и крупнейшее в мире объединение людей, представляющих разные культуры, страны и континенты, которые связали свою жизнь с преподаванием русского языка или с исследованием скрытых в нем феноменов» [3, с. 5]. В 2019 году ассоциации исполняется 52 года. Она возникла в 1967 г. по инициативе участников одной из конференций, проходившей в Париже [9], и сегодня в ее состав входят 226 организаций (кафедр, факультетов, научных центров, институтов, университетов) из 70 государств нашей планеты. Каждые 5 лет организуются международные конгрессы МАПРЯЛ. Как пишет Л. А. Вербицкая, бессменный президент МАПРЯЛ с 2003 г, сделавшая необыкновенно много для укрепления позиций русского языка в мире: «За право принимать конгресс, как и в олимпийском движении, состязаются крупные экономические, культурные, научные центры разных государств» [3, с. 5]. На Генеральной Ассамблее МАПРЯЛ в Гранаде в этом соревновании заслуженно победила столица Республики Казахстан, и право проведения очередного конгресса было предоставлено ей.

Утром 29 апреля 2019 г. наш поезд прибыл в столицу Казахстана. В информационных письмах организаторы XIV Конгресса МАПРЯЛ называли этот город *Астаной*. В соответствии с железнодорожными билетами именно Астана должна была стать для меня и для заведующей кафедрой русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Л. Н. Чурилиной конечным пунктом нашего путешествия. Нам повезло. Мы попали в состав российской делегации Конгресса (из 270 человек), хотя, как сообщила в своем итоговом докладе председатель Казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Э. Д. Сулейменова, отбор участников форума был достаточно жестким: все поступившие в оргкомитет тексты докладов были подвергнуты двойному рецензированию, а также проверке на оригинальность. Рецензенты (не знавшие авторов) ставили баллы за наши тексты, и на основе этих баллов решался вопрос о том, кто удостоится чести быть делегатом Конгресса.

Пока мы собирались в дорогу, у столицы Казахстана *Астаны* появилось новое название – *Нур-Султан*. Нас, как лингвистов, этот факт не мог не заинтересовать. Оказалось, что *Нур-Султан* – уже пятое имя города, который вырос на месте поселения *Акмола*, располагавшегося на берегу реки Есиль, недалеко от захоронений прославившихся предков племен Великой степи. В буквальном переводе на русский язык *Акмола* означает ‘белая могила’, образно – ‘белое святое место’ или ‘белое изобилие’ [2]. Как сообщается в Казахской энциклопедии, «*Акмола* – это сооружение из белого камня, над четырехугольными стенами которого воздвигнут купол, напоминающий верхнюю часть юрты или половинку шара. Сверкающий на солнце купол был виден издали, что и придавало особую красоту берегам реки Есиль» [4]. После присоединения в начале XIX в. к России северной казахской территории вместе с землями урочища, на котором находилась *Акмола*, указом императора Николая I в 1832 г. был учрежден Акмолинский округ. Через тридцать лет (во многом благодаря усилиям российского полковника Шубина, заложившего на территории Акмолинского округа крепость для охраны российской границы от кочевников) *Акмола* была внесена в реестр российских городов (см. об этом: [5]).

Под именем *Акмолинск* этот город благополучно просуществовал 100 лет. Ни Первая мировая война, ни Октябрьская революция, ни Великая Отечественная война не создавали таких условий, при которых власти или простые граждане захотели бы его переименовывать. В конце 30-х и в 40-е гг. прошлого века топоним *Акмолинск* для десятков тысяч советских людей стал символом горя и страданий. Заурядный провинциальный город превратился в центр одного из крупнейших регионов распределения раскулаченных крестьян из Белоруссии и Украины по отдаленным аулам и деревням Казахстана, в место ссылки подвергшихся депортации этносов Крыма и Кавказа (чеченцев, ингушей, немцев и пр.). Кроме того, он стал перевалочным пунктом для отправки тысяч жен, детей и других членов семей политзаключенных разных национальностей в места лишения свободы. А в 1938 г. в 37 километрах от Акмолинска был организован женский концентрационный лагерь, названный самими его узницами АЛЖИР(ом), что означало 'Акмолинский лагерь жен изменников Родины'. В его аду за тремя рядами колючей проволоки побывало 18 000 жен, сестер, матерей расстрелянных или отбывавших наказание в Гулаге политзаключенных. И под *Акмолинском* начали появляться многочисленные новые захоронения измученных, умерших от голода, болезней и нечеловеческих условий жизни женщин и детей. Эти места упокоения христианок, мусульманок, атеисток никто бы не посмел в то время назвать ни *белыми*, ни *святыми могилами*.

Уже находясь вдали от этого города, я когда-то спокойно восприняла переименование *Акмолинска* в *Целиноград*. Произошло это в 1961 г. Освоение целинных и залежных земель, которых вокруг Акмолинска было видимо-невидимо, стало ощутимым толчком к его развитию. Город принимал добровольцев-целинников, расстраивался. К моменту распада СССР и формирования независимой Республики Казахстан вместо 100 000 в Целинограде проживало 300 000 человек. Но плоды самоотверженного труда целинников уже не казались впечатляющими: степные земли без орошения не очень-то были пригодны для выращивания зерновых. И в 1992 г. казахстанские власти, решили вернуть городу его прежнее имя – *Акмола / Акмолинск*, что было вполне естественно для страны, выстраивающей свою новую национальную политику.

Но подлинный перелом в судьбе города произошел в 1994 г., когда президент Казахстана Н. А. Назарбаев издал указ о переносе столицы из Алматы в Акмолу. В книге «Эра независимости», возвращаясь к этому историческому решению, Назарбаев напишет: «Уже в 1992 году, во время одной из своих рабочих поездок в Акмолу у меня возникла мысль о переносе столицы. Проект новой столицы Казахстана появился не случайно. С обретением независимости возникла новая государственная реальность, которая требовала адекватных форм» [6]. Став столицей, город вновь стал называться *Акмолой / Акмолинском*. Однако не соответствовал этот топоним с его неоднозначным прошлым мегаполису с более чем миллионным населением, со столичным лоском, высотными домами, парками, одетой в гранит набережной, итальянским, французским и английским кварталами. И тогда, под давлением снизу, президент Назарбаев 6 мая 1998 года подписал указ, по которому надлежало дать преобразенной столице новое имя – *Астана*. Современные казахские словари обычно переводят слово *Астана* как 'столица', но, думается, что у лексем *Акмола* и *Астана* сходные этимологии. Подтверждение тому мы нашли в книге А. Г. Селезнёва и др. «Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального». В ней, в частности, сообщается, что широко распространенное еще в досоветское время в Сибири наименование поселений *астана* восходит к термину, означающему 'культ почитания мест легендарных захоронений древних миссионеров, распространявших исламскую веру среди язычников и погибших в борьбе с ними' [8]. То, что именно в таких местах почитания святых позднее вырастали города и даже столицы, можно считать вполне естественным.

Столица Казахстана *Астана* вполне заслуженно в 1999 г. получила от ЮНЕСКО премию «Города за мир». «Генеральный директор ЮНЕСКО г-н Федерико Майор особо отметил, что за короткий срок с момента переноса столицы из Алматы в Астану Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев и муниципалитет города приложили огромные усилия к превращению новой столицы государства в центр науки, культуры и образования. По мнению главы ЮНЕСКО, Астана стала ярким символом независимости молодого государства» [4].

Из Астаны мы необычно долго ждали ответов на свои заявки, связанные с участием в работе XIV Конгресса МАПРЯЛ. Приглашения пришли за месяц с небольшим до начала работы форума. Авиабилеты успели подорожать почти вдвое, и многие русисты даже из тех, что прошли через «отсев», не смогли приехать по материальным соображениям. Оглядываясь назад, я понимаю, насколько сложно было работать организаторам Конгресса. Только позже мы выяснили, какие события тормозили их деятельность. Уходил со своего поста президент страны, 33 года руководивший Республикой Казахстан; предстояли выборы нового главы государства; запускалась процедура переименования

столицы – места проведения Конгресса, и нужно было во всех документах Конгресса все это учесть... Челябинская область соседствует с Казахстаном, и мы с Любовью Николаевной смогли вовремя уладить все дела. И вот уже перед нами раскинулся город Нур-Султан.

Я волновалась. Для меня не только *Нур-Султан*, но и *Целиноград*, и *Астана* долгие годы оставались *Акмолинском*, городом, с которым связаны и самые счастливые, и самые горькие мои детские воспоминания. Я и сейчас ощущаю горячую пыль немощеных улиц Акмолы, вижу низенькие колючие кусты акаций с желтыми цветками весной и зелеными стручками летом, из которых мы делали звонкие «свистульки»; мысленно окунаюсь в радостное чувство покоя, оттого что дощатые нары барака ночью не дрожат, как пол в «телячем» вагоне; пью обжигающе горячий чай со сливками из маленькой кисы в доме старого казаха с добрыми, все понимающими глазами...

Я, конечно, понимала, что не увижу моего прежнего Акмолинска, с его многочисленными бараками, низенькими глиняными домишками, шумным базаром, длиннющими очередями за хлебом. Но то, что предстало перед нашими глазами на левом берегу реки Есиль, меня буквально потрясло. Посреди степи, щедрой на сорокаградусные морозы и лютые метели зимой, а летом – на сорокаградусную жару и пыльные ветры, вырос прекрасный современный город, с широкими проспектами, ультрасовременными отелями, музеями, государственными учреждениями, благоустроенными жилыми кварталами, спортивными сооружениями, многочисленными культурными и учебными заведениями. И всюду, не только в огромном парке, прекрасно чувствующие себя ели, сосны, липы, клены... – и ни одного кустика одичавшей колючей акации!

Работа Конгресса проходила в самом центре столицы – в ультрасовременном отеле «Ритц-Карлтон» и в главном корпусе Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва (ЕНУ). Внушительный скульптурный портрет Льва Николаевича Гумилёва, сына двух гениальных русских поэтов Серебряного века, не случайно установлен в холле (ЕНУ). Судьба автора оригинальной теории этногенеза (и гипотезы, по которой русские – по происхождению татары, принявшие крещение, а Русь – наследница Золотой Орды) напрямую связана с историей Казахстана: Лев Гумилёв часть своей подневольной («каторжной», как он сам ее называл) жизни провел в Карлаге (Карагандинской системе концлагерей): «осужден 13 сентября 1950 года Особым Совещанием при МГБ СССР по статьям 58-8, 58-10 часть I, 58-11 УК РСФСР сроком на 10 лет. Меру наказания отбывал в Особом Песчаном лагере МВД СССР на территории Карагандинской области, куда прибыл из Лефортовской тюрьмы МГБ СССР. 3 сентября 1951 года убыл вместе с личным делом для дальнейшего отбывания наказания в Камышлаг Омской области» [7]. Будучи в заключении, в общении с казахами, Гумилёв освоил казахский язык и начал работать над историей кыпчаков-предков казахов и других кочевых этносов, что позволило ему позднее сформулировать концепцию *евразийства*. Президент Казахстана Н. Назарбаев не без основания 23 мая 1996 г. издал указ о преобразовании Акмолинского университета в Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва [Там же]. Не случайно и то, что большая часть наших заседаний проходила именно в этом учебном заведении, символизирующем суть государственного строительства Республики Казахстан и ее международной политики.

XIV Конгресс МАПРЯЛ в столице Казахстана, по мнению участников, был организован на самом высоком уровне. В нем приняли участие около 500 специалистов из 45 стран мира. Это не самые впечатляющие цифры, если их сравнить с данными предыдущих конгрессов международной организации. Так, например, 4 года назад, в работе предыдущего конгресса, проходившего в Испании, в Гранаде, приняли участие 1200 делегатов из 60 стран; в 1979 г. Берлин принимал на IV Конгрессе МАПРЯЛ 1860 представителей 65 государств мира; на VI конгресс в Будапешт съехалось 1800 преподавателей русского языка и литературы из 66 стран, а через 4 года на V Конгрессе в Праге проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы обсуждали 2400 делегатов из 72 государств. Все рекорды побил VII Конгресс МАПРЯЛ, проходивший в 1990 г. в Москве. Он собрал около 3000 делегатов из 80 стран мира (о содержании этих конгрессов см.: [3, с. 5-9]).

Тема, обсуждавшаяся на XIV Конгрессе в Нур-Султане, была сформулирована лаконично – «Русский язык в многоязычном мире». Однако она оказалась настолько емкой, что позволила участникам обсудить широчайший круг вопросов, которые волнуют всех русистов: среди делегатов были и маститые ученые, и преподаватели русского языка и литературы, работающие в учреждениях разных уровней (в детских садах, в школах, в университетах), и государственные чиновники, и деятели культуры.

В своих заметках я могу коснуться только некоторых граней масштабного события, участницей и свидетельницей которого мне посчастливилось стать.

Выступая с приветственным словом на *торжественном открытии Конгресса*, заместитель

председателя Парламента Казахстана *Г. Исимбаева* подчеркнула, что Казахстан – многоязычная республика: в ней проживает более 130 этносов. И русский язык, который при наличии государственного казахского языка используется как официальный язык страны, является одновременно незаменимым средством межнационального общения внутри молодой республики.

Приветствие в адрес Конгресса Президента Российской Федерации В. В. Путина озвучил советник Президента *В. И. Толстой*. От имени президента МАПРЯЛ *Л. А. Вербицкой* с началом работы Конгресса участников поздравил вице-президент МАПРЯЛ *С. А. Кузнецов*. Сообщив, что число членов МАПРЯЛ за два последних года значительно увеличилось, он выразил полную уверенность в том, что **МАПРЯЛ будет жить!**

Массу интересных сведений почерпнули участники Конгресса 30 апреля на **панельной дискуссии** «Русский язык в многоязычном мире: идентичность, ресурс, интеграция», модератором которой был *В. А. Никонов*, председатель Комитета Государственной Думы по образованию и науке, председатель Правления Фонда «Русский мир». В своем вступительном слове к дискуссии он, в частности, сказал: «Там, где наказывали русский язык, ничего хорошего не происходило. Пример тому – Украина, где за фразу, произнесенную по-русски даже в Госдепартаменте, чиновника ждет увольнение».

Президент Казахстанской ассоциации МАПРЯЛ *Э. Д. Сулейменова* говорила о том, что Казахстан, будучи тюркско-славянской страной, играл и играет роль паба между Европой и Азией. Из государства двуязычного он идет по пути к трехязычию: к русскому и казахскому языкам присоединяется английский. На этом зиждется система современного образования в республике. Не ожидая вопросов о причинах перехода на латинскую графику в Казахстане (что, конечно, на мой взгляд, сузит возможности влияния русского языка и русской культуры и вызовет новый отток русскоязычного населения из Казахстана), госпожа Сулейменова сказала, что замена кириллицы латиницей связана с необходимостью выхода в более широкое международное пространство.

Советник Президента Российской Федерации *В. И. Толстой* говорил о том, что родной язык – самая большая ценность для человека. Русский язык, будучи родным для многих миллионов людей, как и другие языки мира, в наши дни подвергается серьезным испытаниям. В числе проблем современной мировой культуры Толстой назвал 1) утрату национальными языками литературных норм, 2) исчезновение языков малых народностей, 3) замену художественного перевода машинным. Он высказал также сожаление о том, что выбор профессии русиста сегодня обусловлен не романтическим стремлением овладеть русской культурой, познакомиться с творчеством Пушкина или Толстого, а прагматическими соображениями. И задача современных преподавателей русского языка и литературы, считает *В. И. Толстой*, – воспитывать чувство любви к русской культуре. *Д. Ю. Дэвидсон*, вице-президент МАПРЯЛ,

Почетный Президент Американского совета по международному образованию, рассказал об изменениях в образовательной политике Соединенных Штатов Америки, где недавно при переписи населения выяснилось, что в Америке 65 % граждан говорят не на английском языке. Сейчас поставлена задача перехода на билингвальный путь развития американского образования, сохранения языков аборигенов и подготовки поколения новых учителей, способных преподавать в школах, где одновременно учатся с прочими детьми дети аборигенов. Кроме того, в 2015 г. стратегически важным для США был объявлен русский язык, поэтому назрела необходимость обеспечения американских русистов новыми учебно-методическими материалами, и первыми были созданы государственные стандарты для изучающих русский язык.

Любопытную точку зрения высказал вице-президент МАПРЯЛ *А. Мустайоки*, профессор Хельсинского университета. Он считает, что в мире существует два политизированных языка – китайский и русский, и у тех, кто изучает эти языки, доминирует именно политическая мотивация. У тех же, кто изучает английский язык, мотивация коммуникативная. Упрощенный английский – самый удобный для общения язык, заявил Мустайоки. Его изучают без политической подоплеки, а русский язык только тогда сможет стать таким же популярным средством межнационального общения, когда он перестанет быть политизированным и будет играть обыкновенную коммуникативную роль (без культурной составляющей). Ведущий панельной дискуссии *В. А. Никонов* парировал: «Такой путь вряд ли нужен. Получилось бы, как в Индии. Между прочим, фрау Меркель была отличницей по русскому языку».

Выступивший вне программы *представитель Россотрудничества в Казахстане от России* высказал очень важную, созвучную моему мнению мысль: студенты, приезжающие в Россию, должны обучаться на русском языке!

В тот же день, 30 апреля, состоялось **пленарное заседание**, на котором председательствовал

профессор *А. Мустайоки*. Первый доклад «Пушкин и Абай. “Времен связующая нить”» *Э. Д. Сулейменов* открыл для меня новые страницы в творчестве казахского философа, полиглота, поэта, переводчика Абая Кунанбаева, стихи которого мы когда-то учили наизусть в школе.

Неподдельный интерес у слушателей вызвал доклад *Д. Ю. Дэвидсона* «Трансформативное обучение иностранным языкам. Теория и практика». Докладчик убежден, что смена языка сопровождается сменой когнитивного мышления, и обучение иностранному языку должно проходить через 4 фазы «погружения», которые условно были названы им 1) проблемой дезориентации, 2) пересмотром ориентации, 3) переосмыслением, 4) планированием действий на будущее. При этом обучающийся должен ежедневно вести электронный дневник, где ему следует анализировать успехи или неуспехи своего обучения.

Масса новой информации содержалась в докладе «Современная литература на русском языке: русская классика» *В. И. Шульженко*, ученого из Пятигорского государственного университета. Проблему распространения русского языка в мире докладчик связал с межкультурной интеграцией. В наше время (в условиях свободного передвижения носителей русского языка, в том числе деятелей искусства) «русской лирой обеспечивается, например, расцвет североамериканской поэзии». Уже существует «Русская премия», на основании конкурсного отбора публикующая произведения русских писателей-эмигрантов.

А. Мустайоки в своем докладе попытался ответить на вопрос «Что такое знание языка?». Начал он с фразы: «Знают по-настоящему тот язык, который выучен дома, а не в школе». После этого он сформулировал ряд тезисов-правил, которые следует учитывать при обучении иностранному языку. Необходимо, с его точки зрения, добиваться от учащихся (1) умения благодарить и грамотно аргументировать свою точку зрения на изучаемом языке; (2) владения разными формами непрямо́й речи; (3) способности говорить приятные или неприятные вещи. Кроме того, учащиеся должны (4) креативно использовать возможности языка, в том числе знать жаргонизмы и антиполовицы; (5) осознанно слушать и легко переводить услышанное на иностранный (изучаемый) язык. Следует при этом помнить, что никто не может даже родным языком владеть в совершенстве; что жесты, мимика, интонация очень зависят от назначения общения; что знание языка ограничивается рядом экстралингвистических факторов (темп речи, эмоциональное и физиологическое состояние собеседников); что умение приспособлять речь к реципиенту является центральным элементом прагматической компетенции; что языки и ментальные миры людей намного ближе друг к другу, чем нам кажется: мы разные, но 99 процентов у нас совпадают.

Вице-президент МАПРЯЛ *С. А. Кузнецов* поставил вопрос о том, какому русскому мы обучаем новое поколение России. Наши школьные программы нацелены на овладение учениками 20 000 слов и орфографии в объеме программы 5–11-го классов. А современный русский язык – это не только язык русской литературы. Это и язык экономики, политики и других сфер жизни, что нужно учитывать при обучении русскому языку. Кузнецов считает, что общее количество языковых единиц, которыми должен овладеть выпускник 11 класса, – это примерно 160 тысяч, а из них 7 500 слов отсутствует в словарях. Каждый современный учитель, какой бы предмет он ни преподавал (физику, химию, математику и пр.), обязан хорошо знать русский язык, чтобы добиться необходимых результатов.

В этот же день, 30 апреля, до позднего вечера шла **работа за круглыми столами**. Первый из них был посвящен теме «Русский язык на постсоветском пространстве: общая когнитивная база и региональные компоненты в обучении»; на втором обсуждались проблемы дистанционного обучения русскому языку, на четвертом – способы внедрения текстов современной русской литературы в учебный процесс, на пятом – проблемы билингвального обучения, на шестом – «сегодня и завтра» культурологического направления в образовании [1, с. 75-92].

К сожалению, посетить можно было только один круглый стол, и я выбрала третий, где обсуждались реалии XXI в. в русской фразеологии. Председательствовал на нем профессор Грайфсвальдского университета Х. Вальтер. В центре внимания участников оказалась новая фразеология, отражающая цивилизационные изменения в мире конца XX – начала XXI в. и способы их лингвокультурологического описания.

Самым напряженным для участников Конгресса стал день 1 мая. Делегатам предстояла **работа в секциях по 14 направлениям**. Перечислю только их названия, чтобы передать хотя бы общее представление о том, что волнует преподавателей русского языка и литературы в нашей стране и за рубежом: 1. «Современный русский язык: социолингвистические аспекты исследования»; 2. «Русская литература в эпоху глобализации»; 3. «Системно-структурное описание современного русского языка»; 4. «Динамика языковых изменений: диахронические и синхронические аспекты исследования»;

5. «Язык. Сознание. Культура»; 6. «Современная русская лексикография: традиции и инновации»; 7. «Русский язык: коммуникативно-прагматические аспекты исследования»; 8. «Русский язык в межкультурной коммуникации»; 9. «Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного»; 10. «Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты»; 11. «Перевод как средство межкультурного взаимопонимания, предмет изучения и обучения»; 12. «Русский язык в медиапространстве»; 13. «Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность»; 14. «Методика преподавания русской литературы: теория и практика» [1, с. 3-74].

Вместе с профессором из Германии Х. Вальтером мы были сопредседателями и докладчиками на **6-м направлении**. Сложность состояла в том, что каждому выступающему отводилось для доклада всего по 5 минут. А поскольку материалы участников Конгресса еще не были опубликованы, необходимо было предельно сосредоточиться и излагать суть своей работы лаконично. Все же докладчикам удалось это сделать. Вот только некоторые штрихи к этому заседанию.

Первой выступила *Е. Ф. Журавлёва*, профессор из университета Западной Македонии, автор уникального орфоэпического словаря русского языка для греческих пользователей. Докладчица справедливо считает, что ударение нужно ставить во всех русских словарях для иностранцев. Кроме того, необходимо, по ее мнению, транскрибировать русские слова и особое внимание уделять тем единицам, которые были заимствованы из родного языка обучающихся. Так, например, в греческом языке ударение всегда падает на один из трех последних слогов, а лексема, заимствованная из греческого языка, в русском может не подчиняться этому правилу (ср. греч. *grógramma* и рус. *програ́мма*).

О масштабном проекте отражения представлений о мире в лексикографических трудах доложила *О. А. Анищенко*, профессор Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалаханова.

Профессор Х. Вальтер, автор многочисленных немецких, русских, а также двуязычных и многоязычных словарей выступил с докладом, подготовленным совместно с профессором Санкт-Петербургского университета *В. М. Мокиенко*, «Новые и старые реалии в новой русской фразеологии» и сформулировал ряд проблем современной фразеологии, в том числе необходимость издания словарей новейшей фразеологии, ассоциативных фразеологических словарей, словарей фразеологического и паремиологического минимума для изучающих русский язык.

Е. А. Юрина, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, рассказала об уникальном опыте прагматической параметризации лексической и фразеологической семантики в полиязычном словаре метафор.

И. В. Ерофеева, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, в докладе, подготовленном ею совместно с *Л. А. Усмановой*, познакомила слушателей с принципами представления лингвистической информации в синонимических словарях и в тезаурусах RuWordNet, основанными на использовании новейших интернет-технологий.

Масштабную работу над 15-томным русско-немецким словарем представила профессор *Р. Белянчикова* из Магдебургского университета им. Отто фон Герике, которая работает над входящим в этот 15-томник словарем неологизмов (1998–2002 гг.).

Ю. Н. Михайлова, исследовательница из Уральского федерального университета им. Президента России Б. Н. Ельцина, на основании двух толковых словарей, изданных под редакцией Г. Н. Скляревской и О. П. Ермаковой, квалифицированно проанализировала динамику изменения лексики русского языка в ряде тематических групп, касающихся спорта, наименований лиц, предметов быта, видов развлечений и пр.

Неподдельный интерес у аудитории вызвал и заключительный доклад на заседании нашего направления. *К. Х. Э. Федерико*, молодой ученый из Гранадского университета, представил работу, выполненную им вместе с *А. А. Зайнульдиновым-Тяренковым* из Барселонского университета, «Принципы сопоставительного анализа эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках (на материале словаря эмоционально-оценочной лексики русского языка с испанскими эквивалентами). Только благодаря доброжелательной пунктуальности и находчивости проф. Вальтера мы не только выслушали всех докладчиков, но и предоставили присутствующим (а их было немало!) возможность задать вопросы, выслушать ответы и даже принять участие в минидискуссиях.

2 мая прошло **заседание Генеральной ассамблеи МАПРЯЛ**, на котором было принято два важных решения: президентом МАПРЯЛ был избран советник Президента Российской Федерации В. В. Путина Владимир Ильич Толстой; 2) местом проведения следующего, XV Конгресса МАПРЯЛ определен Санкт-Петербург.

Вечером того же дня состоялось **закрытие Конгресса**, на котором с итоговым докладом выступил

пила вице-президент МАПРЯЛ Э. Д. Сулейменова, были награждены за выдающиеся заслуги в деле преподавания и укрепления позиций русского языка делегаты из разных стран мира.

Хозяева Конгресса сделали все возможное, чтобы обеспечить делегатам благоприятные условия для проживания, эффективной работы, научного общения, знакомства с достопримечательностями города Нур-Султан. Во время экскурсии по городу на комфортабельном двухъярусном автобусе нам была предоставлена возможность увидеть столицу Казахстана во всем ее величии и красоте. Посещение национального музея поразило богатством экспозиции и масштабными результатами археологических и исторических открытий, совершенных казахстанскими учеными в последние два десятилетия. Концертные заставки в ходе Конгресса, с детским ансамблем скрипачей, зажигательными национальными танцами и великолепной школой вокального искусства не могли не покорить гостей. Огромное впечатление произвел на нас Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР», инициатором создания которого (как и многих других, очень важных дел) был Президент Н. А. Назарбаев, за что ему хотелось бы сказать особое спасибо. Мы убедились в том, что в Казахстане знают и любят русский язык. В отелях, магазинах, в культурных центрах, на улицах у нас ни разу не возникло языкового барьера.

XIV Конгресс МАПРЯЛ стал ярким свидетельством того, что у России есть надежные друзья в Соединенных Штатах Америки, в Великобритании, в Испании, во Вьетнаме, в Китае, в Венгрии, в Сербии, в Монголии, в Турции, в Германии, в Японии, в Корее, в Греции и во многих других странах мира. Это многотысячная армия преподавателей, влюбленных в русскую культуру, в русский язык. Объединившись в международной ассоциации, они доказывают плодотворность сотрудничества людей разных рас, разных исповеданий, разных политических взглядов, если они руководствуются благородной целью – учить языку великой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (29 апреля – 3 мая 2019 года, г. Нур-Султан, Казахстан). Программа. Нур-Султан : Еуразия Ултык Университеті, 2019. 101 с.
2. Астана (захоронение) [Электронный ресурс] // Wikimedia Foundation, Inc. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Астана_\(захоронение\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Астана_(захоронение)) (дата обращения: 24.06.2019).
3. Вербицкая Л. А. МАПРЯЛ: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Избранные труды МАПРЯЛ. Русский язык за рубежом: спец. выпуск журнала «Русский язык за рубежом». 2019. С. 5-9. URL: https://www.pushkin.institute/science/russkiy_yazyk_zh_rubezhom/MAPRYAL_RYAZR.pdf (дата обращения: 24.06.2019).
4. История Астаны, 08.12.2017. [Электронный ресурс] // Портал «Qazaqstan tarihy». URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/380> (дата обращения: 24.06.2019).
5. Муканов Б. История переименования столицы Казахстана. Как Акмолинск превратился в Нур-Султан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/istoriya-pereimenovaniy-stolicy-kazahstana-kak-akmolinsk-prevratilsya-v-nur-sultan.html> (дата обращения: 25.06.2019)/
6. Назарбаев Н. Эра независимости. Астана, 2017 [Электронный ресурс] // Библиотека первого Президента Республики Казахстан - Елбасы Қазрусенг. URL: <http://presidentlibrary.kz/ru/content/nazarbaev-n-era-nezavisimosti> (дата обращения: 25.06.2019)
7. Попов Ю. Как Лев Гумилёв стал первостроителем города Абая, 16.06.2017 [Электронный ресурс] // Das deutsche allgemeine Zeitung. URL: <http://daz.asia/ru/kak-lev-nikolaevich-gumilyov-stal-pervostroitelem-goroda-abaya/> (дата обращения: 25.06.2019).
8. Селезнёв А. Г. и др. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
9. Сметанина С. Юбилей МАПРЯЛ: сохранить богатство русского языка [Электронный ресурс] // Русский мир, 14.09.2017. URL: <https://russkiymir.ru/publications/229055/> (дата обращения: 27.06.2019).

S. G. Shulezhkova (Magnitogorsk, Russia)

MAPRYAL IS ALIVE AND WILL LIVE! (the XIV Congress was held in Nur-Sultan)

Abstract. The author analyzes the regular congress of MAPRYAL (International Association of Teachers of the Russian Language and Literature) which was held in the spring of 2019. Nosov Magnitogorsk State Technical University delegated two representatives to take part in it. The congress proved the increased interest in the Russian language in the near and far abroad, especially in the countries of Asia, Africa and South America. Good progress was made in teaching methods, too. Reports of the outstanding specialists in Russian philology, their original methods and theoretic

cal conceptions, master classes, the panel debate and the insight into Kazakhstan education system aroused a keen interest among the delegates. Nur-Sultan, the capital city of Kazakhstan, made a good impression on the Russian philology specialists. It is a modern city of Tomorrow with a careful attitude towards the history of the country.

Keywords: Akmola, Tselinograd, Astana, Nur-Sultan, XIV Congress, MAPRYAL (International Association of Teachers of the Russian Language and Literature), the multilingual world, the Russian language.

REFERENCES

1. XIV Kongress MAPRYAL «Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire» (29 aprelya – 3 maya 2019 goda, g. Nur-Sultan, Kazakhstan). Programma. Nur-Sultan, Euraziya Ultyq Universiteti, 2019, 101 p.
2. Astana (zakhoroneniye) [Elektronnyi resurs], Wikimedia Foundation, Inc. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Astana_\(zakhoroneniye\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Astana_(zakhoroneniye)).
3. Verbitskaya L. A. MAPRYAL: vchera, segodnya, zavtra [Elektronnyi resurs], Izbrannyye trudy MAPRYAL. Russkii yazyk za rubezhom: spets. vypusk zhurnala «Russkii yazyk za rubezhom», 2019, pp. 5-9. URL: https://www.pushkin.institute/science/russkiy_yazyk_za_rubezhom/MAPRYAL_RYAZR.pdf.
4. Istoriya Astany, 08.12.2017. [Elektronnyi resurs], Portal «Qazaqstan tarihy». URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/380>.
5. Mukanov B. Istoriya pereimenovaniya stolitsy Kazakhstana. Kak Akmolins prevratilsya v Nur-Sultan [Elektronnyi resurs], Rezhim dostupa: <https://informburo.kz/stati/istoriya-pereimenovaniy-stolitsy-kazahstana-kak-akmolinsk-prevratilsya-v-nur-sultan.html>.
6. Nazarbaev N. Era nezavisimosti. Astana, 2017 [Elektronnyi resurs] // Biblioteka pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan Elbasy Kazruseng. URL: <http://presidentlibrary.kz/ru/content/nazarbaev-n-era-nezavisimosti>
7. Popov Yu. Kak Lev Gumilev stal pervostroitelem goroda Abaya, 16.06.2017 [Elektronnyi resurs], Das deutsche allgemeine Zeitung. URL: <http://daz.asia/ru/kak-lev-nikolaevich-gumilyov-stal-pervostroitelem-goroda-abaya>.
8. Seleznev A. G. i dr. Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo, Moscow, Izd. dom Mardzhani, 2009, 216 p.
9. Smetanina S. Yubilei MAPRYAL: sokhranit' bogatstvo russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] , Russkii mir, 14.09.2017. URL: <https://russkiymir.ru/publications/229055>.

Шулежкова С. Г. МАПРЯЛ жив и будет жить! (XIV конгресс прошел в Нур-Султане) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 65-72.

Shulezhkova S. G. MAPRYAL is alive and Will Live! (the XIV Congress was held in Nur-Sultan), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 65-72.

Сведения об авторе

Шулежкова Светлана Григорьевна, д-р филол. наук, профессора каф. русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; shulezkova@gmail.com.

Author:

Svetlana G. Shulezhkova, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); shulezkova@gmail.com.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Журнал «Гуманитарно-педагогические исследования» публикует:

- статьи *ученых*, а также рецензии на опубликованные научные издания последних 2-х лет;
- статьи *аспирантов, магистрантов* при условии предоставления рецензии кандидата или доктора наук соответствующей научной специальности либо в соавторстве с научным руководителем;
- *сообщения* к юбилеям ученых, научных школ или научно-практических изданий.

Принимаются статьи по результатам научных исследований в **области педагогики и образования**, также по **общественным и филологическим наукам**.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

К рассмотрению принимаются материалы, соответствующие *следующим критериям*:

- статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;
- уровень оригинальности материалов должен быть не менее 70 %;
- максимальное количество авторов – не более 3-х, за исключением статей по результатам экспериментальных исследований;
- представляемые в редакцию материалы не должны быть ранее опубликованы в других изданиях или в данный момент находиться на рассмотрении в других журналах;
- представленные статьи, рецензии, сообщения должны соответствовать принятым правилам оформления (см. Требования к оформлению).

Публикация статей бесплатная.

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В 2019 г.

Выпуск № 1 – до 15 января 2019 г.,

Выпуск № 2 – до 15 марта 2019 г.,

Выпуск № 3 – до 15 мая 2019 г.,

Выпуск № 4 – до 15 сентября 2019 г.

ТРЕБОВАНИЯ

**к материалам, направляемым в журнал
«Гуманитарно-педагогические исследования»**

Порядок представления материалов

Материалы представляются в электронном виде на адрес электронной почты <igo@magtu.ru> *в одном письме* с темой «**В журнал “Гуманитарно-педагогические исследования”**» в нескольких файлах:

1. Текст статьи (рецензии/сообщения) с аннотацией и ключевыми словами, сведения об авторах на русском языке.
2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка, сведения об авторах).
3. Скан-копия заверенного бланка согласия (см. Бланк согласия),
4. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов, заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале).

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора (например, *Иванов1, Иванов2, Иванов3, *Иванов4*).

Требования к оформлению

1. Текст статьи (файл 1) предоставляется в электронном виде и создается в текстовом редакторе Microsoft Word с расширением **docx**.

Расположение и структура текста внутри статьи:

УДК – в левом верхнем углу 1-ой страницы статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации

И.О. Фамилия автора (Город, Страна) – в правом верхнем, полужирным курсивом указываются инициалы и фамилия автора, затем обычным курсивом город и страна (на русском языке).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру заглавными буквами, полужирным (на русском языке). Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Название статьи не должно превышать 13 слов (=100 знаков). Не следует употреблять в названии аббревиатуры (кроме общеизвестных), а также допускать скопления знаков препинания (: () /), а также оборотов (*на примере...*). Не рекомендуется начинать формулировку названия со слов: «*О...*»; «*К ВОПРОСУ/ОБСУЖДЕНИЮ...*»; «*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ...*».

Аннотация – объемом **200-250 слов** на русском языке, отделяется от текста статьи пропуском строки. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования *актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования*. Не следует повторять название статьи.

Ключевые слова – на русском языке 5–8 слов (терминов), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, все поля – 2 см, абзацный отступ – 1 см.; ориентация – книжная, перенос автоматический (без заголовков). Между словами текста делается один пробел (два и более не допускается). При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Текст рекомендуется структурировать

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание **материала** и **методов** исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

Языковые примеры выделяются в тексте курсивом, примеры из художественных текстов должны иметь ссылки на источники в подстрочных постраничных ссылках (не в список литературы). Допускается цитирование любых первоисточников, однако в список ссылок НЕ следует включать ссылки на такие материалы, как: неопубликованные работы; государственные документы (постановления правительства, законы и т.д.), исторические документы, газетные статьи, словари, художественные произведения.

Дефис должен отличаться от *тире*, например: *историко-культурное* и *конец XIX – начало XX вв.* Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления числовых периодов и дат: с. 39–41, 1920–1935, Т. 1–3.

Рисунки, таблицы и графики должны иметь названия, а в случае если их в статье несколько, то нумерацию. Таблицы размещаются непосредственно в тексте статьи, нумеруются по порядку. Следует придерживаться принципа единообразия: все таблицы должны иметь тематические заголовки либо все без исключения не иметь названий. Вся информация в графах набирается кеглем 12 основного шрифта.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“ ”).

При наборе римских цифр используется латинская клавиатура: VIII, XV, II, III. *Не допускается:* У111, ХУ, П, Ш.

При наборе *не допускается использование стилей, не задаются колонки.*

Не допускается *применение автоматических списков (перечней).*

Ссылки и литература. Библиографические ссылки на русском языке, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для ссылок на научную литературу используются **затекстовые** ссылки, а на цитируемые литературные произведения, газеты, полевой материал и архивные документы, нормативные акты **подстрочных сносок** со сквозной нумерацией по тексту статьи.

Подстрочная сноска (первичная) представляет собой полную ссылку на источник.

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

Подстрочная сноска (повторная) при последовательном расположении первичной и повторной ссылок:

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

²Там же. С. 306.

Подстрочная повторная сноска среди прочих ссылок:

¹²Языков Н. М. Указ. соч. С. 631.

¹³ГАРФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 345. Л. 56.

¹⁴Тарасова В. И. Указ. соч. С. 387.

¹⁵Там же. С. 388...

³² О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 ноябр. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. [2004]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Число авторов. В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al."

Гурьянова И. В., Испулова С. Н., Клещева Е. А., Кузьменко Н. И., Слепухина Г. В., Халикова Д. А. Комплексное сопровождение субъектов инклюзивного образовательного пространства : монография с международным участием / отв. ред. Н. И. Кузьменко. Новосибирск : Изд. АНС «Сиб-БАК», 2017. 132 с.

Затекстовые библиографические ссылки на пристатейный список должны быть оформлены в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц для опубликованных печатных изданий - [1, т. 2, с. 25].

В тексте:

[10, с. 81] или [10, с. 106]

В затекстовой ссылке:

10. Бердяев, Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Если текст цитируется не по первоисточнику, то в начале отсылки приводят слова «Цит. по:», например, [Цит. по: 13, с. 16].

Затекстовые ссылки располагаются в разделе **ЛИТЕРАТУРА** с 1-м отступом от текста. Порядок расположения источников в списке – алфавитный. Автоматическая нумерация не применяется. Источники на иностранных языках подаются в оригинале и не подвергаются затем транслитерации в разделе **REFERENCES**.

Общий объем статьи (с аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком, на русском и английском языках) от 10 000 до 40 000 знаков с пробелами (не должен превышать 1 авторский лист.) (См. Образцы оформления статьи на русском и английском языках).

Сведения об авторе на русском и английском языках. Оформляются в конце статьи в таблице.

Таблица

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень /Academic degree, звание / rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position, подразделение	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address	

Keywords: *Word, word, word, word, word.*

REFERENCES

1. Antonova A. V., Klimenko I. M. Professional'nyi standart pedagoga: novye trebovaniya i kvalifikatsionnye kharakteristiki sovremennogo uchitelya, *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2014, no 6, pp. 81-86.

...

6. Parinov S. I., Ljapunov V. M., Puzyrev R. L. Sistema Socionet kak platforma dlja razrabotki nauchnyh informacionnyh resursov i onlajnovyh servisov, *Jelektron. b-ki.* 2003, vol. 6, no 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>

...

11. Frege P. On Concept and Object . In : P. Geach, M. Black. *Translations from Philosophical Writings of Gottlob Frege.* Oxford, 1952, pp. 56–78

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О АВТОРЕ

Иванов Иван Иванович - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии, документоведения и архивоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; IvanovII@mail.ru

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Author:

Ivan I. Ivanov, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Sociology, Document Science and Archive Science, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; IvanovII@mail.ru.